

Муниципальное бюджетное учреждение культуры
«Минусинский региональный краеведческий
музей им. Н.М. Мартянова»

**УЧЁНЫЕ ЗАПИСКИ
МИНУСИНСКОГО
КРАЕВЕДЧЕСКОГО
МУЗЕЯ ИМ. Н.М. МАРТЬЯНОВА**

Выпуск 1

Минусинск, 2019

ББК 63.3(253):72.4(253)

УДК 94(57):001.891

Учёные записки Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова: [текст] / МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова – Интеллектуальная система Ridero. 2019. – Вып. 1. – 228 с.
ISBN 978-5-0050-4790-8

Рецензенты:

В.Н. Тугужекова, д.и.н., професор;

А.С. Вдовин, к.и.н.

Редакционная коллегия:

Т.А. Ключников (ответственный редактор);

В.Г. Чернышёва (технический редактор).

Печатается по решению Учёного совета Минусинского музея

ISBN 978-5-0050-4790-8

© МБУК «Минусинский региональный
краеведческий музей Н.М. Мартьянова».

Минусинск, 2019

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Сборник «Учёные записки Минусинского музея им. Н.М. Мартьянова» печатается по решению Учёного совета музея, в год 175-летия со дня рождения основателя музея Николая Михайловича Мартьянова и в преддверии XXX научно-практической конференции «Мартьяновские краеведческие чтения», которая пройдёт в декабре 2019 года. В него вошли статьи исследователей, занимающихся изучением истории и культуры Южной Сибири.

Тематика работ включает историю Гражданской войны в Приенисейском крае, изучение памятников наскального искусства и миграционных процессов в Сибири XVIII в., исследования по хакасской этнографии и многое другое.

Книга будет полезна как учёным, исследователям Саяно-Алтайского региона, так и читателям, интересующимся различными аспектами истории Южной Сибири.

УДК 94 (470.5) 19

Н.М. МАРТЬЯНОВ – ОСНОВАТЕЛЬ МУЗЕЕВ СИБИРИ

В.В. Ермилова
*научный сотрудник
Минусинского регионального
краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова*

Аннотация. В статье приведены данные, характеризующие роль Н.М. Мартьянова в оказании помощи в создании и развитии местных публичных музеев Енисейской губернии и в целом в Сибири. Полученная информация дала основание заключить, что создание музеев стало делом всей жизни жителей Сибири. Это занятие создало возможность для местных жителей не только начать изучение родного края, но и участвовать в экспедициях, пополняя коллекции местных музеев уникальными предметами, характеризующими культуру и быт коренных народов Сибири.

Ключевые слова: музей, культура, коллекции, коренные народы.

Николай Михайлович Мартьянов родился 27 июля (15 июля по ст. стилю) 1844 года в Виленской губернии (ныне Западная Белоруссия). Провизор, выпускник Московского университета, Мартьянов стал не только первым аптекарем Минусинского округа с 1874 года. Он стал тем человеком, кто открыл первый местный публичный музей в Енисейской губернии в 1877 году. Николай Михайлович сумел найти единомышленников и энтузиастов в деле создания общественного музея в различных кругах: среди интеллигенции, политических ссыльных, купечества, ремесленников и крестьян.

Во второй половине XIX века в Российской империи зародилось движение представителей прогрессивной общественности среди учителей, чиновников, служащих различных комитетов по изучению истории, культуры и быта коренных народов страны. Началось всё с любительского интереса к старине родного края и собирания уникальных и редких предметов, в том числе, и находок при археологических раскопках курганов.

Однако не все начинания любителей старины оканчивались организацией музеев, чаще всего музеи не выдерживали испытания временем, трудностей содержания музеев на общественных началах. Бывший минусинский политический ссыльный И.П. Белоконский писал в «Северном Вестнике» за 1891 год, что захолустный сибирский городок стал известным всему миру благодаря музею. Автор спросил: «Отчего бы не сделать этого с каждым уездным городом?» А на полях издания неизвестный читатель подписал: «Сделать возможно, но только нужно иметь в каждом уездном городе Н.М. Мартянова» [Ковалёв, 1999: 5].

Минусинский музей, основанный Н.М. Мартяновым, стал родоначальником целой сети местных музеев в городах Восточной Сибири: Енисейск (1883), Ачинск (1887), Якутск (1887), Красноярск (1889) и других.

Об этом свидетельствуют многочисленные письма жителей Сибири Н.М. Мартянову, хранящиеся в научном архиве Минусинского краеведческого музея. Что волновало сподвижников Мартянова, о чём писали ему более ста лет тому назад?

Один из таких корреспондентов – Александр Игнатьевич Кытманов из Енисейска – в 1883 году писал Н.М. Мартянову, что он был очень рад, узнав об его желании познакомиться с ним и вести переписку. Кытманов слышал о Мартянове как об опытном специалисте в деле создания музея. Он послал Минусинскому музею небольшой гербарий местной флоры, собранный им самим [МКМ ОФ 10566/15. Л. 24].

1 октября 1883 года Енисейский музей был открыт для посетителей. В его коллекциях насчитывалось уже более 3000 предметов, в т.ч. коллекции растений, подаренных Николаем Михайловичем, и собранных также самим Кытмановым (всего 1000 ед.) [МКМ ОФ 10566/18. Л. 28]. В письме Кытманов делился с Мартяновым планами размещения экспонатов, сетовал на небольшое количество посетителей Енисейского музея [МКМ ОФ 10566/19. Л. 30-33]. В 1884 году при Енисейском музее была открыта общественная библиотека, в кото-

рюю Мартянов посылал регулярно отчёты по Минусинскому музею и описание его коллекций [МКМ ОФ 10819/21. Л. 24].

В марте 1887 года был открыт общественный музей с библиотекой и в Ачинске. Его основатель Дмитрий Семёнович Каргополов писал Н.М. Мартянову, что музей – дело новое и просил прислать ему положение о библиотеке, устав и каталог Минусинской библиотеки [МКМ ОФ 10692/10. Л. 17-18]. Каргополов интересовался также порядком приобретения книг для библиотеки и в следующем письме благодарил Н.М. Мартянова: «Буду следовать Вашим драгоценным для меня советам» [МКМ ОФ 10722/4. Л. 6-7].

В том же 1887 году к Н.М. Мартянову обратился с вопросами по созданию Якутского музея Андрей Иннокентьевич Попов, секретарь статистического комитета. Он был поставлен в затруднительное положение при составлении программы сборов предметов для музея и просил выслать ему программы по отделам антропологии, этнографии, археологии и естественной истории. Надеясь на компетентность и отзывчивость Мартянова, он обратился за помощью именно к нему [МКМ ОФ 10723/14. Л. 18], и Николай Михайлович незамедлительно откликнулся на просьбу далёкого якутского коллеги, послав ему несколько программ и все издания Минусинского музея, что были в наличии. Мартянов предложил при этом: «Если Якутская библиотека слишком небогата для приобретения и составления библиографического указателя, то я охотно возьмусь за составление для Вас такого указателя специальной музейной литературы, как это было сделано мною для Енисейского музея» [МКМ ОФ 10730/10. Л. 18 -19об].

А.И. Попов с благодарностью согласился с предложением, сделанным Н.М. Мартяновым, заметив при этом: «Вы поймёте, в какой тайге мы, якутяне, живём, где слово «музей» ново, доселе весьма немногими слыхано. Руководствуясь книжным материалом, полученным от Вас, я составил краткую программу по собиранию предметов для музея. Вы были столь обязательны предупредить моё намерение просить Вас о составле-

нии библиографического указателя Якутской области. Комитет музея Вам очень признателен» [МКМ ОФ 10743/7. Л. 10-11].

Благодаря помощи Н.М. Мартьянова Якутский музей был открыт в 1887 году.

Красноярский краевой краеведческий музей ведёт свою историю с 1889 года. Его создатель Иннокентий Алексеевич Матвеев уже в 1887 году писал Н.М. Мартьянову о зарождении нового музея в Енисейской губернии. Он просил Н.М. Мартьянова так же, как его коллеги по музейному делу, советов по составлению устава и определения задач музея. И.А. Матвеев поблагодарил Мартьянова за предложенную Красноярскому музею коллекцию и приложил в письме 100 рублей за помощь в описании коллекций [МКМ ОФ 10742/3. Л. 12-14]. 12 февраля 1889 года учредители Красноярского музея с глубоким уважением к основателю первого местного сибирского музея сообщили телеграммой об открытии своего музея и библиотеки [МКМ ОФ 10786/1. Л. 1].

Ко дню рождения Н.М. Мартьянова Минусинский краеведческий музей подготовил выставку малоизвестных писем основателей ряда сибирских музеев. Несомненно, что новая выставка вызвала интерес к истории зарождения музеев в Сибири XIX века. Материалы эпистолярного наследия Н.М. Мартьянова пользуются неизменным спросом у исследователей, изучающих данную тему.

В планах музея предполагается реставрация мемориального дома по ул. Мартьянова, 14, в котором откроется Музей уездной медицины и аптечного дела. Напомним, что этот дом – объект культурного и исторического наследия, в нём жил в начале XX века основатель музея Н.М. Мартьянов со своей семьёй. В доме располагалась также сама аптека, управляла которой с 1918 года после смерти родителей дочь Нина Николаевна Мартьянова.

Библиографический список

1. Ковалёв В.А. Слово о Мартьянове // Мартьяновские краеведче-

ские чтения (1989-1999 гг.). Сборник докладов и статей. Вып. 1. Минусинск: ООО «Март», 1999. С. 5-13.

2. Письмо А.И. Кытманова Н.М. Мартянову. Енисейск, 1883 г. // МКМ. ОФ 10566/15. Л. 24.

3. Письмо А.И. Кытманова Н.М. Мартянову. Енисейск, 1883 г. // МКМ. ОФ 10566/18. Л. 28.

4. Письмо А.И. Кытманова Н.М. Мартянову. Енисейск, 1883 г. // МКМ. ОФ 10566/19. Л. 30 – 33.

5. Письмо Н.В. Скорнякова Н.М. Мартянову. Енисейск, 13.05.1891 г. // МКМ. ОФ 10819/21. Л. 24.

6. Письмо А.И. Кытманова Н.М. Мартянову. Енисейск, 1884 г. // МКМ. ОФ 10614/12. Л. 17.

7. Письмо Д.С. Каргополова Н.М. Мартянову. Ачинск, 25.03.1887 г. // МКМ. ОФ 10692/9. Л.15-16.

8. Письмо Д.С. Каргополова Н.М. Мартянову. Ачинск, 6.05.1887 г. // МКМ. ОФ 10692/10. Л. 17-18.

9. Письмо Д.С. Каргополова Н.М. Мартянову. Ачинск, 19.11.1887 г. // МКМ ОФ 10722/4. Л. 6-7.

10. Письмо А.И. Попова Н.М. Мартянову. Якутск, 12.10.1887 г. // МКМ. ОФ 10723/4. Л. 18.

11. Письмо Н.М. Мартянова А.И. Попову. Минусинск, 1887 г. // МКМ. ОФ 10730/10. Л. 18-19 об.

12. Письмо А.И. Попова Н.М. Мартянову. Якутск, 12.02.1888 г. // МКМ. ОФ 10743/7. Л. 10-11.

13. Письмо И.А. Матвеева Н.М. Мартянову. Красноярск, 1887 г. // МКМ. ОФ 10742/3. Л. 12-14.

14. Телеграмма учредителей Красноярского музея Н.М. Мартянову. Красноярск, 12.02.1889 г. // МКМ. ОФ 10786/1. Л. 1.

Valentina V. Ermilova

*researcher of the
Minusinsk regional lore museum after
the name of N.M. Martianov
Minusinsk*

N.M.Martianov – the founder of Siberian museums

In this article, there is information about a role of N.M. Martianov in foundation and development of the local public museum of the Enysey guberniyas and of Siberia. With a help of this information we can say that foundation of museums was the main activity and the big aim of life for Siberian citizens. This activity gave an opportunity for local people not only to study their region but also to take part in expeditions to fill up collections of local museums by unique things, which characterize culture and everyday life of Siberian people.

Key words: museum, culture, collections, native people

УДК 908(470)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ НАУЧНЫЕ СВЯЗИ Н.М. МАРТЯНОВА В ОБЛАСТИ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК

Е.И. Майзик
*старший преподаватель КГПУ им. В.П. Астафьева,
заведующий сектором музейной педагогики
Красноярского краевого краеведческого музея*

Аннотация. В статье рассматриваются международные связи основателя Минусинского музея Николая Михайловича Мартянова. Выделяются формы сотрудничества в виде обмена научной информацией, коллекциями и экспонатами, участия в конгрессах, членства в научных обществах, командировок и экспедиций. Эти контакты способствовали музейной работе и изучению региона.

Ключевые слова: Минусинский музей, международные научные связи, научная коммуникация, естественнонаучные коллекции.

Удивительно сколько один человек может сделать для учреждения, города, региона науки в целом, которая не имеет границ и выходит за географические, хронологические, предметные рамки, обращаясь к наследию Николая Михайловича Мартянова (1844 – 1904).

Лучше всего представить личность основателя первого музея в Енисейской губернии можно словами его современников. Н.М. Мартянова характеризуют возвышено: «человек передовых взглядов, друг политических ссыльных, оставил заметный след в истории», «мягкий и добрый Мартянов отличался огромным мужеством», был «душой минусинского очага культуры» [Яворский, 1969: 3, 10, 21], «тип яркого культурного деятеля, человека, не умеющего и не желающего жить обывательской жизнью» [И.П., 1904: 2], «взлелеян сибирскими симпатиями; эти симпатии дали ему возможность осуществить мечту его молодости, они окрасили его жизнь» [Сообщение Потанина, 1902: 2], «такие деятели служат украшением страны» [Лаппо, 1904: 2]. А когда

подвижника музейного дела не стало, скорбь и благодарность к нему продлились на долгие годы. Коллеги в Красноярске вспоминали его с трепетом: «Необъятная Сибирь с её разнообразными географическими, этнографическими и естественно-историческими условиями более, чем какая-либо другая область России, нуждается в изучении. И невольно вспоминается имя незабвенного Ник. Мих. Мартьянова: он, как мифический пришелец из другой страны, полубог Греции, вызвал к жизни целую сеть местных музеев в Сибири. Созданный Н.М. Мартьяновым Минусинский местный музей послужил образцом для других местных музеев, объединил образованных сибиряков на живом реальном деле, полном не только научного интереса. Составляя выдающееся явление сибирской жизни, Минусинский местный музей, как и другие местные музеи, способствует проявлению местного самосознания; как и каждый местный музей, он объединяет силы для выяснения этого самосознания, он способствует выяснению местных интересов» [Лаппо, 1909: 13].

Выбранный Н.М. Мартьяновым провинциальный Минусинск не оказался вдалеке от мировой науки. Этот город отдалён от основных путей сообщения, но он не был для исследователя научной провинцией, а лишь слабо изученной территорией. Провизор Н.М. Мартьянов нашёл здесь своё призвание.

С первых лет работы Минусинского музея можно говорить о складывающихся международных связях. Их важность бесспорна как для отдельного музея, так и целой страны. Международные контакты музеев способствуют развитию и распространению мирового музейного опыта, введению в мировой научный оборот уникальных национальных культурных ценностей, укреплению мира и улучшению взаимопонимания и сотрудничества между народами. Международная практика межкультурного и научного сотрудничества выработала ряд форм, отражающих специфику музейных средств и возможностей: обмен выставками и экспонатами, участие в конференциях, симпозиумах, семинарах, в деятельности специализированных организаций, совместные публикации, стажировки и научные

командировки, совместные экспедиции, направление экспертов для оказания помощи при решении национальных проблем в музейной сфере или экстраординарных случаях и др. [Чистотина, 2001: 355].

Разнообразные исследовательские интересы Н.М. Мартянова обусловили его научные контакты. Но прежде всего, он являлся естествоиспытателем и, работая для музея, всю жизнь собирал и обрабатывал естественнонаучные коллекции. Н.М. Мартянов был членом 16 научных обществ. От его имени музей сотрудничал со многими учреждениями и исследователями не только России, но и зарубежья.

Как руководство к деятельности, близкий Н.М. Мартянову по музейной работе Д.А. Клеменц, хорошо знакомый с зарубежными музеями в период активной политической деятельности, рекомендовал для определения отправлять коллекции за границу. Он писал о заслугах Николая Михайловича в этом направлении: «Он не спал со своими коллекциями. Находилось что-либо интересное – он посылал в столицы, за границу и благодаря ему не один учёный труд о Сибири был выпущен за границей. В России носились ещё только неопределённые слухи о минусинском музее, а в Вене жена известного миколога, покойного барона Тюмена, уже писала о нём статьи в газетах. По последним отчётам музей находится в сношениях, кроме обществ и учёных русских, с французскими, шведскими, немецкими, швейцарскими, итальянскими. Важность такого способа действий ясна сама собой; но им очень часто пренебрегают и, чем учёнее консерватор, тем чаще. Сам, дескать, займусь обработкой. При разносторонних своих познаниях Мартянов мог бы более многих других претендовать на право личной разработки коллекций; но он поступался и своей учёной славой, и даже самими коллекциями ради привлечения сотрудников-специалистов» [Клеменц, 1892: 28-29].

Одно из первых известий о Минусинском музее появилось в иностранной печати в 1880 г. Упомянутая баронесса Берта фон Тюмен, знакомая с Н.М. Мартяновым через переписку и по за-

пискам о музее, напечатала заметку «Ein Musaum in Sibirien» в Венском издании «Oesterreichische Monatschrift fur den Orient». Она выразила удивление такому чуду, как музей в Сибири [Кон, 1902: 64; Thümen, 1880]. О китайской монете с «руническими знаками» из музея в 1882 г. была напечатана статья в журнале «Revue numismalique» [Отчёт, 1893: 11]. В 1885 г. о музее появились сведения в «Comptes rendus» Парижского географического общества [Десятилетие Минусинского музея, 1887: 75].

Большие и разнообразные коллекции музея нуждались в научном определении. Ещё до его основания в 1874–1875 гг. к этому были предприняты первые шаги. Уже в августе 1876 г. Н.М. Мартянов обратился к зарубежным учёным. Он отправил коллекцию собранных низших грибов немецкому микологу и фитопатологу барону Феликсу фон Тюмену (нем. Felix Karl Albert Ernst Joachim baron von Thümen-Gräfendorf, 1839–1892), решившему «взять на себя труд определить неизвестные ему и сомнительные виды». В первой отправленной ему коллекции оказалось 23 новых вида грибов. С тех пор между учёным микологом и, по его выражению, «беззаветным и неутомимым» коллектором началась оживлённая переписка по поводу отправляемых из Минусинска коллекций, на основании которых с 1877–1882 гг. бароном Тюменом издано 5 выпусков труда «Beitrage zur Pilzflora Sibiriens» [Кон, 1902: 43; Thümen, 1877, 1878, 1880]. Эта коллекция и последующие, систематически высылаемые музеем, послужила основой для опубликования Тюменом ряда статей с описанием 978 видов минусинских грибов, среди которых 155 стали новыми видами. Полная дублетная коллекция этого богатого собрания, также, как и дублеты других коллекций, посланных для научного определения, хранится в Минусинском музее [Яворский, 1969: 18].

Переписка между исследователями по определению коллекций продолжалась с 1876 по 1888 г. и велась на немецком языке. Она содержит 11 списков грибов, собранных Н.М. Мартяновым и определённых Ф. фон Тюменом [МКМ ОФ-11204], также более четырёх десятков писем Тюмена из Вены, Кlostернойбур-

га, Байройта, графства Горица. Активное общение исследователей пришлось на 1870-е гг., когда письма и уведомления отправлялись с регулярностью каждые два месяца.

Барон Тюмен был высококвалифицированным специалистом по грибковым формам разных стран. Его работы о грибах Европы сопровождались обширными систематическими трудами по сибирским, египетским, южноафриканским, австралийским, североамериканским и аргентинским видам, для которых он получал материал от коллекторов на местах [Wunschmann, 1908].

Самое раннее письмо барона в Минусинск датируется 6 июня 1876 г. [МКМ ОФ-11204/3. Л. 3] Оно стало положительным ответом на предложение Н.М. Мартянова о пересылке растений учёному: «Я получил от своего друга г. Боталина ботаника в СПб, известие, что Вы для своих специальных работ желали бы получать между прочим и от русских ботаников, коллекции низших грибов, – и так как я занимаюсь как раз собиранием растений в Минусинском округе Енисейской губернии, то позволил себе сделать Вам следующее предложение. Я послал бы Вам излишки бесплатно, желаемые Вами растения здешней флоры в возможно большем числе экземпляров. А вы от своей стороны, отослали бы мне назад в Минусинск, по 1–2 экземпляра каждого от определённых Вами грибов моих коллекций, с надлежащими определениями» [МКМ ОФ-11204/2. Л. 2].

В 1880-е гг. Мартянов продолжал делать сборы грибов по заказу Тюмена [МКМ ОФ 10654/8 Л. 13-13об], который просил также высылать в обмен этнографические предметы. Среди желаемых вещей он указывал керамику, орудия, предметы религиозного культа [МКМ ОФ 10618/1. Л.1-1об].

Ряд писем Мартянову был отправлен баронессой Б. фон Тюмен. Она благодарила за посылки с этнографическими образцами [МКМ ОФ-10532/2. Л. 11-12; МКМ ОФ-10544/5. Л. 6-7]. Вероятно, физическое состояние учёного не всегда позволяло оперативно обрабатывать коллекции и отвечать на письма. Тюмен отмечал, что его здоровье ухудшилось, а в 1887 г. он просил передать коллекцию грибов Г. Винтеру в Швейцарию [МКМ ОФ

10725/3. Л. 4-5], которому ранее сам пересылал минусинские грибы [МКМ ОФ 10587/2. Л. 5-6].

В последнем письме Н.М. Мартьянову Тюмен сообщил, что в связи с потерей зрения передал его материалы итальянскому микологу П.А. Саккардо [МКМ ОФ 10745/13. Л. 5-5 об]. На этом переписка исследователей прекратилась. А в 1892 г. жена барона Тюмена известила Н.М. Мартьянова о смерти супруга [МКМ ОФ 10847/2. Л. 2]

При посредничестве барона Тюмена музей доставлял Пьеру Андреа Саккардо (итал. Pier Andrea Saccardo, 1845–1920) в Падую коллекции грибов, собранных в Минусинском округе. П. Саккардо был профессором биологии, директором ботанического сада «Орто-Ботанико» в Падуанском университете. Он был признанным специалистом-микологом, составившим труд с описанием 32000 родов грибов «*Sylloge fungorum omnium huiusque cognitorum*» [Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, 1890–1907]. Н.М. Мартьянов обратился с предложением к П. Саккардо взять на себя определение собранных им коллекций грибов [МКМ ОФ 10850/9. Л. 12-12 об]. Заинтересованный П. Саккардо согласился [МКМ ОФ 10846/25. Л. 34]. Переписка с учёным длилась с 1891 по 1897 гг.

На основе описания минусинских коллекций профессор опубликовал сочинение «*Mycetes Sibirici*» в «Записках Бельгийского ботанического общества». Он представил несколько статей, в которых описал 300 видов грибов, из них 29 новых [Saccardo, 1893; Saccardo, 1896; Saccardo, 1880]. К Н.М. Мартьянову он обращался уважительно как к равному учёному: «Мне хорошо известно Ваше почтенное имя; я знаю также, с каким старанием и с какой настойчивостью Вы производите Ваши сборы» [МКМ ОФ 10846/24. Л. 33].

Деятельность музея по сотрудничеству в отчёте называлась «внешние отношения». Она складывалась из разного рода услуг, оказанных музею его корреспондентами. Чаще это был взаимовыгодный процесс: «Музей, напр., посылает учёному специалисту просимые им новые материалы и через некоторое

время получает, в воздаяние этой услуги, – научные определения для оставшихся у него дублетов» [Десятилетие Минусинского музея, 1887: 66-67]. То есть, зарубежные учёные занимались определениями минусинских коллекций не безвозмездно. Иностранцы имели возможность оставить образцы себе, а на основе их определений готовили и печатали научные труды, написанные на материалах музея. Неудивительно, что при таких условиях, собранные коллекции интересовывали многих специалистов и всевозможные учёные учреждения.

Причины доверия к зарубежным учёным кроются не только в их научном авторитете, но и в том, что исследовать флору Минусинского края в то время было крайне трудно. Флора Сибири была мало изучена. Определителей растений в современном понимании не существовало. Единственным сочинением, охватывавшим всю флору России, была «*Flora rossica*», к тому времени уже устаревшая. У Н.М. Мартянова было недостаточно и сравнительного материала, необходимого для определения трудных семейств. А микологическая флора Сибири в 1870-х была ещё почти неизвестна. Для определения цветковых растений Н.М. Мартянов первое время пользовался преимущественно работами П.С. Палласа, издания которого по просьбе коллег он рассылал по Енисейской губернии [МКМ ОФ 10677/14. Л. 29; МКМ ОФ 10676/9. Л. 105; МКМ ОФ 10790/16. Л. 187]. Сам Н.М. Мартянов не был микологом, но понимал важность сбора этих коллекций. К 1900 г. он собрал уже более 1100 видов грибов. Эта коллекция представляла большой интерес за границей как единственная в мире крупная коллекция сибирских грибов (более 1755 листов в 60 папках). Её научная ценность огромна. По этим материалам Ф. фон Тюмен и П. Саккардо описали 181 вид грибов, ранее неизвестных науке [Бауман, 2017: 16].

В 1890-е гг. минусинские грибы определял шведский миколог Ларс Ромелль (швед. *Lars Romell*, 1854—1927) [Shear, 1928]. Он писал Н.М. Мартянову: «Теперь я просмотрел грибы и составил список названий, известных мне на данный момент. Многие из присланных грибов являются новыми или ранее неизвест-

ными мне. Как только я определю их, я сообщу вам результат» [МКМ ОФ-11207/5. Л. 5]. Также он присылал в Минусинск каталоги растений [МКМ ОФ 11207/3; МКМ ОФ 10915/32. Л. 57] и образцы грибов из Швеции [МКМ ОФ-11207/9. Л. 12].

Американский ветеринар Даниел Элмер Салмон (англ. Daniel Elmer Salmon) поддерживал контакты с музеем с 1899 по 1903 г., отправлял издания, запрашивал образцы эризифовых грибов [МКМ ОФ-11046/19. Л. 26].

Благодаря изысканиям зарубежных специалистов, произведённым в 1870-е–1890-е гг., Енисейская губерния, в микологическом отношении на начало XX в. являлась наиболее исследованной частью Сибири. Материалы их списков обширны, но они не являлись исчерпывающими в микологическом отношении для губернии, ведь географически охватывали лишь отдельные местности [Лавров, 1926: 158].

В отчётах музея можно увидеть достаточно длинные списки лиц, помогавших с определением и других коллекций.

Наиболее широкая сеть контактов по определению естественонаучных коллекций музея сложилась благодаря финскому биологу Виктору Фердинандовичу Бротерусу (V.F. Brotherus, 1849–1929). Он обрабатывал мхи из собрания музея. Связь с ним поддерживалась перепиской, а определение коллекций осуществлялось путём их пересылки в Финляндию. Учёный узнал от финских коллег К. Энберга и Р. Гаммерстрема, посетивших Минусинск в 1885 г., о сборах Н.М. Мартьянова и обратился к нему с просьбой прислать коллекцию сибирских мхов [МКМ ОФ 10674/14. Л. 20-21]. Оплату пересылки В. Бротерус взял на себя и обязался отправлять обратно в музей одну коллекцию после определения видов.

Н.М. Мартьянов откликнулся и отправил образцы мхов в Гельсингфорс: «Весьма обяжете музей и лично меня – если возьмёте на себя труд определить эту коллекцию – и сообщить мне её список. Если посланная коллекция удостоится Вашей обработки, то я обещаю Вам, на будущих своих ботанических экс-

курсиях заняться специально для Вас собиранием мхов» [МКМ ОФ 10686/4. Л. 5-6].

В свою очередь, В. Бротерус прислал финские образцы в Минусинск: «В такой же пакет я приложу коллекцию европейских мхов, чтобы Вы смогли познакомиться по крайней мере с родами, что, конечно, для Вас много будет облегчать собирание. Я имею потом в виду напечатать статью о Ваших коллекциях. Меня очень радует надежда в будущем через Вас получить дальнейшего материала, и я уверен, что число видов таким образом будет много увеличиваться» [МКМ ОФ 10674/13. Л. 18-19].

Пересылка коллекций для их определения продолжалась до 1898 г. Кроме этого, В. Бротерус давал советы по методике сбора мхов и присылал издания [МКМ ОФ 10736/8. Л. 10-11об]. Через него некоторые виды грибов были отправлены биологу О. Нордстеду в Лунд (Швеция) [МКМ ОФ-10788-25. Л. 38-38 об; МКМ ОФ-10823-15. Л. 20-20 об]. Он сообщал о докторе Вольдте, желавшем получать образцы, и отправил посылку Н.М. Мартянова Э.А. Вайнио [МКМ ОФ-10840-17. Л. 27-28].

Для специальных сборов, которые просил сделать для себя или других европейских учёных, он присылал в музей необходимые материалы («ящик со склянками»). От бриолога Юрацко из Вены, определявшего минусинские мхи, В. Бротерус получил некоторые коллекции Н.М. Мартянова. Таким образом, финский биолог способствовал расширению сети контактов, среди определявших минусинские коллекции и помог установить обмен изданиями с Финским обществом для изучения фауны и флоры, В. Арнеллем, Б. Фридлендером (B. Friedländer) и другими [МКМ ОФ-10823-16. Л. 21-22об].

Бриолог Хампус Вильгельм Арнелл (швед. Hampus Wilhelm Arnell, 1848–1932) занимался научной обработкой мхов Минусинского музея [Отчёт, 1897: 15]. Николай Михайлович писал ему: «Письмо Ваше от 12.04.1896 и посылку со мхами я получил [...] Искренне благодарю Вас за Ваш труд по определению моей коллекции мхов и постараюсь услужить Вам чем могу» [МКМ ОФ 10928/10. Л. 10].

По просьбе сибирского коллеги В. Бротерус узнавал о судьбах отправленных коллекций. О коллекции лишайников, переданных в Бреслау Г.В. Кёрберу, стало известно в 1891 г.: «... её вероятно нельзя получить обратно потому что после смерти Кербера его гербарий был продан в музей города Лейдена (Голландия)» [МКМ ОФ-10823-17. Л. 23-23 об]. Так европейские музеи пополнялись минусинскими образцами.

Немецкий лишенолог Густав Вильгельм Кёрбер (нем. Gustav Wilhelm Körber, 1817–1885) был одним из «отцов итальянско-силезской школы лишенологии». Н.М. Мартянов отправлял ему коллекции лишайников [Wikimedia Foundation. 2010].

Лишайники определял и финский лишенолог, первый фитогеограф, публиковавшийся на финском языке, Эдвард Аугуст Вайнио (фин. Edvard August Vainio, 1853–1829). Он получал материалы через В. Бротеруса. Им разобраны и определены все дубликаты коллекций лишайников, на основании музейного материала, опубликованного в 1896 г. в работе «*Lichenesin Sibiria australis collecti*» [Отчёт, 1900: 15]. В 1884 г. коллекция лишайников была выслана профессору Фризе в Упсалу.

В 1890-е гг. обмен разными ботаническими коллекциями осуществлялся с Ф.Ф. Солей из г. Мец (Франция) [МКМ ОФ 10907/4. Л. 12; МКМ. ОФ 10876/5. Л. 5-6; МКМ. ОФ 10846/28. Л. 39-40 об.], П. Зюдовым из Берлина [МКМ ОФ 10948/21. Л. 31], Ф. Геймом, который узнал о занятиях Н.М. Мартянова из ботанической адресной книги и запрашивал сведения, относительно интересовавшего его рода ревень, образцы которого он надеялся получить [МКМ ОФ-10986/10. Л. 14; МКМ ОФ-10986/14. Л. 20]. В Цюрихе интересовались обменом на эдельвейсы [МКМ ОФ 10981/3. Л. 1-4]. Дубликаты запрашивал Берлинский ботанический музей [МКМ ОФ 10941/19. Л. 25-25 об].

Из Бельгии предлагался обмен насекомыми на местные образцы, а также коллекции из Конго с учёными, среди которых доктор Эрнест Кандезе (Ernest Candèze) из Глейна, таксидермист Дж. Жерар-Филот (J. Gerard-Filot) и натуралист Дж. Ха-

мал-Нандрин (J. Hamal-Nandrin) из Льежа, натуралист Дж. Жерар-Салме (J. Gerard-Salme) из Шене [МКМ ОФ 10912/24. Л. 29].

Из Богемии (Чехия) по обмену насекомыми писал А.Ф. Нонфрид (A.F. Nonfried) [МКМ ОФ 10912/23. Л. 28-28 об]. Энтомолог и антиквар-книготорговец в области естественной истории Вильгельм Джонк (Wilhelm Junk, 1866–1942) делал запрос по жукам, бабочкам, паукам [МКМ ОФ-11057/13. Л. 18]. Коллекцией бабочек интересовался Ф. Филиппс из Кёльна [МКМ ОФ 10949/2. Л. 2]. Гнёзда пауков Н.М. Мартянов высылал в Финляндию [МКМ ОФ 10950/2. Л. 2-5 об].

В 1885 г. посетивший Минусинский музей ссыльный польский геолог И.Д. Черский определил кости ископаемых животных. Он использовал экспонаты музея в сочинении «Описание послетретичных ископаемых севера Сибири» [Отчёт, 1893: 11]. Минералог Рейниш Рейнхард (Reinisch Reinhard) из Лейпцигского университета определил коллекции горных пород. Им дополнены все группы пород и окаменелостей согласно микроскопическому исследованию. Он описал их в «Mineralogischen und petrographischen Mittheilungen» в 1898 г. [Десятилетие Минусинского музея, 1887: 70].

Собранием полезных ископаемых музея в 1901 г. заинтересовался английский химик-аптекарь Г.А. Киттле. Он предложил Н.М. Мартянову помощь и сотрудничество в определении минералов [МКМ ОФ-11044/1. Л. 1].

Кроме научной помощи, специалисты высылали в Минусинск дублиеты своих коллекций. В 1890-е гг. от А.Г. Седова поступили вулканические породы из Японии [Отчёт, 1893: 6]. В 1900 г. в образовательный отдел музея поступили образцы каменной соли из Зальцбурга и каменные наконечники стрел из Северной Америки от И.И. Лыткина, из Монголии поступили горные породы от Н.З. Ярцева [Отчёт, 1901: 15].

Рихтер Лойос из Будапешта прислал гербарий, состоявший более чем из 200 видов растений, характерных для венгерской «пушты» [Яворский, 1969: 18]. В 1901 г. в образовательный отдел поступило 100 видов грибов из Стокгольма от микробио-

лога, профессора Ботанического института Нильса Густафа Лагерхейма (швед. Nils Gustaf Lagerheim, 1860–1926) [МКМ ОФ-11045/1. Л. 1].

В музее работали доктор Женевского университета Е.А. Комаров [Отчёт, 1899: 10] и почвовед, доктор Лейпцигского университета А.А. Ярилов, поддерживавший отношения с музеем с 1880-х гг. Из Минусинска последнему высылали издания и образцы в Лейпциг и Мюнхен [МКМ ОФ 10907/17. Л. 29-31 об; МКМ. ОФ-11047/15], а в 1904–1906 гг. он заведовал Минусинским музеем.

С развитием музея в нём обустроили обсерваторию, начало которой положил телескоп, подаренный в 1902 г. членом французского Астрономического общества, сотрудником журнала «Revue astronomique» графом А.А. Ржищевским [Минусинский музей – первый на Енисее, 2018: 26-27]. Сотрудничая с музеем, граф стал ценным помощником. Он помогал Н.М. Мартьянову в фотосъёмке [МКМ ОФ 10831/11. Л. 15], переводил зарубежные статьи [МКМ ОФ-11073/16. Л. 22] и письма, отправляемые за границу [МКМ ОФ-11073/17. Л. 23].

Многие исследователи и учреждения обращались в музей за справками, вступали в переписку по разным вопросам. В 1899 г. Департамент сельского хозяйства США обращался за образцами для Национального гербария на условиях обмена [МКМ. ОФ 10985/15]. По разным вопросам обмена изданиями и коллекциями писали Ботанический сад «Орто Ботанико» [МКМ ОФ-11057/9. Л. 12], Финское географическое общество [МКМ ОФ 10919/17. Л. 18], Торговая компания садовых культур в Неаполе [МКМ ОФ 10879/34. Л. 147-147 об]. Французскому Музею естественных наук были пожертвованы два образца рыбы с озера Байкал [МКМ ОФ 10919/26. Л. 29].

Отмечались участвовавшие поездки в Минусинск ради музея. У Ф.Я. Кона в «Историческом очерке Минусинского местного музея за 25 лет» приведён список из 25 экспедиций, производивших научные исследования в Минусинском округе, участники которых пользовались материалами музея [Кон, 1902: 105].

Специализированный естественнонаучный характер имела экспедиция из Гельсингфорсского университета. Энтомологи Карл Энберг и Рудольф Гаммерстрем провели лето и осень 1885 г. в Минусинском округе, собирая материалы для изучения фауны беспозвоночных. Прибыв в Минусинск, исследователи посетили музей и познакомились с Н.М. Мартяновым, предоставившим естественнонаучные коллекции музея для изучения.

Хорошие контакты с музеем и его директором, нашли ответный отклик исследователей, передавших в музей несколько новых для Минусинской флоры видов (*Aconitum* и *Echinops*). Они также определили некоторых млекопитающих и змей [Десятилетие Минусинского музея, 1887Ф: 57, 70; Отчёт, 1885: 10-12]. Материалы этой экспедиции опубликованы финским энтомологом Р.Б. Поппиусом (*Bertil Robert Poppius*, 1876–1916) [Ломакин, 2005: 155].

Нередко иностранные учёные делали запросы перед экспедициями: «Совершив несколько научных путешествий, главным образом в Северную Африку, я имею намерения этим летом посетить Сибирь, так как страна эта почти не изучена в интересующих меня отношениях. Весьма возможно, что я побываю также в Минусинске, который мне рекомендовали, как местность богатую насекомыми и птицами. Я поэтому буду очень признателен Вам, если Вы сооблаговолите дать мне некоторые указания по этому поводу. Каково Ваше мнение? Удастся ли мне найти что-нибудь интересное...» [МКМ ОФ-11048/6/. Л. 7].

В 1897–1898 гг. венгерские исследователи прибыли в Сибирь, чтобы проследить следы пребывания здесь «предков современных венгерцев» и собрать коллекции по истории, археологии, антропологии, этнографии и естественным наукам. Руководство экспедицией возглавил граф Евгений (Дженё) Зичи (венг. *Gróf Jenő Zichy*, 1837–1906). В неё вошли археолог, профессор Белла де Пошта, энтомолог, хранитель Венгерского музея естествознания Эрни Чика (*Ernő Csiki*, 1875–1954) [Кон, 1902: 208], горные инженеры А.Х. Деви и М.А. Шостака. В ходе экспедиции исследователи познакомились с сибирскими

музеями, изучали их коллекции. В 1898 г. они посетили Минусинский музей [Отчёт, 1899: 10].

Из отчетов по Минусинскому музею известно, что изданиями из библиотеки и коллекциями музея пользовались многие члены зарубежных учёных экспедиций, проезжавших через Минусинск. Одним из многих посетителей в 1900 г. был профессор Огайского университета Д. Уайт с сыном Фредериком [Отчёт, 1901: 17].

Джордж Фредерик Райт (George Frederick Wright, 1838–1921) был американским геологом. Он совершил поездку в Сибирь для изучения ледникового периода. Исследователя так же, как и его предшественников привлекали вопросы колонизации региона, физико-географические характеристики и особый характер коренного населения. В работе «Asiatic Russia» он представил описание климата, геологии и естественной истории региона [Wright, 1902: 261].

Позже его сын Фредерик В. Райт (Frederick Bennett Wright) обращался к Николаю Михайловичу за информацией о цветущих растениях, мхах и лишайниках в районе Минусинска. Он просил ботанические списки, заметки, публикации, которые готов был получить на любых условиях. О посещении музея он вспоминал: «У нас с отцом до сих пор очень яркие и приятные воспоминания о нашем посещении вас и вашего музея год назад» [МКМ ОФ-11057/17. Л. 23]. В свою очередь, Ф. Райт прислал выпуск археологического журнала «Records of the Past». В одном из номеров журнала он поместил фотографии, сделанные в Минусинском музее и описания его археологических коллекций [Wright, 1902: 8-10]. Он хотел дать американцам представление о том, какие работы ведутся на территории Сибири, которую они обычно считают совершенно чуждой [МКМ ОФ-11057/18].

Не случайно музей притягивал многих образованных и учёных людей. Уже к концу XIX в. его собрание получило мировую известность [Дэвлет, 1963: 327]. В связи с этим, одной из форм обмена информацией и опытом в системе международных научных связей, было участие в работе международных научных конгрессов.

В рамках VII международного геологического конгресса в Петербурге, предполагалось устроить ряд экскурсий по Европейской и Азиатской России, выбирались маршруты. На конгресс ожидалось представители не только европейских стран, но и Японии, Индии, Америки, Бразилии, Аргентинской республики, Чили, Алжира, Австралии, Южно-Американских колоний [Колбанцев, 2012; Сибирь, 1897: 3]. Приглашая к участию, Комитет геологического конгресса познакомил Н.М. Мартянова с программой [МКМ ОФ 10941/6. Л. 7-11 об].

Долгожданная поездка самого Н.М. Мартянов за пределы Сибири состоялась в 1896 г. по инициативе и на средства Е.П. Кузнецовой. Планировалось, что Николай Михайлович познакомится «с современным состоянием музеев и современными к ним требованиями» в России и за границей [Отчёт, 1897: 16]. В течение четырёх месяцев он посещал учреждения музейного типа в разных городах Сибири, Европейской России, побывал в Риге, Варшаве, Киеве, Одессе, Батуме и других. Он имел возможность сравнить природу этих мест с Минусинским краем, повидаться с учёными, завести новые знакомства, определить музейные предметы, познакомиться с методами сбора и хранения музейных коллекций, пополнить библиотеку музея, побывать на Всероссийской, Рижской археологической и латышской выставках, посетить Рижский археологический съезд [Яворский, 1969: 35].

Обширные связи музея и его основателя с научным миром принесли ему мировую славу. Газета «Восточное обозрение» писала: «В Европе нет ни одного учёного, ни одного учреждения, которому бы не был известен этот музей...» [И.П., 1904: 2].

Почти никому не известный уездный город Сибири стал чаще упоминаться в периодических изданиях и трудах западноевропейских учёных. Это способствовало известности и узнаваемости Минусинского музея, пробуждая интерес к нему, о чём свидетельствует целый ряд иностранных публикаций, приведённых Ф.Я. Коном списком в приложении к «Историческому очерку Минусинского местного музея за 25 лет» [Кон, 1902: 217-220].

Как видно, материалами музея в указанный период пользовались многие учёные, изучавшие Южную Сибирь в разнообразных аспектах, опубликовавших свои работы на иностранных языках, некоторые из которых изданы за рубежом.

Многие современные формы международных связей использовались Минусинским музеем с первых лет его существования: обмен коллекциями и экспонатами, участие в конгрессах, членство в научных обществах, командировки, экспедиции – всё это способствовало представлению музея за рубежом. Кроме того, важными коммуникациями в научной деятельности была переписка с зарубежными исследователями и научными учреждениями, позволявшая получать информацию от первоисточников.

Контакты с иностранными учёными способствовали определению естественнонаучных коллекций музея. Отношения с ними осуществлялись через переписку и обмен коллекциями на дублетные экземпляры. Этот обмен играл немаловажную роль, ведь с предметами музей получал их научные описания от авторитетных учёных. В результате, значительное количество естественнонаучного материала, хранящегося в музее, определено видными учёными (ботаниками, зоологами, геологами) в том числе и зарубежными.

В соответствии с деятельностью музея, ориентированной на выгодное сотрудничество с зарубежными коллегами, можно говорить о сложившихся международных музейных связях. Эти связи с зарубежными коллегами были наиболее обширными среди исследователей и учреждений Енисейской губернии, поэтому к Н.М. Мартьянову нередко обращались за содействием в поиске нужных контактов.

Важную роль в деле сотрудничества имела личность Н.М. Мартьянова, уважаемого человека, заслуги которого признанны: «Известность музея росла в Сибири, в России, достигла и заграницы. Начинается паломничество в Минусинск учёных и неучёных, и всех привлекает музей. Нужно познакомиться с Н.М. Мартьяновым, нужно осмотреть музей. Сношения музея расширяются и нужно удивляться только тому, каким образом

Николай Михайлович мог один справляться со всем делом. Он в это время продолжал один работать в аптеке, непрестанно трудился в музее, и как коллектор, как учёный и даже, часто как сторож. При огромном музее и библиотеке в те времена не было даже, сторожа, и я сам был свидетелем, когда Николай Михайлович мел полы в музее и вытирал пыль. Он же вёл всю переписку, все сношения с учёными учреждениями и лицами, собственноручно писал все бланки и ярлыки, и, вообще, делал огромную работу, посильную только нескольким лицам. Каким же образом он мог справляться со всем этим? Нужно было знать лично Николая Михайловича, жить с ним и видеть, как он работал, чтобы понять это» [В.К., 1905: 277].

Таким образом, к определению, изучению музейных собраний Енисейской губернии в области естественных наук Н.М. Мартяновым привлекались специалисты, работа которых, главным образом, способствовала изучению региона.

Библиографический список

1. Бауман Р.П. Личные коллекции и мемориальные вещи Н.М. Мартянова в собрании Минусинского музея // Мартяновские краеведческие чтения: сборник докладов и сообщений / Минусин. регион. краевед. музей им. Н. М. Мартянова. Красноярск: КГПУ, 1999. Вып. 10: Переиздание I сборника 1989-1999 гг., указатель докладов и статей 1999-2015 гг. / [редсовет: Л.Н. Ермолаева, В.Г. Чернышёва, Н.А. Голованенко, О.В. Войда]. Минусинск: [б. и.], 2017. С.15-17.
2. В.К. Николай Михайлович Мартянов. Некролог // Памятная книжка Енисейской губернии на 1905 г. Красноярск: Енисейская губернская типография, 1905. С. 283 – 281.
3. Густав Вильгельм Кёрбер [Электронный ресурс] / Wikimedia Foundation. 2010. // URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1702252> (дата обращения: 13.05.19)
4. Десятилетие Минусинского музея, 1877-1887: составлено по поручению комитета Минусинского музея. Томск: Типография «Сибирской газеты», 1887. 82 с.
5. Дэвлет М.А. Очерки комплектования, изучения и экспонирования археологических коллекций Минусинского музея (1877-1917 гг.) // Очерки истории музейного дела в СССР. Вып. V. М., 1963. С. 327-372.

6. И.П. Николай Михайлович Мартьянов // Восточное обозрение. 1904. № 288. С. 2.

7. Клеменц Д.А. Местные музеи и их значение в провинциальной жизни // Сибирский сборник: (Приложение к «Восточному обозрению») 1892. Вып. 2. С. 1-35.

8. Колбанцев Л.Р. К 115-летию VII сессии Международного геологического конгресса, Санкт-Петербург, 1897 г. // Минерал. 2012. № 1 (6). С. 80-86.

9. Кон Ф.Я. Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет (1877-1902 г.). Казань: Типо-литография Императорского ун-та, 1902. 282 с.

10. Лавров Н.Н. Материалы к микофлоре низовьев реки Енисея и островов Енисейского залива // Известия Томского государственного университета. Томск, 1926. Т. 77. С. 158-177.

11. Лаппо Д.Е. Николай Михайлович Мартьянов. 30 ноября 1904 г. в 5 ч. утра. Поминки // Сибирская жизнь. 1904. № 272. С. 2.

12. Лаппо Д.Е. О значении местных музеев // Протокол торжественного заседания Красноярского подотдела Императорского Русского географического общества 12 февраля 1909 года в день 20-летия Красноярского музея / В.Ю. Григорьев, Д.Е. Лаппо, А.Я. Тугаринов. Красноярск: Типография М. И. Абалакова, 1909. 36 с.

13. Ломакин Д.Е., Толстиков А.В., Ситников П.С. К истории почвенно-энтомологических исследований в Тюменской области // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2005. № 3. С. 153-167.

14. Минусинский музей – первый на Енисее: коллекции Минусинского регионального краеведческого музея имени Н.М. Мартьянова / [редактор-составитель В.Г. Чернышёва; автор вступительной статьи Т.М. Ломанова]. Красноярск: Поликор, 2018. 223 с.

15. Отчёт по Минусинскому Мартьяновскому музею, состоящему под покровительством Императорской Академии наук и по Общественной библиотеке. Минусинск: Типография В.В. Фёдорова, 1890-1914. ...за 1892 год. 16 с.

16. Отчёт по Минусинскому Мартьяновскому музею, состоящему под покровительством Императорской Академии наук и по Общественной библиотеке. Минусинск: Типография В.В. Фёдорова, 1890-1914. ...за 1896 год. 20 с.

17. Отчёт по Минусинскому Мартьяновскому музею, состоящему

под покровительством Императорской Академии наук и по Общественной библиотеке. Минусинск: Типография В.В. Фёдорова, 1890-1914. ...за 1892 год. 16 с.

18. Отчёт по Минусинскому Мартяновскому музею, состоящему под покровительством Императорской Академии наук и по Общественной библиотеке. Минусинск: Типография В.В. Фёдорова, 1890-1914. ...за 1901 год. 1902. 37 с.

19. Отчёт по Минусинскому Мартяновскому музею, состоящему под покровительством Императорской Академии наук и по Общественной библиотеке. Минусинск: Типография В.В. Фёдорова, 1890-1914. ...за 1898 год. – 1899. 17 с.

20. Отчёт по Минусинскому Мартяновскому музею, состоящему под покровительством Императорской Академии наук и по Общественной библиотеке. Минусинск: Типография В.В. Фёдорова, 1890-1914. ...за 1900 год. 1901. 33 с.

21. Отчёт по Минусинскому Мартяновскому музею, состоящему под покровительством Императорской Академии наук и по Общественной библиотеке. Минусинск: Типография В.В. Фёдорова, 1890-1914. ...за 1896 год. 20 с.

22. Отчёт по Минусинскому местному музею за 1885 год, представленный в Минусинскую городскую думу 21-го января 1886 года // Восточное обозрение 1885 г. №13. С. 10-12.

23. Письмо D.G. Vinter Н.М. Мартянову (Швейцария, г. Цюрих. 27 июня 1883 г.) // МКМ. ОФ 10587/3. Л.3-4 об.

24. Письмо D.G. Vinter Н.М. Мартянову (Швейцария, г. Цюрих. 4 марта 1883 г.) // МКМ. ОФ 10587/2. Л. 5-6.

25. Письмо А. Кытманова Н.М. Мартянову (Енисейск. 1886 г.) // МКМ. ОФ 10677/14. Л. 29.

25. Письмо А.А. Ржищевского Н.М. Мартянову (11 февраля 1902 г.) // МКМ. ОФ-11073/16. Л. 22.

26. Письмо А.А. Ржищевского Н.М. Мартянову (17 декабря 1891 г.) // МКМ. ОФ 10831/11. Л. 15.

27. Письмо А.А. Ржищевского Н.М. Мартянову (19 февраля 1902 г.) // МКМ. ОФ-11073/17. Л. 23.

28. Письмо А.А. Ярилова Н.М. Мартянову (Лейпциг. 21 июля 1894 г.) // МКМ. ОФ 10907/17. Л. 29-31 об.

29. Письмо А.А. Ярилова Н.М. Мартянову (Мюнхен. 1 января 1901 г.) // МКМ. ОФ-11047/15.

30. Письмо А.Ф. Нонфрида Н.М. Мартьянову (Раковник, Богемия. 23 сентября 1895 г.) // МКМ. ОФ 10912/23. Л. 28-28 об.
31. Письмо барона Тюмена Н.М. Мартьянову (Австрия. 29 июня 1887 г.) // МКМ. ОФ 10725/3. Л. 4-5.
32. Письмо барона Тюмена Н.М. Мартьянову (20 января 1888 г.) МКМ ОФ 10745/13. Л.5-5 об.
33. Письмо барона Тюмена Н.М.Мартьянову (30 июня 1884 г.) // МКМ. ОФ 10618/1. Л.1-1об.
34. Письмо барона Тюмена Н.М.Мартьянову (Бавария г. Байройт. 6 июня 1876 г.) // МКМ. ОФ-11204/3. Л. 3.
35. Письмо баронессы Б. фон Тюмен Н.М. Мартьянову (13 октября 1892 г.) // МКМ. ОФ 10847/2. Л. 2.
36. Письмо баронессы Б. фон Тюмен Н.М. Мартьянову (28 апреля 1882 г.) // МКМ. ОФ-10544/5. Л. 6-7.
37. Письмо баронессы Б. фон Тюмен Н.М. Мартьянову (Вена. 14 марта 1880 г.) // МКМ. ОФ-10532/2. Л. 11-12.
38. Письмо Берлинского ботанического музея Н.М. Мартьянову (Берлин. 18 декабря 1896 г.) // МКМ ОФ 10941/19. Л. 25-25 об.
39. Письмо В. Джонка Н.М. Мартьянову (Берлин. 17 февраля 1902 г.) // МКМ. ОФ-11057/13. Л. 18.
40. Письмо В.А. Бротеруса Н.М. Мартьянову (Гельсингфорс. 5 ноября 1886 г.) // МКМ. ОФ 10674/13. Л. 18-19.
41. Письмо В.А. Бротеруса Н.М. Мартьянову (Гельсингфорс. 29 апреля 1886 г.) // МКМ. ОФ 10674/14. Л. 20-21.
42. Письмо В.Ф. Бротеруса Н.М. Мартьянову (Гельсингфорс. 29 февраля 1888 г.) // МКМ. ОФ 10736/8. Л. 10-11об.
43. Письмо В.Ф. Бротеруса Н.М. Мартьянову // МКМ. ОФ-10788-25. Л. 38-38 об.
44. Письмо В.Ф. Бротеруса Н.М. Мартьянову // МКМ. ОФ-10823-15. Л. 20-20 об.
45. Письмо В.Ф. Бротеруса Н.М. Мартьянову // МКМ. ОФ-10823-16. Л. 21-22об.
46. Письмо В.Ф. Бротеруса Н.М. Мартьянову // МКМ. ОФ-10823-17. Л. 23-23 об.
47. Письмо В.Ф. Бротеруса Н.М. Мартьянову // МКМ. ОФ-10840-17. Л. 27-28.
48. Письмо Г. Лагерхейма Н.М. Мартьянову (Стокгольм. 18 февраля 1901 г.) // МКМ. ОФ-11045/1. Л. 1.

49. Письмо Г.А. Киттле Н.М. Мартянову. (Англия. 30 августа 1901 г.) // МКМ. ОФ-11044/1. Л. 1.
50. Письмо Гельсингфорсского университета Н.М. Мартянову (Гельсингфорс. 28 июня 1896 г.) // МКМ. ОФ 10919/17. Л. 18.
51. Письмо Дж. Хамала-Нандрина Н.М. Мартянову (Льеж, Бельгия. 12 ноября 1895 г.) // МКМ. ОФ 10912/24. Л. 29.
52. Письмо Л. Ромелля Н.М. Мартянову (Стокгольм. 7 декабря 1896 г.) // МКМ. ОФ-11207/3. Л.
53. Письмо Л. Ромелля Н.М. Мартянову. (Стокгольм. 27 декабря 1897 г.) // МКМ. ОФ-11207/9. Л. 12.
54. Письмо Л. Роммеля Н.М. Мартянову (Стокгольм. 17 декабря 1896 г.) // МКМ. ОФ-11207/5. Л. 5.
55. Письмо Л. Роммеля П. М. Мартянову (Стокгольм. 16 октября 1895 г.) // МКМ. ОФ 10915/32. Л. 57.
56. Письмо М.Е. Киборта Н.М. Мартянову (Красноярск. 27 сентября 1889 г.) // МКМ. ОФ 10790/16. Л. 187.
57. Письмо М.Е. Киборта Н.М. Мартянову (Красноярск. 24 июня 1886 г.) // МКМ. ОФ 10676/9. Л. 105.
58. Письмо Н. М. Мартянова П.А. Саккардо (Минусинск. 18 декабря 1891 г.) // МКМ. ОФ 10850/9. Л. 12-12об.
59. Письмо Н.М. Мартянова барону Тюмену (1885 г.) // МКМ. ОФ 10654/8 Л. 13-13об.
60. Письмо Н.М. Мартянова барону Тюмену (Минусинск. 20 апреля 1876 г.) // МКМ. ОФ-11204/2. Л. 2.
61. Письмо Н.М. Мартянова В.А. Бротерусу (Минусинск. 11 сентября 1886 г.) // МКМ. ОФ 10686/4. Л. 5-6.
62. Письмо Н.М. Мартянова доктору Арнелю (Минусинск. 1897 г.) // МКМ. ОФ 10928/10. Л. 10.
63. Письмо Н.М. Мартянову (1901 г.) // МКМ ОФ-11048/6/. Л. 7.
64. Письмо Н.М. Мартянову (Вашингтон. 2 июня 1899 г.) // МКМ. ОФ 10985/15.
65. Письмо Н.М. Мартянову (Италия. 2 ноября 1902 г.) // МКМ ОФ-11057/9. Л. 12.
66. Письмо неустановленного лица Н.М. Мартянову (Финляндия. 27 декабря 1896 г.) // МКМ. ОФ 10950/2. Л. 2-5об.
67. Письмо неустановленного лица Н.М. Мартянову (Цюрих. 3 сентября 1898 г.) // МКМ. ОФ 10981/3. Л.1-4.

68. Письмо П. Зюдова Н.М. Мартянову (Берлин.1898 г.) // МКМ. ОФ 10948/21. Л. 31.
69. Письмо П.А. Саккардо Н.М. Мартянову (Падуа. 1 января 1892 г.) // МКМ. ОФ 10846/25. Л. 34.
70. Письмо П.А. Саккардо Н.М. Мартянову (Падуа. 16 июня 1892 г.) // МКМ. ОФ 10846/24. Л. 33.
71. Письмо торговой компании садовых культур Н.М. Мартянову (Неаполь. июнь 1894 г.) // МКМ. ОФ 10879/34. Л. 147-147 об.
72. Письмо Ф. Гейма Н.М. Мартянову (1899 г.) // МКМ. ОФ-10986/10. Л. 14.
73. Письмо Ф. Гейма Н.М. Мартянову (1899 г.) // МКМ. ОФ-10986/14. Л. 20.
74. Письмо Ф. Солей Н.М. Мартянову (Мец (Лотарингия). 24 июня 1894 г.) // МКМ. ОФ 10907/4. Л. 12.
75. Письмо Ф. Солей Н.М. Мартянову (Мец. 24 августа 1893 г.) // МКМ. ОФ 10876/5. Л. 5-6.
76. Письмо Ф. Солей Н.М. Мартянову (Мец. 20 мая 1892 г.) // МКМ. ОФ 10846/28. Л. 39-40 об.
77. Письмо Ф. Филиппса Н.М. Мартянову (Кельн. 30 декабря 1897 г.) // МКМ. ОФ 10949/2. Л. 2.
78. Письмо Ф.В. Райт Н.М. Мартянову (США, Вашингтон. 27 декабря 1902 г.) // МКМ. ОФ 11057/18.
79. Письмо Ф.В. Уайт Н.М. Мартянову (США, Оберлин. 24 августа 1902 г.) // МКМ. ОФ 11057/17. Л. 23.
80. Письмо французского Общества Пастеровских сибирезвенных прививок Н.М. Мартянову (Нижний Новгород. 30 октября 1896 г.) // МКМ. ОФ 10919/26. Л. 29.
81. Письмо Э.С. Сальмона Н.М. Мартянову (Англия. 12 декабря 1901 г.) // МКМ. ОФ-11046/19. Л. 26.
82. Программа Международного геологического конгресса (С.-Петербург. 1897 г.) // МКМ. ОФ 10941/6. Л. 7-11 об.
83. Саккардо, Пьетро-Андрео // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. СПб., 1890–1907.
84. Сибирь. 1897. № 45. С. 3.
85. Сообщение Потанина // Сибирская жизнь. 1902. № 29. С. 2.
86. Списки грибов на немецком и латыни, определённых бароном Тюменом (1870-1880 гг.) // МКМ. ОФ 11204.
87. Чистотинова С.Л. Международные связи музеев // Российская

музейная энциклопедия: В 2 т. М.: Прогресс, «РИПОЛ КЛАССИК», 2001. Т. 1. С. 355.

88. Яворский, Г.И. Н.М. Мартянов: Краткий очерк жизни и деятельности. Красноярск: Кн. изд-во, 1969. 47 с.

89. Franzen O.N Gustaf Lagerheim // Svenskt biografiskt lexikon. 1977-1979. Vol. 22.

90. Saccardo P.A. «Mycetes Sibirici». Pugillus alter. Bull. Soc. Bot. Ital. 1893. P. 213-221.

91. Saccardo P.A. «Mycetes Sibirici». Pugillus tertius. «Malpighia». X, 1896. P. 258-280.

92. Sacciardo P.A. «Fungorum extra-europaeuin pugillus». Michelia. II 1880. P. 136-149.

93. Shear C.L. «Lars Romell» [Электронный ресурс] // Mycologia. 1928. T. 20. Vol. 2. P. 49-51. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/00275514.1928.12016900>

94. Thümen B. Ein Musaum in Sibirien // Oesterreichische Monatschrift fur den Orient. 1880. IX.

95. Thümen F. Beitrage zur Pilzflora Sibiriens. Bull. Soc. natur. de Moscou., 1877, 1878, 1880.

96. Wright G.F. Archaeological Interests in Asiatic Russia // Records of the past. Washington, D.C.: Records of the Past Exploration Society. 1902. Vol. 1. P. 7-14.

97. Wright G.F. Asiatic Russia. New York, 1902. 372 p.

98. Wunschmann E. Thümen, Felix // Allgemeine Deutsche Biographie. 1908. T. 54. P. 702-703.

Elena I. Maizik

*Senior Lecturer, Krasnoyarsk State Pedagogical University named
after V.P. Astafiev, Head of the Museum Education Sector of
Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore*

International scientific collaboration of N.M. Martyanov in the natural sciences

Abstract. The article discusses the international relations of Nikolai Mikhailovich Martyanov as the founder of the Minusinsk Museum. The forms of cooperations were varied: scientific

information exchange, collections exchange, participation in conferences, cooperative research, visits, expeditions. International communication today can't be overestimated. It will contribute to the development of the research collaboration, development of science, international exchange of information and integration of Russian science and museums to the international research. These contacts contributed to museum work and the study of the region.

Key words: Minusinsk Museum, international scientific relations, scientific communication, natural science collections.

УДК 930. 908

**«ПЕРСПЕКТИВА РАБОТАТЬ В МИНУСИНСКЕ
МЕНЯ КРАЙНЕ ПРЕЛЬЩАЕТ»:
ПИСЬМА В.Г. КАРЦОВА К Н.К. АУЭРБАХУ**

Н.П. Макаров
*к.и.н., зав. отделом археологии и этнографии
Красноярский краевой краеведческий музей*

А.С. Вдовин
*к.и.н., научный сотрудник
Красноярский краевой краеведческий музей*

Аннотация. Н.К. Ауэрбах и В.Г. Карцов относятся к плеяде тех выдающихся исследователей, которые стояли у истоков создания советской археологической и исторической науки в Сибири. Их объединяло многое. Оба являлись выходцами из старинных дворянских родов, восходящих корнями к временам Ивана Грозного и Екатерины II. Оба увлеклись археологией и внесли весомый вклад в изучение древностей Сибири. Оба получили специальное археологическое образование под руководством В.А. Городцова. В разные годы оба исследователя были сотрудниками Красноярского музея. Переписка В.Г. Карцова и Н.К. Ауэрбаха, хотя и была непродолжительная, всего три года, представляет интерес для истории науки в Сибири.

Ключевые слова: Минусинск, Красноярск, музей, археология, В.Г. Карцов, Н.К. Ауэрбах, В.А. Городцов.

2019 год примечателен для Красноярского краевого краеведческого музея несколькими юбилеями. Прежде всего, это 130-летие самого музея и 115 годовщина со дня рождения одного из самых известных его сотрудников – В.Г. Карцова [Макаров, 1992: 29-31]. Ещё один юбилей был отмечен двумя годами ранее. Музеем была организована Международная конференция «Междисциплинарные исследования в археологии, этнографии и истории Сибири», посвящённая 125-летию со дня рождения Н.К. Ауэрбаха [Вдовин, Макаров, 2017: 9-23].

Николай Константинович Ауэрбах родился 14 марта 1892 г. в

семье горного инженера К.И. Ауэрбаха в с. Илеве Нижегородской губернии. После переезда семьи в Красноярск юный Николай заканчивает здесь в 1910 г. гимназию и уезжает в Москву для получения высшего образования. В 1914 г. он заканчивает сразу два ВУЗа, юридический факультет Московского университета и Московский археологический институт [Макаров, 2003: 193-197].

Владимир Геннадьевич Карцов родился 8 января 1904 г. в Царском Селе. Юношеские годы пришлось на лихую годину Гражданской войны и трудное послевоенное время. Помотавшись по стране от Петрограда до Кавказа и Дальнего Востока, В.Г. Карцов в 1925 г. возвращается в Москву и поступает на археологический цикл исторического отделения историко-философского факультета МГУ. Как и у Н.К. Ауэрбаха его наставником в археологии становится В.А. Городцов. Переданные недавно дочерью В.Г. Карцова в Красноярский краевой музей конспекты его лекций наглядно показывают, что Владимир был прилежным учеником. Кроме того, при факультете успешно действовал студенческий археологический кружок, а юный Владимир был в его активе. Из одноклассников Владимира Геннадьевича в составе кружка были Б. Рыбаков, Д. Крайнов, Е. Крупнов, С. Романовская и другие сокурсники, ставшие гордостью отечественной археологической науки.

Н.К. Ауэрбах и В.Г. Карцов относятся к плеяде тех выдающихся исследователей, которые стояли у истоков создания советской археологической и исторической науки в Сибири. Их объединяло многое. Оба являлись выходцами из старинных дворянских родов, восходящих корнями к временам Ивана Грозного и Екатерины II [Карцова, 2018: 151-164; Вдовин, Гуляева, Макаров, 2004: 18-20]. Оба увлеклись археологией и внесли весомый вклад в изучение древностей Сибири. В разные годы оба исследователя были сотрудниками Красноярского музея [Конохов, Макаров, Вдовин, 2015: 27-29; Ауэрбах и др., 1998: 52-60]. Наконец, оба исследователя, помимо других талантов, имели литературный и артистический дар, став авторами ряда

произведений и с успехом выступали на сцене. Оба получили специальное археологическое образование и написали свои выпускные квалификационные работы под руководством В.А. Городцова. Н.К. Ауэрбахом была защищена диссертация «Типы каменных стрел урочища Бор близ Красноярска Енисейской губернии» [Вдовин, Макаров, 2012: 78-83]. В.Г. Карцов, ещё, будучи студентом, в сборнике, посвящённом В.А. Городцову, опубликовал статью «К материалам по составлению археологической карты Московской губернии (археологическая карта р. Сетуни)» [Карцов, 1928: 9-11]. Впоследствии этот опыт пригодился В.Г. Карцову при составлении археологической карты окрестностей Красноярска (1929).

Как произошло знакомство Н.К. Ауэрбаха и В.Г. Карцова? Приведённая переписка показывает, что это знакомство первоначально было заочным. Первым сложности занятия наукой в те годы ощутил на себе старший по возрасту Н.К. Ауэрбах. Тем не менее, ему удалось добиться выдающихся результатов. Испытав на себе тяготы гражданской войны, в 1923-1927 гг. Н.К. Ауэрбах, Г.П. Сосновский и В.И. Громов сделали в палеолите Енисея выдающиеся открытия на Афонтовой горе, Бирюсе и других пунктах Красноярского археологического района [Макаров, 1989: 131-189; Вдовин, Макаров, 2015: 16-25].

По приглашению Н.К. Ауэрбаха, в 1924 г. в Сибирь приезжает В.А. Городцов. В Красноярске он посетил раскопки Афонтовой горы, оценил археологические открытия как блестящие, а коллекции Красноярского музея назвал гордостью и украшением города [Городцов, 1929]. На совместном заседании КОРГО и коллегии Красноярского музея В.А. Городцов выступает с докладом «О результатах изучения археологических отделов в музеях Иркутска, Красноярска и Минусинска» [Вдовин, 2008: 197-199; Вдовин, Кузьминых, 2012: 49-54].

Следует заметить, что В.А. Городцов был не только одним из ведущих археологов страны и преподавателем археологии в ВУЗах, но и чиновником высокого ранга. В качестве заведующего археологическим подотделом Наркомпроса РСФСР, члена кол-

легии отдела по делам музеев (1918-1926), он был заинтересован в обеспечении новых научных центров квалифицированными кадрами. Без сомнения, В.А. Городцов сыграл ведущую роль в формировании сибирских археологических музейных центров [Вдовин и др., 2005: 235-237].

Поездка В.А. Городцова 1924 г. ещё раз заострила этот вопрос. В письме к Н.К. Ауэрбаху В.А. Городцов пишет: «В сибирские музеи согласны ехать на службу 3 выдающихся студента (Карцов, Катков и Крайнов) ... Карцов и Крайнов выдвинуты кандидатами в Научно-исследовательский институт. ... Карцов (выбрал специальностью изучение - авторы) памятников палеометаллической эпохи металлического периода... Если бы удалось устроить этих юношей, это создало бы сильный кадр археологов, с которыми можно было бы смело разрабатывать планы об открытии Сибирского Археологического Института или Археологической секции при одном из университетов» [Макаров и др., 2015: 7].

Судя по письмам, публикуемым в приложении, заочное знакомство через В.А. Городцова открывает переписку между Н.К. Ауэрбахом и В.Г. Карцовым. Первую часть публикуемых писем можно обозначить как намерения о трудоустройстве в Минусинском музее. Вторая часть писем отражает уже реальную ситуацию после разрешения вопроса о его принятии на работу в Красноярский музей и предполагаемых планах на проведение раскопок. Первоначально рассматривался вариант трудоустройства В.Г. Карцова в Минусинский музей. Показательна фраза В.Г. Карцова в письме от 20.II.28 к Н.К. Ауэрбаху «Перспектива работать в Минусинске меня крайне прельщает, т.к. Сибирь является как раз той областью, которая меня больше всего интересует и по которой я и хочу специализироваться» (№ 1). Правда, расхваливая своих учеников, у В.А. Городцова остаются и сомнения. В письме всё тому же Н.К. Ауэрбаху он пишет в 1928 г.: «Студент Карцов даёт согласие на службу в Минусинске. Мне кажется только, что Карцов слишком молод, чтобы занять должность заместителя директора в Минусинском музее,

хотя он человек очень способный и хороший... Нет никакого сомнения в том, что через несколько лет он получит кафедру профессора в одном из сибирских университетов» [АИАиЭТ СО РАН, ф. Н.К. Ауэрбаха, б\н.].

Последующие два письма В.Г. Карцова Н.К. Ауэрбаху в марте и апреле 1928 г. связаны с обеспокоенностью первого неопределённостью своего положения о трудоустройстве в Минусинском музее и отсутствием ответа из Сиб. Крайно (№ 2 и № 3).

В письме от 17.V.28 мы видим совершенно новый поворот в судьбе В.Г. Карцова. В нём он сообщает о зачислении себя в Красноярский музей с 1 мая и благодарит за хлопоты Н.К. Ауэрбаха (№4).

Остаётся пока не ясным, что помешало В.Г. Карцову стать сотрудником Минусинского музея. Возможно Сибкрайно, в чьём ведении находились тогда музеи, решило обеспечить кадрами, прежде всего, учреждения краевого центра. Возможно Н.К. Ауэрбах, рассматривал вариант возглавить Минусинский музей или его археологический отдел для себя. Как бы то ни было, последующие письма раскрывают деятельность В.Г. Карцова уже в качестве археолога Музея Приенисейского края в Красноярске. Из содержания писем вытекает, что вся обстановка работы ему очень нравится. То же отмечено и в письмах В.А. Городцову, где промелькнула даже фраза: «Работой в Красноярском музее я очень доволен. Отношение с директором и со всеми другими сотрудниками установились самые хорошие» [Макаров и др. 2015]. Происходит знакомство с Г.П. Сосновским и с опытом работы школьного археологического кружка им. И.Т. Савенкова (№ 5), устанавливаются тесные связи с Ачинским (Чернявский) и Канским (Пожарский) музеями [Вдовин, 2005а: 153-158; 2005б: 159-162; Вдовин, 2006: 44-48].

Правда, с кем связаться в Минусинске, отмечает автор писем, он пока не знает (№ 6). Лишь с появлением в 1929 г. в Минусинском музее ещё одной ученицы В.А. Городцова – В.П. Левашёвой, начинается тесное взаимодействие и совместные раскопки двух музеев на территории Хакасско-Минусинской котловины.

В письмах В.Г. Карцова 1929 года прослеживается, прежде всего, озабоченность поисками средств на раскопки и обозначаются планы исследований (№ 7-9).

Собственно результаты выполненных работ отражены уже в переписке В.Г. Карцова со своим учителем В.А. Городцовым [Макаров, Конохов, Вдовин, 2015: 5-25]. Эти результаты можно назвать блестящими. За короткий период молодому, начинающему исследователю удалось раскопать Ачинское и Ладейское городища [Карцов, 1929б, 1932: 45-49; Фокин, 2009: 124-130], Ермалаевскую и Усть-Собакинскую стоянки, курганы у Военного городка, с. Частоостровское, взять на охрану десятки объектов археологии, нанести на карту сотни археологических памятников [Конохов, Макаров, Вдовин, 2015: 27-29]. Эти работы позволили автору раскопок предложить свою классификацию древностей Красноярского района.

При этом В.Г. Карцов в письме Н.К. Ауэрбаху от 30.X.29 г. отмечает: «В музее, появилась возможность издать мне довольно большую работу по металлу нашего района.

Упустить случай к печатанию в современных условиях, конечно, нельзя и мне пришлось забыть всё и засесть за работу. Сейчас она уже печатается под названием «Материалы к арх[еологии] Кр[аснояр]ского района,¹ содержа материалы к карте, как результат обследования района и описание коллекций Музея, происходящих из района (металлических культур конечно).

Отваживаюсь на некоторую классификационную предварительную наметку металлических культур.

К сожалению, всё делать пришлось так спешно (в связи с концом бюджетного года), что не успел послать Вам рукопись для отзыва и совета. Памятники я описывал по Вашему совету по их видам и даю географический указатель. Далее разбираю, описываю и систематизирую все наши подъёмные коллекции. Надеюсь, скоро прислать Вам оттиск» (№ 10).

Уже в следующем письме Н.К. Ауэрбаху от 21.XI.29 г. В.Г. Кар-

¹ Карцов В.Г. Материалы к археологии Красноярского района. Описание коллекций и материалов музея. Отдел археологический. Красноярск, 1929а. 53 с.

цов отмечает: «Ваш совет дать соответствующее введение к моей работе я конечно исполнил. Мы поместили перед ней «От издателя», где кратко коснулись значения археологии для современности, её роли в культпросвет и антирелигиозной работе и т.д.» (№11).

В итоге, уже через год деятельности В.Г. Карцова в Красноярском музее, издаётся его монография с описанием накопленных в фондах коллекций, а Н.К. Ауэрбах пишет на неё рецензию в журнале «Сибирские огни» [Карцов, 1929].

Сегодня, девяносто лет спустя, можно констатировать, что эта работа до сих пор является единственной сводкой, обобщающей материалы эпохи палеометалла и средневековья Красноярского археологического района. К выделению предложены средневековая ладейская культура VII-XIV вв., красноярская палеометаллическая, ранне, средне и поздне-неометаллические культуры [Карцов, 1929а; Вдовин, Конохов, Макаров, 2014: 8-10].

Н.К. Ауэрбах активно оказывает помощь В.Г. Карцову, не только советами, а также поиском средств на проведение исследований, о чём Карцов неоднократно пишет ему в своих письмах.

У Н.К. Ауэрбаха в эти годы, вслед за несколькими статьями, выходят его монографические работы по палеолиту Енисея [Ауэрбах, 1930].

Отдельной страницей являются полевые исследования 1930 года. Он примечателен для обоих исследователей, а также В.П. Левашёвой и других их коллег, участием в раскопках по так называемому «Новоэкспорту», где полученные коллекции предполагались для продажи за границу [Вдовин, Гуляева, 2001: 26-28; Вдовин, Китова, 2010: 171-182; Вдовин и др. 2017: 30-35].

В.Г. Карцов испытывает двойственные чувства. Объясняя своё участие в этом мероприятии, в письме от 27.IX.30 г. он писал В.А. Городцову: «Мне весной Обществом изучения Сибири (Н.К. Ауэрбах) было поручено руководство экспедицией в Хакасии, ставящей целью производить раскопки и сбор научных коллекций для экспорта. Последнее было очень неприятно, но пришлось эту работу взять на себя, во первых, потому что при

современном положении было неудобно мне, как местному работнику, от неё отказываться, на это у нас посмотрели бы определенно как на «вредительство», а во-вторых, и обидно было отказаться, т.к. для работы предоставлялись все возможности, т[ак] что исследования можно было провести действительно хорошо» [Макаров, Конохов, Вдовин, 2015: 5-25]. С другой стороны, в письме уже к Н.К. Ауэрбаху он пишет: «Ну и смутили Вы меня, дорогой Николай Константинович своим докладом! 5000 на работу — это не шутка и такое счастье археологам выпадает редко. Конечно, отказываться от подобных перспектив трудно» (№ 13).

В итоге, работы по Новоэкспорту оказались чрезвычайно удачливыми с археологической точки зрения. В результате проведённых работ осуществлена разведка по намеченному маршруту, зафиксированы сотни курганов, ряд стоянок, раскопаны 49 памятников, среди которых 2 – андроновской культуры, 19 – карасукской, 22 – тагарской, 3 – таштыкской, 3 – памятника времени поздних кочевников [Вдовин и др., 2017: 30–35].

Всего лишь за короткий срок в один год В.Г. Карцов и Н.К. Ауэрбах стали хорошими знакомыми, о чём первый не преминул сообщить В.А. Городцову. В письме от 28.VIII.1929 г. он пишет: «С Н.К. Ауэрбахом у меня установились самые хорошие отношения».

Летом 1930 года Карцов представляет Н.К. Ауэрбаху по его просьбе список археологических памятников в северных районах края, материалы из которых хранились в Красноярском музее. Среди них сегодня хорошо известные стоянки Чадобец, о. Сергушкин, Паново, Невонка, Карапчанка, Подкаменная Тунгуска и другие памятники (№ 15). Любопытно, что богатейший материал с данных памятников был получен большей частью уже в ходе раскопок последующими поколениями археологов Сибири.

Но 1930 год стал роковым для Н.К. Ауэрбаха. Скоропостижная смерть застала его в дороге. Возвращаясь из Новосибирска в Красноярск, Николай Константинович умирает от разрыва сердца на станции Тайга. Так неожиданно прерывается удачно

начатая совместная деятельность двух выдающихся археологов по изучению древностей Енисея.

Приложение

№1

Москва 20/II – 28 г.

Многоуважаемый Николай Константинович.

Василий Алексеевич Городцов¹ сообщил мне о том, что Вы нуждаетесь в археологах для некоторых Сибирских музеев и предложил мне ехать работать в один из них, а именно Минусинский, если Вы ничего не будете иметь против этого.

Поэтому поводу Вы, наверное, получили уже письмо от самого Василия Алексеевича, но кроме того я считаю необходимым обратиться к Вам лично.

Перспектива работать в Минусинске меня крайне прельщает, т.к. Сибирь является как раз той областью, которая меня больше всего интересует и по которой я и хочу специализироваться.

К сожалению, к моему назначению в Минусинский музей могут встретиться значительные препятствия.

Дело в том, что я ещё не кончил университет и в настоящее время занимаюсь на 3м курсе и перехожу на 4ый.

Поскольку моё образование, таким образом, ещё не является

¹Городцов Василий Алексеевич (1860–1945), один из крупнейших российских археологов 1910–1940-х годов. Хранитель, затем заведующий археологическим отделом Российского (Государственного) Исторического музея (1903–1929). Преподавал в Московском археологическом институте (1907–1915), Народном университете им. А.Л. Шанявского (1915–1918), Московском университете (1918–1931). Создал в 1910–1920-е одну из ведущих научных школ в российской археологии. Среди его учеников Н.К. Ауэрбах, В.Г. Карцов, А.Ф. Катков, В.П. Левашёва и др. археологи, ставшие сотрудниками сибирских музеев. Организовал систему хранения археологического материала и построил первую научную археологическую экспозицию РИМ/ГИМ. Важнейшим вкладом в науку стали разработки в теории и практике стратиграфического и типологического методов, классификации археологических культур бронзового и железного веков. В первые годы советской власти заведующий археологическим подотделом Наркомпроса РСФСР (подробнее см. в: Жук, 2005; Белозёрова, Кузьминых, 2015].

законченным, я не могу сейчас окончательно перебраться на место работы.

По совету Василия Алексеевича я и хочу просить Вас, если это возможно, закрепить за мной вакантную сейчас должность хранителя археологического отдела Минусинского музея с тем, что я приеду туда работать на всё лето. Осенью, в октябре, я буду вынужден уехать в Москву.

Зимой я опять смогу приехать на некоторое время, во время месячных Рождественских каникул, причём думаю, что смогу пропустить и часть учебного времени.

Весной же 29 года я надеюсь сдать экзамены и тогда уже окончательно переехать в Минусинск.

Если Вы считаете, приемлемой при таких условиях, мою кандидатуру, то я бы очень просил...

АИАиЭТ СО РАН. Ф.2. Оп.1. Д.335. Л.1-2.

№2

Москва 7/III- 28 г.

Арбат. Мерзляковский пер. 1/8/ кв. 27.

Многоуважаемый Николай Константинович.

Очень благодарю Вас за сообщение подробностей относительно возможности моей работы в Минусинском музее.

Обсудив всё сообщённое Вами и посоветовавшись с Василием Алексеевичем, я решил всё-таки, сознавая всю трудность и ответственность этой работы взяться за неё надеясь с ней справиться.

В университете я хочу взять отпуск на год, а затем, я думаю, мне всё же удастся приехать в Москву на некоторое время для окончательной сдачи всех зачётов.

Одновременно с этим письмом я посылаю заявление, рекомендацию от В.А.[Городцова] и свою краткую автобиографию в Сибкрайоно.

Большая просьба к Вам оказать мне содействие в успешном продолжении там моего дела.

Простите за беспокойства.

Уважающий Вас В. Карцов

АИАиЭТ СО РАН. Ф.2. Оп.1. Д.335. Л. 3-3об.

№3

Москва

Арбат. Мерзляковский пер. 1/8/ кв. 27.

6/IV- 28 г.

Глубокоуважаемый Николай Константинович.

Простите, что я опять Вас беспокою. Не получая так долго ответа из Сиб. Крайно и не зная, таким образом, как разрешается вопрос с моим назначением в Минусинск, я оказываюсь теперь в довольно затруднительном положении.

Дело, в том, что, если моя кандидатура в Минусинский музей не принята, я должен теперь же закрепиться в одной из археологических экспедиций.

Не сделав этого теперь, я рискую потерять возможность участвовать в этом году в раскопках.

Естественно, поэтому, что знать результаты моего заявления для меня крайне важно.

Очень прошу Вас не отказать узнать всё положение моего дела в Сибано и написать мне. Простите за беспокойство.

Уважающий Вас В. Карцов.

АИАиЭТ СО РАН. Ф.2. Оп.1.Д.335. Л.5-5об.

№4

Москва 17/V-28.

Многоуважаемый Николай Константинович!

Два дня назад получил окончательный ответ из Красноярска о зачислении меня в музей с 1го мая.

Не успел ещё написать Вам об этом, как уже получил и Ваше письмо. Очень благодарю Вас за все хлопоты и заботы.

Ваш совет заехать Новосибирск обязательно исполню как с целью установления связей, так и получения от Вас сведений и советов по предстоящей работе. Выехать думаю из Москвы

2-5 июня, т.к. мой отъезд зависит от получения из Красноярска денег, которые Соболев¹ обещает выслать 27-28 мая.

Таким образом, надеюсь быть в первых числах июня в Новосибирске.

Одновременно с этим письмом, по просьбе музея, пишу с целью согласования работы, Г.П. Сосновскому.²

Уважающий Вас В. Карцов

АИАиЭТ СО РАН. Ф.2. Оп.1. Д.335. Л.10-10об.

№5

Красноярск. 29-VI-28

Многоуважаемый Николай Константинович!

Привет Вам из Кр[асноярс]ка, где я уже достаточно осмотрелся и освоился. Вся обстановка работы мне здесь очень нравится.

Был проездом Г.П.[Сосновский] с которым я согласовал все вопросы.

Одно скверно, с кружком. Все старые члены его или уехали или уезжают, и привлечь их к работе нельзя. Пытаюсь собрать новых.

Сейчас у меня к Вам большая просьба – пошевелить Сибону об отпуске обещанных средств, а то боюсь, как бы они не сошлись. Ведь он обещал выслать их в Красноярск чуть ли не следом за мной.

¹ Соболев Александр Николаевич (1888–1930) – заведующий геологическим отделом, помощник консерватора, в 1926–1930 директор Красноярского музея.

² Сосновский Георгий Петрович (1899–1941) – археолог, ученик Б.Э. Петри, Г. фон Мергарта. Ассистент Мергарта в 1918–1920 в Музее Приенисейского края в Красноярске. Партнёр Н.К. Ауэрбаха в 1919–1930 по исследованию Афонтовой горы и других палеолитических памятников Енисея. В 1923–1925 один из руководителей школьного археологического кружка им. И.Т. Савенкова в Красноярске. В 1920–1926 учился в Иркутском университете. В 1926 поступил в аспирантуру Института антропологии 1 МГУ (руководитель Б.С. Жуков), в 1927 оставил её, став сотрудником ГАИМК в Ленинграде. Руководил работами Бурятской, Енисейской, Ангарской, Бийской экспедиций ГАИМК–ИИМК. В 1930-е играл ведущую роль в изучении палеолита Сибири, автор многих трудов о каменном, бронзовом и железном веках в Азиатской части СССР. Умер во время блокады Ленинграда (см. подробнее: Китова, 2010б; Вдовин и др., 2012).

Очень хотелось бы их получить в начале июля, чтобы сразу после Вашего приезда, я мог ехать в район.

Ну, пока всего хорошего. Надеюсь, скоро увидимся.

Уважающий Вас В. Карцов

АИАиЭТ СО РАН. Ф.2. Оп.1. Д.335. Л.11-11об.

№6

Красноярск. 12-XII-28

Наконец-то посылаю Вам отчёт, дорогой Николай Константинович! Долго, правда, я затянул с ним, но наконец-то он готов.

Большая просьба к Вам, просмотрев его, передать, но куда? Думаю, в СибКрайоно, а если он там не нужен и неважен, то в о[бщест]во по изучению произ[водительных] сил? Полагаюсь на Ваше усмотрение – куда важнее для закрепления себя и получения в будущем средств.

Посылаю Вам также свой примерный план работы на лето и смету. Просьба внести в них исправления, если найдёте возможным – передать их по назначению, а нет, то сообщите мне свои указания.

Я сам надеюсь в январе выбраться на месяц в Москву и по дороге заглянуть к Вам.

Может быть будет возможность прочесть доклад о работах прошлого лета у Вас в о[бщест]ве. Думаю, это было бы нелишнее.

А.Н. Глухов¹ приехал к нам и, не знаю как на других музейян, но на меня пока произвёл самое хорошее впечатление, и я надеюсь мы с ним сойдемся вполне, тем более что интересы и запросы у нас почти общие. Боря Петров² ещё не явился в музей по Ваше-

¹ Глухов Александр Николаевич (псевдоним Л.Н. Глушкова) – научный сотрудник Этнографического Отдела Русского Музея. В 1924-1929 гг. принимал участие в работе Алтайской экспедиции, руководитель одного из её отрядов.

² Петров Борис – активный член школьного археологического кружка им. И.Т. Савенкова в Красноярске под руководством Н.К. Ауэрбаха, Г.П. Сосновского и В.И. Громова в (1923-1925). См. подробнее: Вдовин А.С., Макаров Н.П., Гуляева Н.П. Археологический кружок имени И.Т. Савенкова (1923–1926 годы) + CD-приложение (фотоматериалы). Красноярск: КНУЦ, 2015. 201 с.

му поручению и конечно я ему достану всё, что могу. В.И.[Громову]¹ карты все высланы, ну, а «за работу» конечно, Вы ничего не должны и никаких счетов здесь мне кажется и не может быть.

У нас всё по-старому. Музей начинает готовиться к переезду, весной, в новое здание. Прорабатываются вопросы экспозиции и т.п. Кружок мой продолжает работать очень хорошо и ребята своими очень доволен. В работе установил тесную связь с Ачинским (Чернявский) и Канским (Пожарский)² музеями – привлекая их гл. образом к совместной работе по составлению археологической карты края.

¹ Громов Валериан Иннокентьевич 1896 – 1978) – геолог, палеонтолог, доктор геолого-минералогических наук (1949), профессор (1963), заслуженный деятель науки РСФСР (1962), заместитель председателя Четвертичной комиссии АН СССР, заведующий Отделом четвертичной геологии Геологического института АН СССР (1941—70). Во время учёбы в гимназии передал первые палеонтологические коллекции в Красноярский городской музей. В 1910 г. открыл палеолитическую стоянку Афонтова гора II. Обучался в Киевском ун-те на естественном отделении физико-математического факультета (1914). В 1916 призван на военную службу, участвовал в боях на Зап. фронте, был ранен. 1923-1925 – внештатный сотрудник Музея Приенисейского края. Совместно с Н.К. Ауэрбахом и Г.П. Сосновским организовал археологические исследования под Красноярском на Афонтовой горе, один руководителей школьного археологического кружка им. И.Т. Савенкова. 1926-1927 проводил исследования на Бирюсе по геологии, палеонтологии, археологии. В монографии В.Г. Карцова (1929) им даны определения остеологического материала многослойной стоянки Усть-Собакино.

Родоначальник научного направления - геологии палеолита. В 1947 за работу «Палеонтологическое и археол. обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на тер. СССР (млекопитающие, палеолит)» присуждена премия А. П. Карпинского и Государственная (Сталинская) премия СССР (1950). Награждён орденом Трудового Красного Знамени (трижды), а также медалями.

См. подробнее: Алексеев М.Н., Алексеева Л.И., Вангенгейм Э.А. и др. Валериан Иннокентьевич Громов: [1896-1978. Некролог] // Бюлл. Комис. по изуч. четвертич. периода. № 49. 1979. С. 147-149; Ауэрбах К.Н., Вдовин А.С., Гуляева Н.П., Макаров Н.П., Оводов Н.Д. В.И. Громов. Красноярские истоки научной деятельности // Древности Приенисейской Сибири. Вып. 2. Красноярск: РИО КГПУ, 2003. С. 35-41; Константинов М.В., Константинов А.В. Мемориал российских учёных Валерьяна Громова и Семёна Цейтлина. Автобиография В.И.Громова // На пользу и развитие русской науки. Чита. 1999. С. 33-51.

² См. подробнее: Вдовин А.С. Археология в Ачинском краеведческом музее в начале XX в. // Древности Приенисейской Сибири. Вып.4. Красноярск: РИО ГОУ ВПО КГПУ им В.П. Астафьева, 2005а. С. 153-158; Вдовин А.С. Археология в Канском краеведческом музее в начале XX в. // Древности Приенисейской Сибири. Вып.4. Красноярск: РИО ГОУ ВПО КГПУ им В.П. Астафьева, 2005. С. 159-162.

Особенно откликнулся мне Чернявский уже присылающий не на словах, а фактически материалы по своему округу. На основании всех данных и имеющихся у них в музее. Вот только не знаю с кем можно бы связаться в этом направлении в Минусинске, а мне кажется такая совместная работа необходима.

Ну, пока всего хорошего. Надеюсь, скоро увидимся.

Ваш В. Карцов.

см. на об.

Решил пока послать Вам черновик плана работ, т.к. не знаю, как лучше его составить, кому адресовать и посылать просьбу о средствах от себя, или от Музея, или Геогр[афического] О[бществ]а.

Ещё раз очень прошу дать мне совет в этом отношении.

Ваш В. Карцов

АИАиЭТ СО РАН. Ф.2. Оп.1. Д.335. Л.8-9.

№7

Красноярск. 18-IV-29 г.

Дорогой Николай Константинович.

Из Вашего письма Соболеву узнал, что вопрос о получении средств на мои работы действительно является большим вопросом. Здесь надежды на получение средств тоже плохи. Вопрос лекционно-экскурсионной работе на раскопках поставлен перед политпросветом, но что из этого выйдет, еще не знаю. В Окроно прошу средств на практические работы с кружком – но здесь отвечают музейной сметой, бюджетом и пр. Кажется, лучше обстоит с Геогр[афическим] О[бществ]ом. Косованов¹ надеется, что нам удастся обернуться с хоз. организациями и тогда они смогут выделить хоть немного (рублей 200). Оказывается, Вы запрашивали его о возможности дать мне средства на раскопки, и он послал отрицательный ответ. Как будто мне удаётся теперь «склонить его гнев на милость».

¹ Косованов Вячеслав Петрович (1880–1938) – геолог, библиограф, краевед, первый профессор Красноярского края. В годы работы В.Г. Карцова в Красноярске, председатель Красноярского отдела РГО.

Но кто знает, кто знает?!..

Постоянная просьба к Вам шевелите этот вопрос в Новосибирске. Очень беспокоюсь о работе.

Пока всего лучшего. Привет от жены.

Ваш В. Карцов

АИАиЭТ СО РАН. Ф.2. Оп.1. Д.335. Л.13-13об.

№8

Красноярск. 3-V-29 г.

Дорогой Николай Константинович!

Пользуюсь случаем черкнуть Вам через Марию Вас.¹ Ещё несколько слов. Страшно волнуюсь о вопросе с получением средств на лето. Как обстоит с этим вопрос в Н[ово]сиб[ирске]?

Здесь у меня все неопределенно. Косованов тянет и то подаёт, то ослабляет надежды, т[ак] что до сих пор не знаю, как будет. С другими организациями тоже неизвестно. Удочки закидываю.

Сейчас выставил ряд экспонатов по первобытной археологии на выставке безбожников, читаю лекции и пр. Но все же надежды слабы и приходится всецело обращать взоры на Новосибирск. Большая просьба ещё и ещё раз продвинуть это дело, и черкните мне о том, как оно обстоит.

Я несколько задержал присылку плана (пятилетка) работ т.к. до сих пор не получил материал от Ачинска. Как только Чернявский пришлёт его, сразу вышлю.

Ну, пока всего лучшего. Так вся надежда на Вас, Николай Константинович.

¹ Красножёнова Мария Васильевна (1871-1942) – Педагог, фольклорист, этнограф, активный собиратель сибирского фольклора. Составитель ряда сборников сказок Красноярского края, автор работ: «В.И. Суриков», «Взятие «снежного городка» в Енисейской губернии», «Материалы по народной медицине Енисейской губернии» и других трудов по русской этнографии и истории Сибири. С 1907 года – член Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. Награждена золотой медалью РГО. С 1920 года сотрудник Красноярского краеведческого музея. Как и Н.К. Ауэрбах М.В. Красножёнова похоронена в Красноярске на Троицком кладбище.

Привет от жены.

Ваш В. Карцов

АИАиЭТ СО РАН. Ф.2. Оп.1. Д.335. Л.15-16.

№9

Красноярск. 9-VI-29 г.

Дорогой Николай Константинович!

Наконец у меня сравнительно проявляются летние горизонты. Уже сегодня собираюсь начать первые работы в Ачинске для Ачинского музея. Там думаю исследовать ачинские курганы и городища, на небольшие средства, которые изыскивает Ач[инский] Музей.

В Красноярске начну работать с июля. Здесь Косованов обещает 200 рублей и изыскивает ещё средства союза безбожников. С ними я провёл уже предварительную компанию, как в печати, так и по клубам. Таким образом раскопки здесь я то же видимо обеспечен.

Хуже обстоит дело с обследованием (учётом). Я думал в этом году закончить обследование всего Красноярского района, но на эту работу денег пока нет, и здесь приходится уже надеяться на Н[ово]сибирск, т.е. на Вас. Если бы удалось получить оттуда хоть рублей 150-100, на работу по учёту памятников, то было бы положение совсем хорошо, а то дело учёта, начатое в прошлом году должно будет теперь несколько заглотнуть. Но надеюсь, что Вам удастся вырвать эту небольшую сумму по примеру прошлого года.

Ещё со своей стороны поддерживаю просьбу Чернявского об отпуске Ачинску то же 100 рублей, там, как я уже сказал, мы будем работать совместно. И их союз безбожников то же пытается втянуть в работу. Как с этим обстоит дело пока не знаю, но они там собираются принять участие в работе. Я лично сегодня еду в Ачинск и в Красноярск вернусь числа 27 июня.

Ну, а когда и куда Вы думаете ехать работать? Не собираетесь ли заехать к нам в Красноярск? Интересно, где работает В.И. Громов?

Когда может окончательно выясниться вопрос об отпуске средств на учет и Ачинску?

Черкните обо всем этом.

Ну, пока дорогой Николай Константинович. Всего лучшего. Привет от жены.

Ваш В. Карцов

АИАиЭТ СО РАН. Ф.2. Оп.1. Д.335. Л.17-18.

№10

Красноярск. 30-X-29 г.

Дорогой Николай Константинович!

Простите, что так долго не мог собраться написать Вам, всё последнее время было очень много работы.

В музее появилась возможность издать мне довольно большую работу по металлу нашего района.

Упустить случай к печатанию в современных условиях, конечно, нельзя и мне пришлось забыть всё и засесть за работу. Сейчас она уже печатается под названием «Материалы к арх[еологии] Кр[аснояр]ского района,¹ содержа материалы к карте, как результат обследования района и описание коллекций Музея, происходящих из района (металлических культур конечно).

Отваживаюсь на некоторую классификационную предварительную наметку металлических культур.

К сожалению, всё делать пришлось так спешно (в связи с концом бюджетного года), что не успел послать Вам рукопись для отзыва и совета. Памятники я описывал по Вашему совету по их видам и даю географический указатель. Далее разбираю, описываю и систематизирую все наши подъёмные коллекции. Надеюсь, скоро прислать Вам оттиск, хотя Вам следует напомнить, что Вы своими работ меня и минуете, и о них я узнаю только с получением их в библиотеке.

Отчёты о работах скоро вышлю детальные. Сейчас опять начинаю работать с кружком, скоро начну ряд лекций по археоло-

¹ Карцов В.Г. Материалы к археологии Красноярского района. Описание коллекций и материалов музея. Отдел археологический. Красноярск, 1929а. 53 с.

гии у безбожников – в оплату «долга». Авось это даёт возможность получить средства от них опять. Ну, вот и все новости.

Черкните, как обстоит дело с арх[еологическим] съездом?¹

Пока всего лучшего. Привет супруге и Вам привет от М.П.²

Ваш В. Карцов

АИАиЭТ СО РАН. Ф.2. Оп.1. Д.335. Л.19-190б.

№11

Красноярск. 21-XI-29 г.

Дорогой Николай Константинович!

Ваш совет дать соответствующее введение к моей работе я конечно исполнил. Мы поместили перед ней «От издателя» где кратко коснулись значения археологии для современности, её роли культпросвет и антирелигиозной работе и т.д. В общем соответствующим образом разрисовали и раскрасили. Теперь она уже скоро выйдет на свет.

Вы просили написать список Ваших работ, которые у меня есть. Это чрезвычайно просто, т.к. я получил только «К вопросу о материале каменных орудий»³ и достал в Г[еографическом] О[бществе] «Доисторическое прошлое».⁴

Очень обрадовался, узнав от Вас, что «пещерные проекты» видимо, одобрены и есть надежда на большие средства.

Я здесь как-то мимоходом говорил с нашими безбожниками. Они пока, кажется, ничего не имеют против постановки этой работы опять при их участии. Это хорошо. Уже из нескольких писем знаю о Московских делах, но очень туманно. Там «раци-

¹ См. подробнее: Вдовин А.С., Кузьминых С.В., Серых Д.В. Всероссийские археологические съезды: от Пскова до Новосибирска // Российская археология. 2008. №4. С.170-177.

² М.П. – Мария Петровна Карцова, супруга В.Г. Карцова.

³ Ауэрбах Н.К. К вопросу о материале каменных орудий Сибири // ТСА РАНИОН, вып. IV, М. 1928.

⁴ Ауэрбах Н.К. Доисторическое прошлое Приенисейского края. Ч.1. Каменный век период. Красноярск, 1929. 19 с.

онализировали» Городцова, Захарова,¹ Граковых² и мн. других из других отделов.³

Сейчас идёт перестройка отделов по-новому. Создаются отделы «доклассового общества», «феодализма» и т.д.

Наверное, Вы уже обо всём этом знаете теперь больше, чем я. Напишите, когда думаете ехать в центр. Я, если удастся, надеюсь выбраться в январе. Хорошо было бы быть там одновременно.

Ну, пока всего лучшего. Привет от М.П. От меня привет супруге.

Ваш В. Карцов

АИАиЭТ СО РАН. Ф.2. Оп.1. Д.335. Л.20-20об.

№12

Привет с дороги, дорогой Николай Константинович! Опять

¹ Захаров Алексей Алексеевич (1884–1937) родился в Москве, окончил историко-филологический факультет Московского университета. Преподавал до революции в Московском археологическом институте, после – на факультете общественных наук МГУ. С 1914 по 1929 г. работал Государственном историческом музее. Из ГИМа он был уволен в ходе «чистки» 1929 г. Также А.А. Захаров работал в Московском отделении ГАИМК, в РАНИОН. В связи с этим протестом, а также за солидарность с Ю.В. Готье и другими учёными, арестованными в рамках «академического дела» 1929–1931 гг., Захаров в 1931 г. был уволен из РАНИОН (См. подробнее: Канторович А.Р. Историк и археолог Алексей Алексеевич Захаров: жизнь и творчество учёного после революции // 1917 год: российская археология на переломе эпох. М-лы Междунар. науч. конф. М.: ИА РАН. 2017. С. 31–33).

² Граков Борис Николаевич (1899–1970), выдающийся российский археолог и историк. Родился в г. Онега Архангельской губернии. В 1922 г. окончил историко-филологический факультет МГУ по отделению классической филологии. Параллельно занимался на отделении археологии В.А. Городцова. В 1919 и 1922–1929 гг. — сотрудник ГИМ. С 1928 г. научный сотрудник 1-го разряда секции археологии РАНИОН. В 1932–1952 гг. работал в ГАИМК-ИИМК. Б.Н. Граков был одним из пионеров изучения сарматской культуры в степях Евразии. Уже в 1928 г. им была дана общая характеристика памятников ранних кочевников Поволжья и Приуралья VI–IV вв. до н.э. (См. подробнее: Нефёдова Е.С., Переводчикова Е.В., Свиридов А.В. Материалы к биографии Б.Н. Гракова // Граковские чтения на кафедре археологии МГУ. 1992. С. 4–8].

³ В 1929 г. В.А. Городцова уволили из музейного отдела Наркомпроса и ГИМа с формулировкой «по рационализации работы музея». Гонения на археологию как «буржуазную» и «вещеведческую» науку привели к преследованию В.А. Городцова, к репрессиям и арестам его коллег, профессоров МГУ и сотрудников ГИМа упомянутых в письме (См. подробнее: Белозёрова И.В., Кузьминых С.В., Сафонов И.В. Жизненный путь В.А. Городцова // Российский археологический ежегодник. 2011. № 1. С. 500].

еду в Москву, но увы только недели на 2. Как Вы съездили? Не изменились ли Ваши летние планы?

Привет от Марии Петровны. Всего лучшего.

Ваш В. Карцов

29-I-30

АИАиЭТ СО РАН. Ф.2. Оп.1. Д.335. Л.22-22об.
(Открытое письмо)

№13

4-IV-30 г.

Ну и смутили Вы меня, дорогой Николай Константинович своим докладом! 5000 на работу — это не шутка и такое счастье археологам выпадает редко. Конечно, отказываться от подобных перспектив трудно. Я Вам писал о своих мыслях о РАНИОН,¹ но для этого надо было бы засесть за «марксизмы» на всё лето и не копать. Но отказаться от возможности таких блестящих работ – обидно.

Если удастся отвоевать эти средства у Госторга будет хорошо и придётся за это дело взяться. Но как посоветуете быть с РАНИОНОм?

Не может Н[ово]Сибирск оказать мне в этом отношении содействие и ходатайствовать перед ним «в виду ударности и пр. возлагаемых на меня летних работ» перенести вступительный марксистский коллоквиум на зиму. Вступительная работа по специальности будет представлена вовремя.

Если наши главки меня поддержали бы в этом отношении, возможно, удалось бы убить двух зайцев. Черкните Ваши мысли по этому вопросу.

Т[аким] обр[азом] буду очень рад взять на себя одну из партий. Вы предлагаете Ужурскую. В этом районе я уже был и он, конечно, весьма интересен, но имейте в виду, что он может дать

¹ РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (1924-1930 гг.) членом которой был избран Н.К. Ауэрбах и претендовал стать её сотрудником В.Г. Карцов.

только тагарцев, возможно очень немного карасукцев и кочевников, но в нём совершенно видимо нет афанасьевских могильников, т. обр. комплекты коллекций не могут быть полными.

Карасукский могильник, и то под вопросом, я там знаю только один, у Тусколь-озера.

Исходя из этого, а равно и из личных интересов (хотелось бы попутно поразведать городища) я предпочёл бы, если возможно, работать в другом, более южном районе, напр. Хакасии (мне особенно интересно захватить исследованием Абаканское городище). Но это, конечно, если возможно.

С положениями Вашего доклада всецело согласен. Важно чтобы Госторг не надул с издательством. Затем, конечно, невероятно мал указанный Вами срок на обработку материалов – 1 месяц. Большие коллекции, на которые надо надеяться, не могут быть проработаны в такой короткий промежуток времени.

Очень интересен намеченный Вами съезд. Хотелось бы быть на нём, но на чьи средства? У Музея и Геогр[афического] о[бщест]ва их не получить. Даёт ли Н[ово]Сибирск? Когда намечается съезд и кто на нём будет?

Финансовое положение Г[еографического] О[бщест]ва у нас сейчас изменилось к лучшему по сравнению с описанным в прошлом письме. Косованов обещал на раскопки рублей 500.

Пишите о Ваших личных проектах на лето. Где думаете и что копать? Пока всего лучшего. Привет супруге.

Ваш В. Карцов

АИАиЭТ СО РАН. Ф.2. Оп.1. Д.335. Л.23-24.

№14

Красноярск. 19-V-30 г.

Дорогой Николай Константинович!

Сейчас получил от Главнауки (от О.Н. Бадер¹) открытку, ответ на просьбу об открытом листе.

¹ Бадер Отто Николаевич (1903–1980) – археолог. В 1922–1926 гг. учился в 1 Московском государственном университете на факультете общественных наук, участвовал

Он пишет, что лист будет выслан только по получению отзыва о прошлогодних работах, а когда он будет – неизвестно.

Отчёт мною послан в Главнауку в начале мая.

Боюсь, как бы «чиновники от главнауки» не задержали это дело – бюрократически, а может быть и «сознательно».

Поторопите их как следует от Сиб. Хорошо бы телеграфно.

Жду от Вас вообще новостей. Привет супруге. Ваш В. Карцов
АИАиЭТ СО РАН. Ф.2. Оп.1. Д.332. Л.17.

№15

Красноярск. 29-V-30 г.

Простите, что пишу карандашом, дорогой Николай Константинович.

Беспокоюсь затяжкой начала наших экспедиционных работ. Очень интересно знать, в чём дело? Неужели Госторг ещё урезывает смету? Почему? Ведь, кажется, деньги были уже переведены в Н[ово]сибирск?

С ежедневно возрастающими ценами и с урезанной сметой работы могут оказаться весьма незначительными: – вся надежда на дефицитные товары. Обязательно напишите детально все

в археологических экспедициях под руководством В.А. Городцова и Б.С. Жукова. В 1927-1930 гг. работал в Музейном отделе Главного управления научными, научно-художественными и музейными учреждениями Наркомпроса, много времени уделяя составлению археологических карт и методике учёта археологических памятников. В 1933-41 — младший научный сотрудник МГУ, старший научный сотрудник Государственной академии материальной культуры. В 1942-46 — научный сотрудник Нижнетагильского музея, в 1946-55 — доцент Пермского государственного университета; в 1955-79 — старший научный сотрудник Института археологии Академии Наук СССР. Специалист в области первобытной археологии Восточной Европы и Урала. Автор раскопок палеолитической стоянки Сунгирь и уникальных её захоронений. Так же в его активе изучение палеолитической живописи Каповой пещеры. Выделение особой Сейминско-Турбинской эпохи развитой бронзы, разработка периодизации каменного, бронзового и раннего железного веков Урала. Основатель пермской археологической школы (См. подробнее: Мельникова О.М. Пермская научная археологическая школа О.Н. Бадера. Ижевск, 2003; Кузьминых С.В. О.Н. Бадер и отечественная археология эпохи раннего металла // РА. 2004. № 4; Формозов А.А. Наука и человек. М., 2005].

указания по технике их получения и пользования ими. Очень важно иметь возможность получать их небольшими частями для удобства расплаты и хорошо бы, если возможно, не только в самом Усть-Абаканске, но и по сельским кооперативам.

Каково положение с получением открытых листов? Чрезвычайно меня волнует вопрос с Виноградовой? Будет она или нет? Если нет, то надо срочно искать кого-то. У меня есть заявки из Москвы, но я воздерживаюсь на них отвечать отрицательно или положительно. Напомните Виноградовой, если она поедет, что она должна иметь с собой хороший фотоаппарат.

Обязательно сразу же телеграфируйте, как только выяснится вопрос – едет она или нет.

Вообще страшно обидно, что начало работ затягивается. По-сылаю Вам наши скудные сведения о всех северных стоянках (по инвентарям):

Ряд орудий имеется из района с. Шаманского.

Стоянка на р. Ангаре у с. Селенгино.

Стоянка у д. Ярки на Ангаре.

-//- у с. Паново.

-//- на острове Сергушкине против дер. Угольцевой в ½ клм. от Пановской стоянки.

ст[оянка] Чадобец.

ст[оянка] у д. Пашенной.

ст[оянка] у с. Каменского.

Погребение (?), очень позднее, с железом, у с.Дудинского в Туруханском крае.

ст[оянка] у устья Подкаменной Тунгуски.

ст[оянка] на правом берегу р. Карапчанки (правобережный приток р.Ангары) в районе д. Карапчанской.

ст[оянка] у устья рч. Невонки у с. Невонского.

ст[оянка] по правому берегу Ангары ниже дер. Матерой.

отд[ельные] находки в районе слияния р.р. Чуны и Оны.

отд[ельные] находки в районе с. Каменошиверского на Ангаре.

Вот и все, что можно выудить из инвентарей.

Ну, пока дорогой Николай Константинович, всего лучшего.

Надеюсь, что всё же раскопки у нас в этом году, плохо или хорошо, но состоятся.

Будет ли работать Киселёв?¹ Есть ли у Вас новые сведения об отношении к нашим работам в центрах?

С нетерпением жду всяких известий.

Привет супруге и новосибирцам. Ваш В. Карцов

АИАиЭТ СО РАН. Ф.2. Оп.1. Д.325. Л.25-26.

№16

9-VI-30.

Дорогой Николай Константинович!

Что же это с раскопками? Даже начало брать сомнение в их реальности, да и Вы кроме телеграммы – ни слова. Жду и надеюсь, что все скоро благополучно разрешиться.

У меня к Вам просьба. Музей послал в Сибобо (на имя Кутуфьева) мою работку по вопросу экспозиции с просьбой её напечатать в «Просвещение Сибири» или ещё где-нибудь. Не откажите взять её посмотреть и окажите и со своей стороны содействие в этом деле.²

Пока всего лучшего. Привет супруге. Ваш В. Карцов

P.S. Жду от Вас известий об экспедиции, как манны небесной.

АИАиЭТ СО РАН. Ф.2. Оп.1. Д.335. Л.21-21об

(Открытое письмо)

¹ Киселёв Сергей Владимирович (1905-1962), историк, археолог, ученик В.А. Городцова. Специалист в области древней и средневековой истории Южной Сибири и Центральной Азии, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Академии Наук СССР (1953). С 1927 принимал участие в археол. экспедициях. Работал в Институте археологии и искусствознания, с 1932 – в Московском отделении Государственной академии истории материальной культуры (ныне – Институт археологии РАН): заведующий сектором, заместитель директора. С 1939 – профессор кафедры археологии исторического факультета МГУ. Руководил комплексными археологическими исследованиями в Минусинской котловине и Горном Алтае, широкомасштабными исследованиями памятников различных эпох в Монголии. В Хакасии К. раскопан Большой Салбыкский курган. Автор капитальной монографии – Древняя история Южной Сибири. М., 1949. Лауреат Сталинской премии (1950).

² Вероятно, речь идет о вызвавшей всеобщую дискуссию статье – Карцов В.Г. К вопросу экспозиции археологических материалов в краеведческих музеях // Советский музей. 1931. № 6. С. 71-75.

Литература:

1. Алексеев М.Н., Алексеева Л.И., Вангенгейм Э.А. и др. Валериан Иннокентьевич Громов: [1896-1978. Некролог] // Бюлл. Комис. по изуч. четвертич. периода. № 49. 1979. С. 147-149.
2. Ауэрбах Н.К. Доисторическое прошлое Приенисейского края. Ч.1. Каменный век период. Красноярск, 1929. 19 с.
3. Ауэрбах Н.К. Палеолитическая стоянка Афонтова III. Труды общества изучения Сибири и ее производительных сил. Новосибирск, 1930. Вып. 7. 36 с.
4. Ауэрбах Н.К. К вопросу о материале каменных орудий Сибири // ТСА РАНИОН. Вып. IV. М., 1928а. С.43-47.
5. Ауэрбах К.Н., Вдовин А.С., Макаров Н.П., Щербакова Н.П. Н.К. Ауэрбах. Первый период научной деятельности (1918-1923 гг.) // Межмузейный сборник. Красноярск. 1998. С. 52-60.
6. Ауэрбах К.Н., Вдовин А.С., Гуляева Н.П., Макаров Н.П., Оводов Н.Д. В.И. Громов. Красноярские истоки научной деятельности // Древности Приенисейской Сибири. Вып.2. Красноярск: РИО КГПУ, 2003. С. 35-41.
7. Белозёрова И.В., Кузминых С.В., Сафонов И.В. Жизненный путь В.А. Городцова // Российский археологический ежегодник. 2011. №1. С. 472-510.
8. Вдовин А.С. Археология в Ачинском краеведческом музее в начале XX в. // Древности Приенисейской Сибири. Вып.4. Красноярск: РИО ГОУ ВПО КГПУ им В.П. Астафьева, 2005а. С. 153-158.
9. Вдовин А.С. Археология в Канском краеведческом музее в начале XX в. // Древности Приенисейской Сибири. Вып.4. Красноярск: РИО ГОУ ВПО КГПУ им В.П. Астафьева, 2005б. С. 159-162.
10. Вдовин А.С. К биографии и научной деятельности Павла Елисеевича Чернявского // Енисейская провинция. Вып.2. Красноярск: РИО КГПУ, 2006. С. 44-48.
11. Вдовин А.С. Поездка В.А. Городцова в Сибирь (1924 г.) // Труды II Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т.III. М.; ИА РАН, 2008. С. 197-199.
12. Вдовин А.С., Гуляева Н.П., Макаров Н.П. Тридцать лет в начале века. Н.К.Ауэрбах // Немцы в Сибири: история, язык, культура: Тезисы международной научной конференции. г. Красноярск, 13-16 октября 2004 г. / Отв. ред. В.А. Дятлова. Красноярск: РИО ГОУ ВПО КГПУ им. В.П. Астафьева, 2004. С. 18-20.

13. Вдовин А.С., Гуляева Н.П. Деятельность «Новоэкспорта» в Сибири // Материалы научно-практической конференции «Проблемы борьбы с проведением незаконных раскопок и незаконным оборотом предметов археологии, минералогии и палеонтологии». Красноярск, 2001. С. 26-28.

14. Вдовин А.С., Китова Л.Ю. О продаже за границу сибирских археологических и этнографических коллекций в 20-30-е гг. XX в. // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2010. № 2. С. 171-182.

15. Вдовин А.С., Китова Л.Ю., Кочкина Е.И., Конохов В.А. Минусинско-Хакасская археологическая экспедиция 1930 г. для «Новоэкспорта» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 4. С. 30-35.

16. Вдовин А.С., Конохов В.А., Макаров Н.П. Карцов В.Г. и его книга «Материалы к археологии Красноярского района» // История и историография Сибири. Вторые Ядриновские чтения. Материалы второй научно-практической конференции посвященной столетию начала Первой мировой войны (Омск, 29-30 октября 2014 г.) /Под. ред. П.П. Вибе, Т.М. Назарцевой. Омск: ОГИК музеев, 2014. С. 8-10.

17. Вдовин А.С., Кузьминых С.В. «Первобытные древности Сибири меня всегда интересовали»: В.А. Городцов и археология Сибири // Археология Южной Сибири. К 80-летию А.И. Мартынова. Вып. 26. Кемерово: РИО КемГУ, 2012. С. 49-54.

18. Вдовин А.С., Кузьминых С.В., Серых Д.В. Всероссийские археологические съезды: от Пскова до Новосибирска // Российская археология. 2008. №4. С.170-177.

19. Вдовин А.С., Макаров Н.П., Гуляева Н.П. Археологический кружок имени И.Т. Савенкова (1923–1926 годы) + CD-приложение (фото-материалы). Красноярск: КНУЦ, 2015. 201 с.

20. Вдовин А.С., Макаров Н.П., Гуляева Н.П. В.А. Городцов и формирование сибирской школы археологии // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Красноярск: РИО КГПУ им. В.П. Астафьева, 2005. С. 235-237.

21. Вдовин А.С., Макаров Н.П. Николай Константинович Ауэрбах в студенческие годы (1910-1914 гг.) // Історія археології: дослідники та наукові центриуми Києв: ІА НАНУ, 2012. С. 78-83 (серия «Археологія і давня історія України. Вип. 9»).

22. Вдовин А.С., Макаров Н.П. Н.К. Ауэрбах – учёный и организатор науки в Сибири // Уральский исторический вестник. № 3 (48) 2015. С. 16-25.

23. Вдовин А.С., Макаров Н.П. Ауэрбах Н.К. (1892-1930): 125 лет со дня рождения // Междисциплинарные исследования в археологии, этнографии и истории Сибири: материалы Международной научной конференции, посвящённой 125-летию со дня рождения учёного и общественного деятеля Николая Константиновича Ауэрбаха (1892-1930). Красноярск, 2017. С. 9-23.

24. Городицов В.А. К определению древностей и некоторые особенности енисейского палеолита // Северная Азия. 1929. Кн. 1. С.66-76.

25. Карцов В.Г. К материалам по составлению археологической карты Московской губернии // Сборник научно-археологического кружка МГУ. М., 1928. С. 9-11.

26. Карцов В.Г. Материалы к археологии Красноярского района. Описание коллекций и материалов музея. Отдел археологический. Красноярск, 1929а. 53 с.

27. Карцов В.Г. Ладейское и Ермолаевское городища // Труды археологической секции РАНИОН. Т.IV, М., 1929б. С. 559-567.

28. Карцов В.Г. Ачинское городище // Сборник трудов Причулымского музея. Т.1. Вып.1. Ачинск, 1932. С. 45-49.

29. Карцов В.Г. К вопросу экспозиции археологических материалов в краеведческих музеях // Советский музей. 1931. № 6. С. 71-75.

30. Карцова С.В. О моём отце – историке В.Г. Карцове // Век подвижничества 3: сборник научных статей /отв. ред. И.А. Черкасов. Красноярск: «Литера-принт», 2018. С. 151-164.

31. Киселёв С.В. Древняя история Южной Сибири // МИА №9. М.-Л., 1940. 364 с.

32. Константинов М.В., Константинов А.В. Мемориал российских учёных Валерьяна Громова и Семёна Цейтлина. Автобиография В.И. Громова // На пользу и развитие русской науки. Чита. 1999. С. 33-51.

33. Конохов В.А., Макаров Н.П., Вдовин А.С. К истории Красноярского краеведческого музея: археолог В.Г. Карцов (1904–1977) // Учёные и идеи: страницы истории археологического знания. Тезисы докладов Международной научной конференции /Сост. С.В. Кузьминых, А.С. Смирнов, И.А. Сорокина. М.: ИА РАН, 2015. С. 27-29.

34. Кузьминых С.В. О.Н. Бадер и отечественная археология эпохи раннего металла // РА. 2004. № 4. С. 142-150.

35. Макаров Н.П. К истории комплектования, изучения и экспонирования археологических коллекций // Век подвижничества. Красноярск: Книжное издательство. 1989. С. 131-189.

36. Макаров Н.П. В.Г. Карцов как археолог // Вторые исторические чтения памяти М.П.Грязнова. Тезисы докладов. Ч.1. Омск: 1992. С. 29-31.

37. Макаров Н.П. Жизнь и судьба Николая Ауэрбаха // 100 знаменитых красноярцев. Красноярск. ИД «Издательские проекты». Красноярское книжное издательство, 2003. С. 193-197.

38. Макаров Н.П., Вдовин А.С. Археология в Красноярском музее (1889-1940 гг.) // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928-2009). М: Гриф и К. 2010. С. 678 -683.

39. Макаров Н.П., Конохов В.А., Вдовин А.С. «Работой своей в Красноярском музее я очень доволен». В.Г. Карцов. Начало научной деятельности // Древности Приенисейской Сибири: Сб. научн. тр. /отв. ред. П.В. Мандрыка. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. Вып. VII. С. 5-25.

40. Мельникова О.М. Пермская научная археологическая школа О.Н. Бадера (1946–1955 гг.). Ижевск: Удмурт. гос. ун-та, 2003. 180 с.

41. Фокин С.М. Средневековые материалы Ладейского и Ермолаевского городищ // Проблемы археологии и истории Северной Евразии. Томск, 2009. С. 124-130.

42. Формозов А.А. Человек и наука: из записей археолога. М.: Знак, 2005. 224 с.

Nikolai P. Makarov

Candidate of Sciences in History

Alexander S. Vdovin

Candidate of Sciences in History

Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore

«The prospect of working in Minusinsk is extremely attractive to me»: letters from V.G. Kartsov to N.K. Auerbach

Abstract: Auerbach N.K. and Kartsov V.G. belong to outstanding researchers who are associated with the creation of Soviet archaeological and historical science in Siberia. They were united by a lot. They came from ancient noble families, dating back to the times of Ivan the Terrible and Catherine II. They were fond of archeology and made a significant contribution to the study of the antiquities

of Siberia. They received a special archaeological education under the guidance of V.A. Gorodtsov. Researchers have been employees of the Krasnoyarsk Museum in different years. Correspondence of V.G. Kartsov and N.K. Auerbach was short-lived (only three years old), but it is of great interest to the history of science in Siberia.

Key words: Minusinsk, Krasnoyarsk, museum, archeology, V.G. Kartsov, N.K. Auerbach, V.A. Gorodtsov

УДК 391: 94 (571.513)

КАМЕННЫЕ ИДОЛЫ ЕНИСЕЯ

В.Я. Бутанаев

*Д.и.н., профессор**Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова**Республика Хакасия РФ, г. Абакан*

Аннотация. Данная статья представляет описание каменных идолов долины Среднего Енисея, принадлежащих к разным археологическим культурам, но воспринятых хакасским населением и сделавших их частью своих культов. В хакасских степях насчитывалось сотни каменных изваяний, называемых «иней тас». Они посвящались женским предкам – хранительницам человеческих душ. Каменные идолы представляются в виде родовых кумиров, хранителями благополучия людей и скота, обладавшие духовной силой и выступавшие оберегами людей. Изваяния при кощунственном отношении к ним, наказывали людей болезнями. С другой стороны, при холодном бездействии, над ними совершали экзекуции.

Ключевые слова. Хакасия, Хонгорай, Саяно-Алтай, идолы, изваяния, хакасы, кыргызы, историко-культурные герои.

Каменные личины в долине Среднего Енисея принадлежат к различным историческим эпохам, начиная от Окуневской культуры (II тыс. до н.э.) и кончая Кыргызским временем (VI – XVII вв. н.э.). Нынешние жители Хонгорая (Хакасии) их не сооружали и получили от далёких предков в наследие эти стелы, которых называют «козее» или «обаа». В хакасском языке термин «козее» имеет следующие значения: стела, каменное изваяние, статуя, обелиск, памятник, истукан, идол. Это слово является грамматическим образованием от глагола «кози» застывать (о конечностях тела человека), коченеть (о покойнике), каменеть (о печени человека), онеметь, окостенеть, деревенеть. Опираясь на исходное значение, можно выяснить, что слово «козее» сначала носило понятие окоченевшего покойника и, в общем, окаменевшую фигуру. Другой термин «обаа» обозначал священ-

ную грудку камней на перевалах в честь горных духов, курган, изваяние, менгир, обелиск. [Бутанаев, 1999: 49, 70.] Кроме того, стелы, изображающие фигуры людей, носили названия: «иней тас» – каменная баба, «апсах тас» – старик – камень, «кизи тас» – каменный человек, «алып козее» – богатырское изваяние, «хыс козее» – девичье изваяние, «орекен тас» – старуха-камень, «хуртуях тас» – старушечий камень, т.е. каменная баба. [Попов, 1872: 57 – 70.] Согласно подсчётам проф. М.П. Грязнова, на 1950 г. им было учтено на местах в степи и в местных музеях 64 памятника. В настоящее время в экспозиции стел Хакасского краеведческого музея насчитывается более ста каменных изваяний, среди которых три относятся к кыргызскому времени. В Минусинском краеведческом музее им. Н.М. Мартыанова хранится более пятидесяти памятников древнего изобразительного искусства. [Грязнов, 1950: 129; ХКНМ; МКМ.] Единичные экземпляры каменных идолов Хонгорая находятся в музеях Красноярска, Новосибирска, Томска, Москвы и Санкт-Петербурга.

Известный историк С.В. Бахрушин отмечал, что в минусинских степях было широко распространено поклонение священным камням «куртуяк-ташам». «Все названные куртуяки, – отмечал он, – были ещё в первой половине XVIII в. окружены религиозным почитанием окрестного кочевого населения; к ним бывало от идолопоклонников богомолье и приношение жертв». [Бахрушин, 1959: 38.]

Согласно мифологии, памятники «козее» представляют застывших в камне древних богатырей Хонгорая, души которых стали или звёздами на небе, или горными духами на земле. Поэтому их называли общим именем «алып козее» – богатырские истуканы. Когда наступит последний год мира, то богатырские изваяния оживут, и если они встанут, то помогут людям и народ хорошо заживёт [Бутанаев, 2003: 192].

Изваяния «иней тас» или «хуртуях тас» – т.е. каменные бабы хранили, якобы, в себе жизненную силу людей (хут), являлись покровителями детей и семейного счастья. Поэтому женщины, желавшие родить ребёнка, обращались к ним с соответствующ-

щими просьбами, а хакасские жители совершали жертвоприношения, дабы не прервался род человеческий. При молениях на голову изваяниям «иней тас» подвязывали платок, на поясницу подпоясывали матерчатый кушак, а губы смазывали жирной и растительной пищей (сметаной, маслом, салом, ягодами, черемшой).

По отношению к каменным стелам «козее», согласно обычаям, жители Хонгорая должны проявлять особую дань почтения. Проезжая мимо них, хонгорцы обязаны были остановиться, окропить изваяние вином, намазать маслом или другой снедью его рот и глаза, а затем троекратно обойти по солнцу с поклонами. Миновать древние обелиски без подобного почтения считалось крайне предосудительным, ибо духи – хозяева истуканов рассердятся и отомстят. У тех, кто не соблюдал обычаи, переворачивались телеги, распрягались кони, вслед им летели камни. Память предков надо было чтить, а потому, находясь рядом с каменными идолами, запрещалось громко разговаривать и смеяться, тем более нельзя было наносить им какой – либо вред и, боже упаси, выкапывать из земли. Нам рассказали случай, произошедший в аале Карагай. Однажды, когда его жители выкопали изваяние «чалгыс козее», стоявшее рядом с поселением, то среди них распространилась повальная болезнь. Болезнь прекратилась только после того, как истукана водрузили обратно на место [Бутанаев, 2003: 192].

Благочестивым людям, следовавшим заветам предков, древние герои, застывшие в камне за свои подвиги, изредка представляли в живом облике и дарили счастье. Благодаря каменным идолам «козее», процветало скотоводство хакасского населения, ибо они, как считали хонгорцы, оберегали души людей и скота Хонгорая.

Верховный творец «Ах-худай» обращал в камень не только великих богатырей, но и великих грешников. Согласно хонгорским мифам, в древние времена одна девушка, внебрачно забеременев, со стыда бросилась в воды Абакана и утопилась. За то, что она погубила и себя, и невинное дите, «Ах-худай» в наказа-

ние превратил её в белое изваяние «ах обаа», сидящее ныне на дне реки Абакана. Из её груди сочится молоко, которое появляется по берегам рек в виде белого кварца, именуемого хонгорцами «имчек тас» – т.е. камень женской груди. По хакасским обычаям девочкам запрещается брать в руки кварцевые камушки. Необходимо было три раза плюнуть на «окаменевшее молоко» и пройти мимо. Если тронуть «имчек тас», то у матери заболят груди. Данный обычай служил предостережением девушкам против совершения греховных поступков [Бутанаев, 2003: 193].

В долине Абакана, в местности Хамхазы, стояла почитаемая каменная особа «Улуг хуртуях тас» – великая каменная старуха, сотворённая во времена Окуневской культуры. В верхней части изваяния было высечено женское лицо, над которым возвышалась остроконечная шапка, напоминающая головной убор хакасской свахи «тульгу порик», а на груди красовался нагрудник, известный у хакасов под названием «пого». Взор её был обращён на восток. Около неё была сделана небольшая изгородь, внутри которой находились каменные валуны, имевших грубую форму животных. Они представляли скот каменной старухи «хуртуях-тас». Если вокруг неё появлялось много валунов, то, значит, у хакасов будет много крупного рогатого скота.

В Хакасии был известен культурный герой Сартахпан, который, согласно мифам, проложил русло реки Абакан. Во времена сотворения земли, когда ещё не текли реки, супруги – старик Сартахпан и старуха Хуртуях-тас вышли в степь из Алтайской тайги. Они, договорившись, решили провести русла рек Абакана и Аны (по-русски «Она») до Енисея. Сартахпан должен был провести русло Абакана, а старуха Хуртуях-тас дорогу реки Аны. Местом встречи была назначена скала Юттиг-тас. Кто вперёд дойдет до цели, именем того должна будет названа объединённая река.

Старик Сартахпан, прорубив Саянские горы, прокладывал путь для реки Абакан, двигаясь без остановки. Супруга, по дороге думая о благе народа, проходя через Сабинский хребет, по течению делала мелкие броды. В полдень, утомившись, она

присела пообедать. Из-за этого Хуртуях-тас опоздала к месту встречи. Когда Хуртуях-тас подошла к горе Юттиг-тас, выяснилось, что Сартахпан её опередил. Супруга, разозлившись, ибо сама думала проложить трассу до Енисея, в сердцах бросилась перекрыть дорогу Абакана. Но у неё не хватило сил. До сих пор в устье реки Аны у скалы Юттиг-тас русло бурлящего Абакана до середины перебивается впадающим притоком.

В глубокой обиде на ушедшего вперед Сартахпана, она, рыдая, решила догнать неразумного старика. Пройдя устье Таштыпа, Хуртуях-тас узнала, что Сартахпан уже дошёл до Енисея. После этого она вышла на берег и со словами – «пусть я буду стоять между людьми, принося им счастье!», превратилась в каменное изваяние «хуртуях тас».

Сартахпан довёл трассу Абакана до Енисея и, не дождавшись жены, решил вернуться назад. Он увидел окаменевшую Хуртуях-тас, навечно застывшую в местности Хамхазы. Осознав свою горькую потерю, Сартахпан прилёг на берегу Абакана выше Хараджуля и сам превратился в каменную скалу, величиной со стог. Эта небольшая скала среди хакасов получила название «Сартахпан ыzych-тас» т.е. священный камень Сартахпана. Такое обозначение возникло в связи с особым почитанием великого Сартахпана. Весной, во время большой воды, хакасы собирались на берегу около каменной глыбы «Сартахпан ыzych-тас» для проведения молений великому богатырю, дабы он избавил народ от наводнения. Они кропили вином и сметанной кашей «потха», а вокруг на деревьях вешали флажки «чалама» [Бутнаев, 2010: 72].

В настоящее время по железной дороге из Аскиза в Абазу ходит поезд, который за станцией Хараджуль имеет остановку Сартахпан (Сартабан), где сходят не только рабочие путейной службы, но и люди, совершающие моление почитаемому Сартахпану.

Необходимо отметить, что в Горном Алтае чтут аналогичного культурного героя под именем Сартакпай. Он также, как и Сартахпан Хонгорая, проложил дороги рекам в горах Алтая, а

через Катунь строил мосты. [Алтай кеп – куучындар, 1994: 71 – 72.; Яданова, 2013: 254.] Согласно нашему мнению, в их общих именах лежит корень «сартак», обозначающий земледельческий народ, строителя оросительных систем (обычно так называли оседлых узбеков – сартов) [Бутанаев.1999: 109]. Данный факт свидетельствует о близких историко-культурных связях народов Саяно-Алтая.

Изваяние «хуртуях-тас», стало местом поклонения. «Отправляясь на звериный промысел или проезжая мимо, – писал в XIX веке Н.А. Костров, – (жители Хонгорая) подходят к каменной старухе с поклонами, обливают её молоком, аракою..., а выпуклое, грубо изваянное лицо истукана с отверстым ртом обмазывают сметаной и салом с таким усердием, что рот почернел от жирного слоя. Если охота была неудачной, то некоторые в негодовании от обманутых ожиданий наказывают истукана плетью или палками» [Костров, 1861: 77].

Изваянию «хуртуях тас» ежегодно совершали моления обитатели аскизских степей, ибо она охраняла жизненную силу (кизи худы) сагайского племени. «Приношение жертвы предшествовал обряд троекратного объезда верхом на лошади вокруг куртуяка» – отмечал историк С.В. Бахрушин.

В 1954 году археолог А.Н. Липский выкопал и вывез изваяние «хуртуях тас» в Хакасский краеведческий музей, где установил его во дворе среди стел. Однажды он застал перед изваянием молодую хакаску, державшую у рта «хуртуях таса» чашечку с аракой. Рот истукана был обильно вымазан сметаной. Женщина что-то шептала, постоянно кланяясь идолу. Сопровождавшая её пожилая хакаска призналась, что у её невестки нет детей и, прослышав о том, что «хуртуях тас» увезли в Абакан, они обе поспешили сюда просить хранительницу жизненной силы детей о помощи. [Липский, 1970: 6–7] В настоящее время истукан «хуртуях-тас» перевезён в крытое помещение около аала Онхаков, представляя музей одного экспоната. 17 апреля 2003 г. здесь был открыт музей заповедник «хуртуях-тас».

Другая известная скала под названием «иней хая» – горная

старуха, находится в долине реки Аскиз (левый приток Абака-на) и ей поклонялись хакасы из рода «томнар». Когда-то в верховьях Аскиза у горы Аар-таг, согласно мифам, зародился сеок томнар. Его предками были богатыри – супруги, превратившиеся в каменные скалы. Старик окаменел, став горой Аар-таг, а старуха превратилась в скалу «Иней-хая». В старину на красный вечер они оживали, встречались и вели разговоры о сохранении рода томнар. Если гора «Иней хая» хорошо виднелась издали, то подопечный сеок и его скот будут хорошо расти. Хакасский народ, почитая предков, делал указанным горам возлияние вином. А представители сеока «томнар» ежегодно там совершали жертвоприношение.

У подножия скалы находилось каменное изваяние «иней-тас», вокруг которой росли три священной берёзы. Рядом с местонахождением идола находилась площадка, огороженная плитами и усыпанная песком, где стояли каменные фигурки животных – овец, коз, коров, лошадей. Указанный скот представлял стадо почитаемой «иней тас». Все эти каменные фигуры животных, согласно объяснениям хакасов, делали горные духи. [Клеменц, 1884. №12: 11].

Точно такой же набор животных встречался и при других каменных бабах, что свидетельствовало о скотоводческом образе жизни коренных обитателей Хонгорая. Согласно правилам, запрещалось прикасаться к стоявшим фигуркам животных. Если они упадут, то этим предвещали падёж скота.

Люди не нарушали древних традиций. Во время жертвоприношения представители рода обходили по солнцу изваяние «иней тас» и три священные берёзы. Забивались белые ягнята, жертвенным способом, не разрезая горло, а вспарывая грудь. Забивалось до двадцати ягнят. Поднимали к небу священный пар, кропили хакасским сыром пызлахом. После жертвоприношения участники обряда спускался к реке Аскиз и там проходило застолье. Оставшееся мясо сжигали, домой забирать его не разрешалось.

Во второй половине XIX века ретивые миссионеры разбили

каменного кумира, отколотив у него голову и женские груди. Ныне следы этого бывшего изваяния «иней тас» (по видимости средневекового) не сохранились, несмотря на вандализм, люди продолжали совершать летом ежегодные «золотые жертвоприношения» (алтын тайыг) перед горой «Иней хая».

В долине р. Ниня находилось средневековое изваяние «иней тас» или «хыргыс иней» – т.е. кыргызская праматерь. Этой каменной статуе ежегодно совершали жертвоприношение представители рода кыргызы, проживавшие по р. Ниня и Уйбат. Каменная фигура «хыргыс иней» располагалась на специальном пьедестале в нише горы «Иней таг». Ниша была в виде круглой юрты, обращённой взором на юг. Идол «хыргыс иней» сидел, поджав ноги по-турецки, и держал в руках сосуд с округлым туловом. Лицо статуи, как утверждали информаторы, носило явно выраженные монголоидные черты. Однако в XIX веке один священник отбил у каменной старухи голову, и она пропала. [Попов, 1872: 57.] «Хыргыс иней» являлась изображением праматери кыргызов, от которой зависела судьба потомков. При всеобщем благоденствии статуя пребывала в спокойном состоянии. Но если роду кыргызы грозило несчастье, то она поворачивалась в сторону ожидаемого ненастья.

Согласно хонгорской мифологии, в древние времена среди горного массива «Сахсары» обитало кыргызское племя. Однажды нахлынуло монгольское войско, захватило в плен кыргызов и увело их за Алтай. После угона скотоводов Хонгорая в Монголию, в долине Абакана осталось семь дев кыргызского племени, которые укрылись в горах «Улгенниг сын», т.е. Кузнецком Алатау. Они прятались по р. Итчул в верховьях реки Белого Июса. До сих пор гора, под которой семь дев спаслись, называется «Чити хыс» – Семь дев. В честь их на правом берегу р. Итчул под утесом были поставлены семь каменных обелисков. Ежегодно хакасы их чтили, повязывая на них ритуальные ленты «чалама». При молениях камни «чити хыс» наряжались в платки словно девушки и подвязывались поясами. Перед ними клали табак и

пищу. Однако в 1929 году рабочие прииска «Коммунар», в борьбе против идолопоклонства, разбили их кувалдой.

Согласно мифам, семь богатырских дев разошлись от верховьев Белого Июса по разным местам Хонгорая и превратились в каменные изваяния. Самая младшая из них вернулась в родные места, увидела родное пепелище и с горя стала каменной статуей «хыргыс иней». [Бутанаев, 2003: 195].

Жертвоприношение кыргызской праматери – «хыргыс иней тайыг» совершали на новолуние в июле месяце. Ответственными за его проведение назначались главы аальных общин, представлявших сеок кыргыз. Выбранный глава «тос пазы» отвечал за праздник жертвоприношения «тайыг» в течение трёх лет, а затем опять выбирался по очереди следующий. Накануне моления «хыргыс иней тайыг» – букв. жертвоприношение кыргызской праматери, глава «тос пазы» и его заместитель готовили ритуальную араку и яства у себя в юртах.

Утром все представители рода кыргыз отправлялись на моление. Истукану на заклание приносили девять белых барашков с чёрной головой. Животных забивали ритуальным способом «озеп», вспарывая грудную полость и разрывая аорту около сердца. Ответственные разжигали два костра и варили мясо каждый в своём казане. Для участников моления готовая пища раскладывалась на «зеленом столе» (салаачы), сплетённом из ветвей берёзы. На каменном столике перед кыргызской праматерью – «хыргыс иней» раскладывали ритуальные приношения: семь бочонков никем не пробованной араки, семь кусков жертвенного мяса, семь хакасских сыров и семь рыб – хариусов. Голову истукана повязывали красным платком, а губы смазывали жирной пищей.

Почтенный чтец благословений «алгысчыл», руководивший молением, обряжался в белый костюм, одевал специальную девичью шапочку «сахпа» с прикреплёнными на макушке зелёными лентами. Возможно, это означало, что он готовится вступить в брак с духами – хозяевами изваяний, для чего и требовался подвенечный наряд. Остальные мужчины головные

уборы снимали. Женщины молились поодаль, накрыв плечи и голову платками. Незамужние девушки из рода кыргыз могли находиться рядом со своим родовым кумиром. Молитвы кыргызской праматери начинались с просьбой дарования счастья роду кыргыз и заканчивались настоятельными требованиями обеспечить приплод скота. Благодарили духов – хозяев почитаемой горы «Иней таг». Каждый, кто приносил на заклание овец, получал от окаменевшей прародительницы искомое счастье и ему гарантировались приумножение богатства, семейное благополучие и рост поголовья скота.

В 1900 году изваяние «хыргыс иней» было увезено в Минусинский музей. Когда его стали выкапывать, то ни один русский рабочий не мог сдвинуть почитаемый камень с места. Тогда, как говорят старики, они вынуждены были обратиться к представителям сеока «кыргыз». За приличное вознаграждение последние согласились его передать. Совершили кропление молочными продуктами и забили в его честь жертву. Только после этого статую сумели поднять и увезти. За предательство по отношению к своему кумиру «кыргызы» потеряли его покровительство. Их стал преследовать рок невезения и в начале XX века представители сеока «хыргыс» обеднели. Для своей реабилитации они упрямо продолжали совершать моления перед пустой нишей вплоть до коллективизации 1929-1930 гг. [Бутанаев, 2003: 196 – 197].

В долине р. Камышта по реке Тостыг-чул на небольшом холме покоилось каменное изображение богатырской головы под названием «моол тас» – монгольский камень. Ему делали жертвоприношение кыргызы из фамилии Чертыковых. Согласно мифам, изваяние «моол тас» представляло окаменевшую голову монгольского богатыря, срубленную кыргызским князем. Ежегодное моление проводилось в честь бывших боевых заслуг предков.

Личина «моол тас» была высечена из белого камня. Она имела, якобы, способность поворачиваться лицом в сторону грядущих бедствий, угрожавших благополучию кыргызов. Как мы можем предположить, каменные идолы заботились о жителях Хонгорая. [Бутанаев, 2003: 197].

На горе Козеелиг-таг по р. Бай находилось изваяние «иней козее», считавшееся изображением праматери сеока «эчик» (фамилия Саражаковы). Во времена Всемирного потопа она спаслась на родовой горе Сахчах, а в дальнейшем окаменела, спустившись в долину р. Бай. Ежегодно Саражаковы совершали ей жертвоприношения.

В долине реки База стояло средневековое изваяние, известное у хакасов под названием «хам атхан козее» – истукан, шаманом застреленный. У фигуры была отбита голова, но на тыльной стороне видна опускающаяся на спину часть головного убора или толстый конец косы. В обеих руках изваяния, согнутых в локте, находился небольшой узкогорлый сосуд с отогнутым венчиком. Ниже локтей туловище сужается к талии, затем расширяется к бедрам, что производит впечатление сидящей фигуры. По хонгорским представлениям изваяние «хам атхан козее» изображало местную шаманку, застреленную тувинским камом. Проезжающие мимо путники кормили его снедью и окропляли вином. Надо отметить, что шаманы в своих целях использовали каменные стелы. Например, под горой Абатай стоит каменный столб «атчанг козее» – стреляющий истукан, спрятавшись за который, шаманы якобы караулили и поражали своих соперников. [Бутанаев, 2003: 198; Грязнов, 1950: 151].

В Июсских степях Хонгорая великим почтением пользовалась средневековая статуя «хозан хыс» – букв. Заяц-девушка. Мифы рассказывали, что это окаменевшая принцесса Бурутского хана, душа которой превратилась в зайца.

На юге, за Тувой, находилась Бурутская земля (Северо-Западная Монголия). Согласно мифам, в древние времена хонгорский бег Ир Тохчын отправился к Бурутскому хану сватать его дочь за своего сына. Добившись согласия, они верхом на конях стали возвращаться в Хонгорай. Бурутский хан в приданое дочери подарил солового коня.

Перевалив Саянские горы, они спустились в долину Абакана, а затем достигли Июсской земли. Когда достигли Июсских степей Хонгорая, бурутскую деву во сне стали преследовать духи

земли её отца в образе зайца. Невеста заболела и попросила Ир Тохчина совершить обряд жертвоприношения, чтобы вернуть духов на родину. Рассерженный Ир Тохчин отказал, и тогда бурутская дева, потеряв сознание, превратилась в каменное изваяние «хозан хыс», а её душа – в зайца.

Она, проклиная народ Ир Тохчына, сумела промолвить: «Мой окаменевший образ оживёт в последний день мира. Я сама придду, когда чёрные концы ушей белого зайца станут белоснежными! С этого времени пусть ваш род называется бурутами. Боясь белых зайцев, вы поставите идолом изображение зайца «хозан тёсь», а солового коня, пришедшего из земли моего отца, будете держать в качестве конного ызыха!».

С тех пор потомки Ир Тохчина получили имя рода «бурут» и поклоняются бурутскому изваянию «хозан хыс». Их освящаемым конем «ызыхом» стал соловый конь, подаренный бурутским ханом. Через каждые три года буруты заячьему идолу «хозан тёсь», поставив солового ызыха, делали жертвоприношение, благословляя: «ты пришла из именитых бурутов, ты превратилась в белого зайца».

Обелиск «хозан хыс» стоял в местности «Кол ойым», недалеко от горы Хызыл-хая на правом берегу р. Черный Июс. Идолу проводили ежегодные жертвоприношения. Во время моления на голову «хозан хыс» повязывали красный платок, а талию опоясывали красным шёлковым кушаком. Все собравшиеся кланялись, а руководитель «алгысчыл» окроплял истукана молоком, айраном и аракой. Перед ним раскладывали продукты, хлеб и горячее мясо. В XIX веке стали класть деньги. Руководитель моления «алгысчыл» просил покровительства у «хозан хыс», дабы дети хонгорского народа были здоровыми, а скот умножался. Она оберегала не только сеок «бурут», но и всех жителей долины Чёрного Июса. Мимо идола нельзя было проходить «в пустую». Находясь рядом с идолом, его кормили, обмазывая рот жирной пищей – маслом, сметаной, окропляли вином и табаком.

К сожалению, судьба каменного изваяния «хозан хыс» оказалась печальной. Однажды некий крещёный хакас по фамилии

Итеменев, из аала Кожаков, решил надругаться над святыней. Он отбил у истукана голову и привёз её к себе домой. Ночью он услышал в юрте плач женщины и, испугавшись, отвёз голову «хозан хыс» обратно. Долгое время статуя стояла без головы, а потому прежней силы у неё не стало. Отбитая голова изваяния была приставлена к туловищу. В XIX в. исследователи так описывали этот идол. «Истукан из красного песчаника на правом берегу Чёрного Июса, в двух верстах от реки, против юрт Емадыковых. Эта статуя – бюст, имеет длинное плоское лицо с усами и плоским носом, на голове нечто вроде шапки; лоб с боков сильно сжат. Голова не соединена с туловищем, но приставлена и может быть по произволу отнята. На теле пояс, по замечанию Гмелина, братской (бурятской) работы, а на поясе как бы сабля и два или кошелька (кисета), или бляхи. Заметны ещё руки: левая придерживает оружие, а правая – сосуд». [Попов, 1872: 58].

Окончательно она была разрушена шаманистами. Известный кызыльский шаман Аралай-кам решил привезти к идолу «хозан хыс» своего больного сына. Несмотря на моления и жертвы, сын умер. Тогда разгневанный Аралай-кам окончательно разбил истукана [Бутанаев, 2003: 198-199]. Ныне неизвестно, где находятся руины памятника «хозан хыс».

В долине реки Туим, когда-то стояла каменная статуя, под названием «баян-хыс». Она являлась окаменевшей легендарной девой, давшей названия горам и озерам Июсских степей. Баян-Хыс считалась прародительницей рода «соххы».

Согласно мифам, богатырская дева Баян-хыс была единственной дочерью Барс-бега, ставка которого находилась в долине Туима. Барс-бег являлся главой народа, живущего в Июсской степи, и хозяином пасущегося там скота. Его несметные табуны состояли из сказочных скакунов – «аранчула», пёстро-барсовой масти. Лошади Барс-бега паслись на степных просторах вокруг озера Белё. Во главе стада находился пёстро-барсовый жеребец, служивший ызыхом, т.е. оберегом животных. Однажды пёстро-барсовый ызых пропал. Барс-бег отправился на поиски и, перейдя Белый Июс, обнаружил его на одной из высоких

вершин. С тех пор эта гора получила название Ызых-таг. Когда Барс-бег с найденным пёстро-барсовым ызыхом отправился домой, то по дороге послышался стук топора. Он разглядел в тайге двух человек, которые рубили деревья. На вопрос, что они делают, получил ответ, что они готовят ему гроб. Они были духами-хозяевами священной горы Ызых-таг. От их слов Барс-бегу стало худо и, спустя некоторое время, он скончался. Вместо него стала править народом богатырская дева Баян-Хыс.

На северных отрогах Кузнецкого Алатау по реке Кия проживали калмаки. Среди них славился удалой конокрад Хулатай. Однажды калмаки во главе с Хулатаем проникли в Июсские степи и украли табун барсово-пятнистых лошадей. Дева Баян-Хыс вместе со своими пастухами бросилась в погоню. Стояла жара, и, чтобы облегчить дыхание, Баян-Хыс расстегнула ворот своей кольчуги. Этим воспользовался Хулатай, поджидавший в засаде преследователей. Он пробил стрелой грудь богатырской девы. Падающую Баян-Хыс подхватили под руки телохранители и повезли назад. Изнемогая от потери крови, с трудом удерживаясь в седле, Баян-Хыс спустилась в долину Чёрного Июса. Она решила увековечить своё имя в истории Хонгорая. Многие географические названия – озеро Хара-коль (Чёрное озеро), озеро Терпек-коль, ручей Таргыджул и другие в долине Июса свои названия получили из уст Баян-Хыс.

Когда богатырская дева достигла берегов реки Туим, силы её покинули. Под горой Оксис тигей на среднем Туиме она скончалась и превратилась в каменное изваяние, которое стали называть «баян-хыс». Представители рода «соххы» считали её своей праматерью. В ранние времена они совершали жертвоприношение богатырской деве Баян-Хыс, ездившей на барсово-пёстром коне. Почитая её, проходящие люди окропляли изваяние вином и кормили своей снедью. [Бутанаев, 2010: 204-205; Хакас ныхматары, 1964: 89].

Это туимское изваяние, как сообщалось в литературе «за три года до посещения его местонахождения Миллером было перевезено в Красноярск, причём голова дорогой отломи-

лась и утрачена. По словам Миллера, видевшего памятник в Красноярске, он «изображал мужскую фигуру, которая как «хозан-хыс» в правой руке держит перед грудью горшочек, а левой придерживает саблю». [Грязнов, 1950: 150.] В Красноярске оно было потеряно и случайно обнаружено только через двести лет в конце 1970-х гг., при ремонтных работах церкви по ул. Мира. Ныне изваяние «баян-хыс» находится в Красноярском краеведческом музее.

Скульптурные изображения домашних животных занимали важное место среди ритуальных памятников Хонгорая. В различных местах хакасских степей были установлены: каменные бараны – «хуча тас», каменные козлы – «хосхар тас», изваяния коней – «ат обаа», изображения собак – «адай обаа» и даже оленные камни – «сынн козее». Они не представляли изображений тотемных животных, а являлись скульптурными покровителями счастья хонгорских скотоводов. Все они почитались кроплением табака, вина или сыра.

В долине Енисея под горой Куня находилось изваяние каменного быка под названием «кёк пуга» – сивый бык. Это была грубо обработанная фигура из синего камня.

Согласно мифам, в этом истукане хранилась душа – жизненная сила скота (мал худы). Мифический сивый бык, был рождён от духа-хозяина озера Буланкуль, имевшего образ лосиного быка. Выросший «кёк пуга» стал главой-хозяином пасущегося скота Хонгорая. Как только сивый бык заревёт, то от рокота его голоса все коровы становились стельными. Древние оросительные каналы, прорытые в долине Среднего Енисея, считаются тропами мифического сивого быка «кёк-пуга». Они у хакасов обозначаются как «кёк пуга чолы» – т.е. дорога сивого быка.

Однажды в древние времена, он вместе народом Хонгорая, был угнан на Алтай. Весной, услышав пение степного соловья «ыро-сарыг», испытав жгучую ностальгию по родным местам, сивый бык бежал обратно в степи Енисея. Когда сивый бык «кёк-пуга», в котором была сосредоточена жизненная сила скота, спустился в долину Абакана, то здесь его поджидала опас-

ность в виде самца медведя – «алдыр-аба». Иногда в Хакасии встречались редкие экземпляры медведей, шкура которых была сцементирована смолой и песком. Такие медведи назывались «алдыр аба». Их не пробивали свинцовые пули охотников.

В результате битвы, медведь «алдыр-аба» разорвал брюхо сивому быку, но «кёк-пуга» сумел пронзить его своими острыми рогами. Из крови, которая полилась из брюха сивого быка «кёк-пуга», образовалась речка, получившая название «Кёк суг» (по-русски Кокса), т.е. синяя речка, впадающая в Енисей. Сивый бык, истекая кровью и ревя дошел до горы Куня. От его рева все коровы в округе стали стельными. Увидав такое чудо, восточные хакасы (т.е. качинцы) поймали «кёк-пуга» ремненным арканом, дабы жизненная сила скота находилась на их земле. Израненный сивый бык не мог больше сопротивляться, силы его иссякли, и он застыл, превратившись в камень. Каменное изваяние «кёк-пуга» долгие годы покоилось под горой Куня.

От окаменевшего «кёк-пуга» продолжала исходить жизненная сила скота и поэтому, в качинских степях не переводились табуны коней и отары овец. Хакасы, жившие около горы Куня, для получения счастья и умножения поголовья скота, через каждые три года совершали ему жертвоприношения. [Бутанаев. 319. С. 54; Чирим тамырлары. С.4]. Ныне синий камень «кёк пуга», хранится в Хакасском краеведческом музее.

По реке Уйбат около аала Усть-Бирь на средневековом кургане, около одинокой лиственницы, находилось каменное изваяние рогатого барана «хучатас» – букв. бараний камень, изготовленного во времена окуневской культуры. Ему ежегодно совершали жертвоприношения представители родов «июс-сагай» и «ир-гит». Ответственные выбирались из данных сеоков, а участие могли принимать все жители долины Уйбата.

На месте жертвоприношения рядом с изваянием «хучатас» устанавливали ритуальную берёзку «пай хазынг», куда привязывали священные ленточки «чалама» белого и синего цветов. Под берёзкой ставили жертвенник «тасхах». Во время жертвоприношения забивали белого барашка, отваривали мясо в каза-

не и горячие куски укладывали на жертвенный столик «тасхах». Хонгорцы были уверены, что «хучатас», получивший ритуальную пищу, будет покровительствовать им и способствовать увеличению поголовья овечьего стада. [Бутанаев, 2003: 199-200]. Из-за моления каменному барану «хучатас» у иргитов и июс-сагаев выросли многочисленные отары овец. Каменный баран «хучатас», а также каменные изваяния «адай-обаа», «ат-обаа» и другие считались скотом каменных баб «иней-тас».

Итак, каменные идолы Хонгорая, созданные в разные эпохи, принадлежащие к разным археологическим культурам, были восприняты хакасским населением, сделав их частью своих культов. В хакасских степях отмечается развитый культ изваяния «иней тас», посвящённый женским предкам – хранительницам человеческих душ, неизвестный в других регионах Сибири. Они представляются в виде народных или родовых кумиров, хранителями благополучия людей и скота, обладающие духовной силой и выступающие оберегами людей. Редкие из них, созданные в кыргызские времена, были родовыми кумирами хакасских сеоков (кыргызов, бурутов, эчиков, иргитов и др.). Идолы при кощунственном отношении к ним, наказывали людей болезнями. С другой стороны, при холодном бездействии, над ними совершали экзекуции. К сожалению, многие из них были разрушены ретивыми поборниками распространения христианства в XVIII-XIX вв., а некоторые, вывезенные из хакасских степей в города Сибири, затерялись. В мифологии народов Саяно-Алтая имеются общие культурные герои (Сартахпан – Сартакпай). Подобные факты свидетельствуют об их общих историко-культурных связях.

Литература:

1. Алтай кеп-куучындар (Алтайские мифы и легенды на алтайском языке). Горно-Алтайск. 1994. С. 416.
2. Бахрушин С.В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // Научные труды. М., 1959. Т. 4. С. 7 – 192.
3. Бутанаев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан, 1999. 238 с.

4. Бутанаев В.Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан, 2003. 260 с.
5. Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И. Мы родом их Хонгорая. Хакасские мифы, легенды и предания. Абакан, 2010. 240 с.
6. Грязнов М.П. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами. // Советская археология. Т. 12. М. – Л., 1950. С.128-156.
7. Клеменц Д.А. Минусинская Швейцария и боги пустыни // Газ. Восточное обозрение. 1884. №№ 5, 7, 9, 10, 12.
8. Костров Н.А. Список каменных изваяний, находящихся в Минусинском округе Енисейской губернии // Записки СОИРГО. Кн. VII. Иркутск, 1861. С. 77-83.
9. Липский А.Н. Енисейские изваяния. (Путеводитель). Абакан, 1970. 18 с.
10. Попов Н. О каменных бабах минусинского края. // Известия СОИРГО. т. II. №2. Иркутск, 1872. С. 57 – 70.
11. Хакас ныхмахтары. Абакан, 1964. 114 с.
12. Чирим тамырлары (Хакасские мифы и легенды на хакасском языке). Абакан, 1982. 100 с.
13. Яданова К.В. Предания, легенды, былички теленгитов долины Эре-Чуй. Горно-Алтайск, 2013. 256 с.

Butanaev Viktor Yakovlevich

D.Sc. in Historical Sciences, Full Professor; Professor of the Russian history Department of History of institute of Katanov Khakass State University

Stone idols of the country of Khongorai abstract

Abstract. The article constitutes describing of stone idols from the valley of Middle Yenisei which related to ancient archeological cultures. There are hundreds of stone statues called Inei-tas in Khakassian steppes. They were dedicated to the female ancestors keepers of the human souls. Stone idols represent kindred images, keepers of the people and cattle, endowed with spiritual power, and guarding averters of the people of Khongorai.

Key words: Khakassia, Khongorai, Sayan-Altai, Idols, Stone Statues, Khyrghyz, Khakas, Historical & Cultural Heroes

УДК 903.27

О СТРАТИГРАФИИ АНТРОПОМОРФНЫХ ОБРАЗОВ В ОКУНЕВСКОМ ИСКУССТВЕ

(на примере Шалаболинских петроглифов)

А.Л. Заика,
к.и.н., доцент

*Красноярский государственный педагогический
университет им. В.П. Астафьева*

Аннотация. На западном участке Шалаболинской писаницы открыт новый изобразительный пласт рисунков окуневской культуры. Изображены животные, различные типы личин. Анализ палимпсестов позволяет внести определённые коррективы в традиционную схему развития окуневского искусства на примере антропоморфных образов. Архаичная тас-хазинско-каракольская традиция – локальная, характерная для юга Минусинской котловины, в Шалаболинских петроглифах прослеживается на поздних этапах развития окуневского искусства.

Ключевые слова: Шалаболинская писаница, петроглифы, окуневская культура, каракольская культура, антропоморфные личины, стратиграфия, хронология.

Монументальное искусство окуневской культуры, известное со времён первых академических экспедиций XVIII в., до сих пор вызывает пристальный научный интерес, сюжеты – жаркие дискуссии. Одним из проблемных вопросов является тема типологии и относительной хронологии антропоморфных образов, выявленных как на изваяниях, так и в наскальном искусстве.

Традиционно принята типологическая и хронологическая шкала антропоморфных окуневских личин, разработанная Н.В. Леонтьевым в 1978 году. К наиболее ранним он относит простые личины (Тас-хазинская группа), с наиболее развитыми формами окуневского искусства Николай Владимирович соотносит сложные антропоморфные образы «Черновской группы» изображений, поздние проявления наскального творчества

окуневцев нашли своё отражение, по его мнению, в виде личин «джойского» типа [Леонтьев, 1978].

Несмотря на более поздние редакции, дополнения, уточнения, данная типологическая периодизация не потеряла своей актуальности и по основным критериям не оспаривалась в современной науке. Вместе с тем, в связи с появлением новых фактов, она требует очередной ревизии. Обратимся к одной из последних статей по этому поводу известного исследователя окуневских петроглифов Д.Г. Савинова [Савинов, 2015: 33-34].

Вслед за Н.В. Леонтьевым, Дмитрий Глебович ранний изобразительный пласт окуневского искусства соотносит с гравировками на плитах могильника Тас-Хазаа, а также с простыми личинами на каменных изваяниях. «К этому же изобразительному пласту, но, возможно, несколько более позднего времени, относятся изваяния и стелы с так называемыми «солнцеголовыми» личинами». Средний пласт, по его мнению – «гравировки на плитах типа могильника Черновая VIII, Лебяжье и др. и каменные изваяния со сложными зооантропоморфными образами, или «классические», к поздней группе петроглифов он относит «так называемые «иконостасы» (джойского стиля)» [Савинов, 2015: 33-34].

Результаты последних исследований, например, Шалаболинской писаницы, позволяют усомниться в правомерности выводов данных учёных.

Предметом данного исследования являются изображения, выполненные охрой на западной оконечности скального массива (участок 1 Шалаболинской писаницы). Участок 1 протяжённостью порядка 120 м находится в начале скального массива, с востока ограничен мощной осыпью скальных пород техногенного происхождения. К настоящему времени выявлено 38 скальных фризов и отдельных плоскостей с рисунками, выполненных охрой, путём выбивки и гравировки на высоте 2,5-13,3 м от уреза воды [Заика, 2010а: 3; 2010б, табл. 5-23]. Многие изображения сохранились фрагментарно. Надо отметить, что плоскости нижнего яруса (участок 1а) были обнаружены в резуль-

тате разборки каменных осыпей [Дроздов и др., 2003]. Скальные фризы нижнего яруса разделяются по высотным параметрам на три уровня. Представлены человеческие фигуры, изображения рыб, лодок, антропоморфных личин, быков, лосей, хищников фантастического облика, знаковых символов.

Интерес представляет многофигурная композиция, выявленная на широком скальном фризе, который расчленён горизонтальными трещинами на три равнозначных блока (плоскости-7-9 на третьем уровне нижнего яруса участка 1а) [Заика, 2010б, табл. 11, 14].

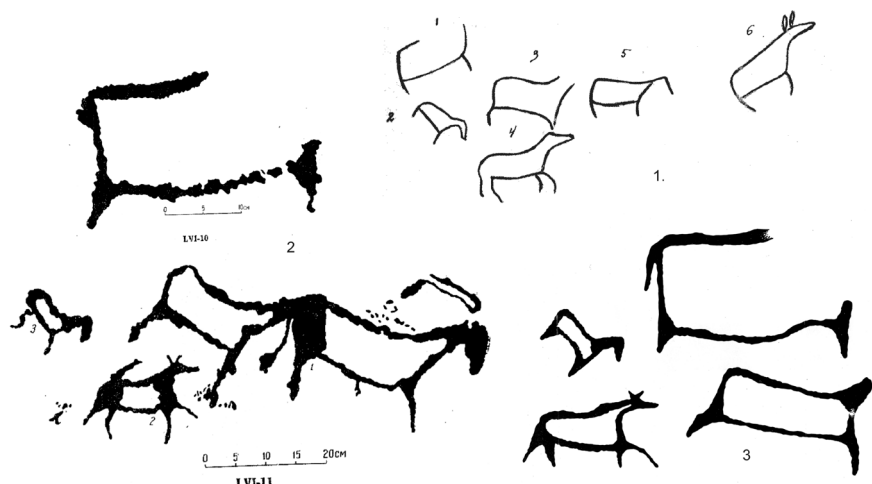

Рис. 1. Шалаболинская писаница. Копии рисунков. 1 – по: [Савенков, 1910], 2 – по А.В. Адрианову [Вяткина, 1949], 3 – по: [Николаев, 1957].

Впервые рисунки на данном фризе были выявлены и визуально скопированы в 1886 г. И.Т. Савенковым и затем им опубликованы в 1910 г. [Савенков, 1886: 45; 1910: 99]. Надо отметить, что данные прорисовки «на глазок» не отличаются высокой точностью, но дают первое представление о композиционном построении фигур (рис. 1, 1). В 1910 г. А.В. Адриановым они были зафиксированы более профессионально контактным способом – методом эстампажа [Адрианов, 1910]. Выкопировки эстампов Александра Васильевича, их описания впоследствии были опубликованы К.В. Вяткиной [Вяткина, 1949: 438-441] (рис. 1, 2).

Последующее их обнаружение связано с поисковыми работами местного краеведа В.К. Добрынина, который и сообщил о находке в Красноярский краеведческий музей [Сазонова, 2010]. В 1957 г. сотрудник ККМ Р.В. Николаев (в это время он работал на территории застройки будущего Красноярского алюминиевого завода) незамедлительно выезжает в Курагинский район. Вместе с В.К. Добрыниным они обследуют петроглифы Шалаболинской писаницы [Сазонова, 2008]. Во время работ Николаевым были сделаны копии и описание петроглифов на искомом фризе [Николаев, 1957] (рис. 1, 3).

Повторно данные рисунки были обнаружены в 2002 г. участниками археологического отряда КГПУ во время расчистки нижнего яруса скальных обнажений от растительности, скальных обвалов. В результате работ на расчищенной площади около 40 кв. м, на глубине 3-х м было обнаружено 20 плоскостей, расположенных на трёх уровнях нижнего яруса скальных обнажений. Плоскости обращены на Ю, ЮВ, ЮЮЗ, (имеют размеры от 30 см до 2,5 м – длина и от 15 см до 40 см – ширина) [Заика, Дроздов, 2005: 111]. Учитывая присутствие на поверхности расчищенных плоскостей советской символики (пятиконечные звезды), свежих следов кострищ и деталей современной конской упряжи в подножии, можно говорить о сравнительно недавнем появлении осыпи и связать её с проводимыми на вершине взрывными работами (по свидетельству местных жителей – конец 60-х – нач. 70-х гг. двадцатого столетия). Многочисленные автографы 1970-х гг., оставленные посетителями из Абаканского госпединститута на уровне верхней кромки осыпей подтверждают время её появления. Этим объясняется отсутствие информация об искомых наскальных изображениях в работах кемеровских исследователей, которые изучали Шалаболинские петроглифы на протяжении многих лет во второй половине 1970-х гг. [Пяткин, Капелько, 1978; Пяткин, Мартынов, 1985].

Рисунки на плоскостях 7-9 выполнены охрой различных расцветок, путём гравировки, выбивки, протирки. Представлены

Рис. 2. Шалаболинская писаница.
Участок 1а. Плоскость 8 (фрагмент).
Копии рисунков 2002 года.

фигуры животных, людей, изображения личин. Часты случаи палимпсеста.

Во время исследований 2002 года на обнаруженных плоскостях были выявлены факты преднамеренного уничтожения петроглифов в древности. По мнению исследователей, путём шлифовки нивелировался рельеф рисунков, выполненных в технике выбивки. На чистом «полотне» создавались новые композиции, которые затем нередко «стирались» тем же способом или перекрывались другими изображениями.

Примечательно, что уничтоженные и вновь нарисованные на их месте рисунки могли соответствовать одной культурной традиции, в данном случае – окуневской. Наиболее ранними, как правило, являются выбитые изображения животных (быки, лоси, лошади). Позднее были выполнены рисованные изображения личин охрой различных расцветок. Приблизительно в это же время появились фигуры фантастических хищников в перьевых головных уборах (техника исполнения комбинированная – гравировка и протирка) (рис. 2). Наиболее поздние: гравированные изображения «солнцеголовых» антропоморфных фигур и личин с многолучевым «нимбом». Они перекрывают все вышеуказанные рисунки. Большинство из них сконцентрированы в правой части плоскости [Заика, Дроздов, 2005: 112] (рис. 3, 1).

Рассмотрим каждый изобразительный пласт в стратиграфической последовательности. Как указывалось выше, наиболее ранние петроглифы ещё в древности пострадали от механического воздействия абразивов. Судя по сохранившимся изображениям и их фрагментам, основную часть композиции составляли

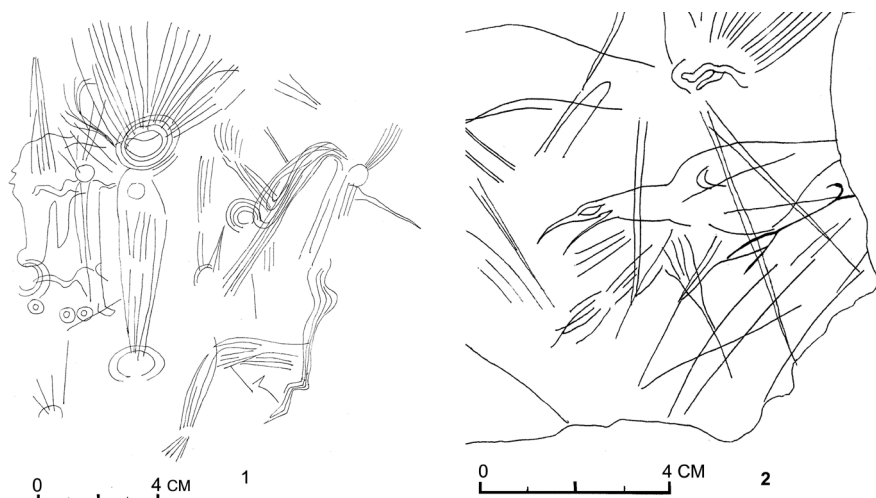

Рис.3. Шалаболинская писаница. Участок 1а. 1 – плоскость 8 (фрагмент). 2 – плоскость 1 (нижний уровень). Копии рисунков 2002 года.

копытные животные. Выполнены они были в технике выбивки, возможно, некоторые фигуры – путём протира (если это не поздняя техническая редакция). Основную группу составляют изображения лошадей, угадывается одна фигура быка и небольшой рисунок лося. Практически, все фигуры ориентированы в правую сторону, показаны в статичной позе, пары конечностей у них показаны одинарными линиями (исключение составляет более динамичная фигура лося). Предварительно можно полагать, что они выполнены в «минусинском» стиле, который зародился на местной неолитической основе. Но, в отличие от классических образцов данной изобразительной традиции, у многих шалаболинских животных голова опущена вниз и отличается большими размерами. Динамичная фигура лося более соответствует «ангарским» изобразительным традициям, которые проникли на территорию Минусинской котловины несколько позже. Изображение лося, судя по своим миниатюрным размерам, возможно, также несколько позже была вписана в первичную композицию. В отличие от соседних фигур, у неё голова предельно минимизирована и показана в утончённых

формах, что не характерно для «ангарского», но вписывается в «минусинские» изобразительные традиции. Таким образом, мы наблюдаем комбинированное сочетание на примере зооморфных образов сочетание различных стилей на одном стратиграфическом срезе художественной композиции. Соответственно, следует полагать, что время исполнения рисунков приходится на переходный период, связанный с межкультурным взаимодействием местного населения с таёжным социумом Восточной Сибири. По нашему мнению, данный процесс соответствует ранним этапам существования окуневской культуры.

Следующий изобразительный пласт представлен антропоморфными изображениями личин. Как показывают результаты исследований 2018 года, на плоскостях 8, 9 представлены шесть красочных изображений личин, выполненных охрой различных расцветок [Заика, Солодейников, 2019: 61-64] (рис. 5). Все выявленные красочные изображения личин характеризует отсутствие внешнего контура (если не брать во внимание фрагменты дугообразной «окантовки» одной из них). Обилие дугообразной «татуировки» у центральных личин в средней части блока (плоскость 8) позволяет соотнести их с выделенной Д.Г. Савиновым так называемой Кок-Хаинской группой окуневских антропоморфных изображений [Савинов, 2006, рис. 13]. Вместе с тем, дугообразные вертикальные межглазные линии с развилками на концах встречаются и среди рисованных личин джойского типа [Леонтьев и др., 2006, рис. 6, 6]. Сам Д.Г. Савинов отмечает, что Кок-Хаинская группа личин «каким-то образом может быть связана с изображениями джойской группы» [Савинов, 2006: 167], и поэтому, возможно, является одной из наиболее поздних в ряду окуневских антропоморфных образов [Савинов, 2006: 168].

Надо отметить, что левая личина в искомой группе на Шалаболинской писанице находит близкие стилистические и иконографические аналогии с выбитым и прошлифованным антропоморфным образом со следами краски, венчающим оконтуренную личину на окуневской стеле из Усть-Абакана [Леонтьев и др.,

2006: 100, 214, рис. 266] (упомянутую оконтуренную личину Д.Г. Савинов относит к распространенной в окуневском искусстве Черновской группе изображений (второй вариант) [Савинов, 2006, рис. 13, 1]), некоторыми личинами первого варианта черновской группы [Савинов, 2006, рис. 8, 8]. Характерной особенностью данной шалаболинской личины также является обилие концентрических кругов на месте глаз и горизонтальных линий под ними. Подобное оформление глаз не характерно для красочных окуневских личин и в единичных случаях встречается у рельефных образов на стелах и изваяниях тазминской и черновской группы окуневских изображений [Савинов, 2006, рис. 9, Леонтьев и др., 2006, рис. 140], и в большей степени характерно для рисованных личин «каменского» типа на Нижней Ангаре [Заика, 2013: 123-125, табл. 114]. Ряд горизонтальных линий с развилками на концах (?) характеризует личины джойско-го типа [Леонтьев и др., 2006, рис. 6, 2, 5, 7, 8].

Следуют также обратить внимание на личину в нижней части блока (плоскость 9), которая, частично (правым роговидным отростком) перекрывает вышеописанный антропоморфный образ. По своим стилистическим особенностям она вписывается в первый вариант черновской группы окуневских антропоморфных изображений [Савинов, 2006: 166], но её отличает отсутствие «третьего» глаза, центрального «луча» и условное обозначение глаз. Наиболее близкие аналогии этой шалаболинской личине из данной группы можно найти у антропоморфных образов на стелах из Аскиза и улуса Сартыгой [Леонтьев и др., 2006, рис. 70, 263]. Если принять короткие «отростки» над поперечной чертой за верхние ответвления развилок на её концах, то можно констатировать присутствие джойских изобразительных традиций у данного антропоморфного образа.

Что касается крестовидных личин, то они, как правило, в известных композициях находятся на периферийных участках, часто перекрывают более ранние антропоморфные образы [Леонтьев и др., 2006, рис. 202, 203, 266 и др.], т.е. в планиграфическом и стратиграфическом плане иллюстрируют наиболее позд-

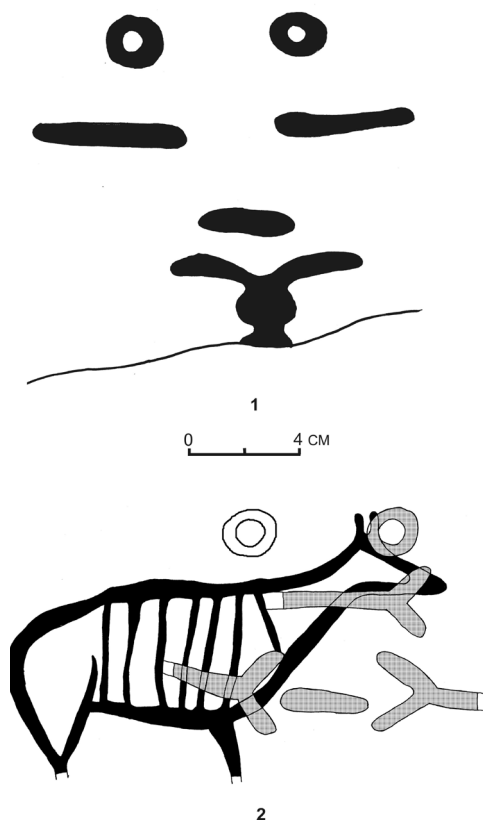

Рис. 4. Шалаболинская писаница. Участок 1а. 1 – плоскость 7. 2 – плоскость 6 (верхний уровень). Копии рисунков 2003 года.

обеим сторонам личины. Т.е. перед нами показан наиболее «усложнённый» вариант данных схематичных образов.

Таким образом, выявленный ряд красочных антропоморфных образов характеризует стилистические и иконографические черты различных групп окуневских личин, гармонично сочетает их на одном изобразительном полотне. Это может быть как следствием культурного межтерриториального взаимодействия, так и эволюционного развития. Подводя итог своим исследованиям стилей в окуневском искусстве, Д.Г. Савинов отмечает: «На каждом этапе сосуществуют различные стили..., включающие

ние, финальные явления в окуневском искусстве. Вместе с тем, присутствие их в оформлении наголовий у «классических» антропоморфных образов, туловищ фантастических хищников и других животных [Леонтьев и др., 2006, рис. 110, 141, 200, 205, 219 и др.] позволяют полагать о более ранних истоках данной изобразительной традиции. В нашем случае следует обратить внимание на крестовидную личину в правой части центральной плоскости 8. Отличительной особенностью её является наличие развилок на нижних концах взаимопересекающихся линий «татуировки», акцентировано выраженные пятна глаз и тройные росчерки охры по

Рис. 5. Шалаболинская писаница. Участок 1а. Плоскости – 7,8,9. Контуры личин после компьютерной обработки фотоматериалов (по: [Заика, Солодейников, 2019]).

как традиционные, воспринятые от предшествующей традиции, так и инновационные элементы, которые, адаптируясь в местной среде, становятся традиционными» [Савинов, 2006: 170]. В нашем случае следует отметить, не смотря на иконографическое многообразие личин, их относительную разновременность, превалирование стилистических черт, характерных для джойской изобразительной традиции в окуневском искусстве. В пользу данной версии говорит факт присутствия на соседних плоскостях 6, 7 личин «джойского» типа (рис. 4). В заключение хочется сказать, что рассматриваемый изобразительный пласт красочных образов неоднороден (крестовидные личины, видимо, появились относительно поздно на этом панно) и маркирует ранние этапы зарождения «джойского» стиля в окуневском искусстве, когда традиционные формы развитого окуневского художественного творчества испытывают влияние изобразительных инноваций. Исток последних может быть определён как хроно-

логически, так и территориально. По нашему мнению, данный процесс был комбинированным и хронологически вписывается во второй период существования окуневской культуры.

Необходимо отметить, что примерно в это же время, но, скорее всего, несколько позже в центральной части рассматриваемого изобразительного блока (плоскость 8) появляются фигуры фантастических хищников в перьевых головных уборах (техника исполнения комбинированная – гравировка и протирка). Головные части фигур соответствуют классическим образам мифических зверей в окуневском изобразительном искусстве. Композиционно они ориентированы влево, навстречу фигурам животных. У них агрессивно раскрыты пасти с зубами и змеиным языком. Верхние челюсти декорированы поперечными волнистыми линиями (рис. 2). Отличительной особенностью данных образов является наличие перьевых головных наведений, что не находит аналогов в окуневском искусстве, но встречается в росписях погребальных ящиков каракольской культуры эпохи ранней бронзы Горного Алтая, которые датируются III – нач. II тыс. до н.э. [Кубарев, 2009: 80]. В натурализованном виде перьевое оформление голов антропоморфных персонажей – отличительная особенность петроглифического творчества каракольцев, в одном известном случае она отмечена и у зооморфного образа, зафиксированного на плите 1 стенки могилы 5 в погребальном комплексе Каракол [Кубарев, 2009, рис. 88-89]. Данный персонаж показан красной охрой в антропоморфном виде. Только головная часть (маска?) в головном уборе из птичьих перьев несёт черты хищника. По всей видимости, представлен ряженный персонаж [Кубарев, 2009, рис. 128, 4]. Подобный ряженный участник ритуала исполнен гравировкой на погребальной плите могильник Тас-Хазаа в Хакасии [Кубарев, 2009, рис. 120, 7]. У него зооморфная голова увенчана развилкой двух прямых линий, которые можно трактовать как рога, так и перья. В пользу второй трактовки можно привести многочисленные примеры в петроглифах Алтая и Минусинской котлови-

ны, где в виде прямых линий обозначался многолучевой головной убор, моделирующий надо полагать птичьи перья.

Наиболее поздний изобразительный пласт большей частью представлен гравированными антропоморфными образами в виде круглых личин с радиально отходящими прямыми линиями – лучами. Контур личин часто дублирован концентрическими кругами, иногда присутствуют поперечные линии «татуировки». В единичных случаях просматриваются туловища антропоморфов в виде «идольчиков», т.е. лишённых всех или нижних конечностей (рис. 3, 1). Среди многочисленных росчерков выявлены головные части териоморфного и орнитоморфного вида хищников (медведь, орёл?). Реалистичный образ дневного пернатого хищника выгравирован также на одной из соседних плоскостей на данном участке (рис. 3, 2). Подобные образы пернатых дневных хищников хорошо представлены на плитах могилы 1 окуневского кургана Тас-Хазаа [Липский, Вадецкая, 2005, табл. XVI, XVII]. В том же кургане (плита 1 могилы 6) зафиксировано гравированное изображение звероподобного существа, которое иконографически близко вышеупомянутому шалаболинскому образу хищника. У него также показана только головная часть с короткими ушами и раскрытым ртом, акцентировано выражен выступ – «пяточек» на верхней челюсти. Сами челюсти расположены параллельно друг другу.

Учитывая, что шалаболинские «солнцеголовые» гравированные личины, характерные для тас-хазинской группы петроглифов перекрывают рисованные изображения личин, которые по элементам оформления (татуировка) могут относиться как к черновской, так и к джойской группе петроглифов, устоявшиеся представления о стадильности развития окуневского искусства требуют внесения определённых коррективов.

По всей видимости, тас-хазинская манера исполнения солнцеголовых антропоморфных образов была привнесена на юг Минусинской котловины извне – со стороны Алтая, под влиянием каракольских культурных традиций и имела локальное, как справедливо заметил Д.Г. Савинов, рассматривая регио-

нальный аспект окуневского искусства, ограниченное распространение на юго-западе Минусинской котловины (Аскизский группа распространения окуневского искусства). Исследователь предлагает объединить их в один культурный ареал (юг Минусинской котловины и Горный Алтай) и выделить тас-хазинско-каракольский стиль [Савинов, 2015: 40-41, 44]. Самая северо-восточная точка его распространения – Шалаболинская писаница, куда, судя по анализу палимпсестов на западном участке памятника, данная изобразительная традиция проникла сравнительно поздно, на завершающих этапах развития окуневской культуры.

Дальнейшее исследование петроглифов Шалаболинской писаницы позволит внести большую ясность в вопросах хронологии и локальных особенностей окуневского искусства на примере антропоморфных образов, выявить различные аспекты межкультурных контактов в эпоху энеолита-ранней бронзы.

Литература:

1. Адрианов А.В. Отчёт по исследованию писаниц Минусинского края // Изв. РКСИВА, 1910. № 10. С. 41-50.
2. Вяткина К.В. Шалаболинские (Тесинские) наскальные изображения // Сб. МАЭ. Т.12. М.-Л., 1949. С.417-484.
3. Дроздов Н.И., Заика А.Л., Марченко Л.А., Макулов В.И., Березовский А.П., Журавков С.П., Емельянов И.Н., Бабина М.С., Чуракова Е.В. Результаты исследования Шалаболинской писаницы (по результатам работ 2002–2003 гг.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 2003. Т. IX. Ч. I. С. 342–346.
4. Заика А.Л. Личины Нижней Ангары. Красноярск: изд-во КГПУ им. В.П. Астафьева, 2013. 178 с.
5. Заика А.Л. Приложение № 1 к Учётной карте (п. VI) объекта культурного наследия федерального значения, представляющего собой историко-культурную ценность «Шалаболинская писаница». 2010 г. // Архив Музея археологии и этнографии Средней Сибири КГПУ им. В.П. Астафьева. Оп. 0057. Д. 0026. 261 л.
6. Заика А.Л. Учётная карта объекта культурного наследия феде-

рального значения, представляющего собой историко-культурную ценность «Шалаболинская писаница». 2010 г. // Архив Музея археологии и этнографии Средней Сибири КГПУ им. В.П. Астафьева. Оп. 0057. Д. 002а. – 21 с.

7. Заика А.Л., Дроздов Н.И. Шалаболинская писаница (результаты исследования 2001-2004 годов) // Мир наскального искусства. Сб. док. международ. конф. /Под ред. Е. Дэвлет. М.: ИА РАН, 2005. С. 111-115.

8. Заика А.Л., Солодейников А.К. Красочные изображения на западном участке Шалаболинской писаницы (предварительные результаты исследований) // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». Кемерово, 2018. Вып. 8. С. 56-66.

9. Кубарев В.Д. Памятники каракольской культуры алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. 264 с.

10. Леонтьев Н.В. Антропоморфные изображения окуневской культуры (проблемы хронологии и семантики). // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Неолит и эпоха металла. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1978. С. 88-118.

11. Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан: Хакасское книж. изд-во, 2006. 236 с.

12. Липский А.Н., Вадецкая Э.Б. Могильник Тас-Хазая // Окуневский сборник. Культура и её окружение: Сб. науч. Тр. СПб.: Изд-во «Эликсис Принт», 2006. С. 9-52.

13. Николаев Р.В. Отчёт о полевой археологической работе в 1957 г. в зоне строительства алюминиевого комбината и на юге края, в том числе Курагинский район, Оглахты Богградского района Хакасии. 1957 г. // Архив КККМ. Оп. 5. Д. 71 – 1.

14. Пяткин Б.Н., Мартынов А.И. Шалаболинские петроглифы. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. 192 с.

15. Пяткин Б.Н., Капелько В.Ф. Шалаболинские писаницы // Археологические открытия 1977 г. М., 1978. С. 275-276.

16. Савенков И.Т. К разведочным материалам по археологии среднего течения Енисея // Изв. ВСОРГО. Т.17. № 3-4. Иркутск, 1886. С. 26-105.

17. Савенков И.Т. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. Сравнительные археолого-этнографические очерки // Труды XIV Археологического съезда в Чернигове в 1908 г. М., 1910. 552 с.

18. Савинов Д.Г. О выделении стилей и иконографических групп изображений окуневского искусства // Окуневский сборник. Культур-

ра и её окружение: Сб. науч. тр. СПб.: Изд-во «Эликсис Принт», 2006. С. 157-190.

19. Савинов Д.Г. О стратиграфии окуневского искусства // Искусство бронзового века: Материалы международ. симп. / под ред. С.Хансена, В.И. Молодина. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2015. С. 19-53.

20. Сазонова О.М. Археологические изыскания краеведа В.К. Добрынина // Мартяновские краеведческие чтения. – Минусинск: МРКМ им. Н.М. Мартянова, 2010. Вып. VI. С. 221-223.

21. Сазонова О.М. Р.В. Николаев – исследователь Шалаболинской писаницы // VII Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 2008. С. 71-72.

Alexander L. Zaika

*Candidate of Sciences in History
assistant professor*

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev

The stratigraphy of anthropomorphic images in Okunev art (on the example of Shalabolinsky petroglyphs)

Abstract. In the western section of the Shalabolinskaya pisanitsa a new graphic layer of drawings of Okunev culture was discovered. Depicted animals, various types of masks. The analysis of palimpsests allows us to make certain adjustments to the traditional pattern of development of Okunev art using anthropomorphic images as an example. The archaic Tas-Khazin-Karakol tradition is local, characteristic of the south of the Minusinsk depression, in the Shalabolinsky petroglyphs can be traced at the later stages of the development of Okunev art.

Keywords: Shalabolinskaya pisanitsa, petroglyphs, Okunev culture, Karakol culture, anthropomorphic masks, stratigraphy, chronology.

УДК 94 (470.5) 19

МИГРАЦИЯ ПОСАДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДОВ РУССКОГО СЕВЕРА ЗА УРАЛ В СЕРЕДИНЕ XVIII В.

(по материалам Великого Устюга 1763 г.)

Е.В. Леонтьев

*старший научный сотрудник**Минусинский региональный краеведческий
музей им. Н.М. Мартыанова*

Аннотация. В статье рассматриваются временная миграция посадских людей Великого Устюга по материалам третьей податной ревизии 1763 г. Представлены данные, характеризующие количество, возраст, семейное состояние и структуру домохозяйства мигрантов. Рассмотрено участие в миграции представителей разных по своему составу посадских семей, сложных, расширенных, простых (нуклеарных) и неполных.

Полученная информация дала основание заключить, что временные отходы в другие города и уезды являлись главной формой миграции посадского населения Великого Устюга в середине XVIII в. Интенсивность данного явления сопоставима с интенсивностью отхода крестьян центральных губерний страны в тот же период времени. В миграции посадских людей преимущественно участвовали неженатые мужчины в возрасте от 20 до 40 лет. В их числе наибольшей миграционной активностью отличались лица, семьи которых являлись либо сравнительно крупными и сложными по составу, либо, наоборот, неполными и малолюдными. Первые, согласно представленным в литературе сведениям, обычно принадлежали к зажиточным «верхам» посадского «мира», вторые встречались среди малоимущей, работающей по найму бедноты.

Промысловая миграция оказывала заметно негативное влияние на демографическое положение устюжского посада. Для участвовавших в отходе мужчин было, очевидно, характерно более позднее вступление в брак. Их семьи отличались меньшим количеством детей, чем семьи других членов посадской общины.

Ключевые слова: посадские люди, миграция, отход, податная ревизия, двор, дворохозяйство, семья.

В XVIII веке развитие рынка и рост социального расслоения в России способствовали усилению мобильности населения. В первую очередь это было характерно для города, жизнеобеспечение которого требовало передвижения людей в поисках работы и мест сбыта производимых/приобретаемых товаров и услуг. Реализация этого требования сталкивалась с политикой государства, стремившегося в интересах фиска контролировать движение тяглого населения [Верещагин и др., 2019: 13]. Легальная миграция горожан в основном существовала в форме временного отхода по паспорту.

В литературе подобное явление, известное как промысловое отходничество, до сих пор преимущественно рассматривалось только среди крестьян [СИЭ]. Предметом анализа, прежде всего, являлись социально-экономические условия и результаты крестьянского отхода в районах, испытывавших нехватку сельскохозяйственных земель [3, 4, 5, 6].

В рамках настоящей статьи мы попробуем охарактеризовать миграцию посадских людей. Нас будут интересовать демографические параметры этого процесса (в том числе количество, возраст, семейное состояние, структура домохозяйства мигрантов), а также влияние, оказываемое им на воспроизводство городского населения в середине XVIII в.

Объектом исследования является посадская община Великого Устюга. В XVIII в. это был один из наиболее крупных городов на севере России, откуда шло интенсивное движение мигрантов. Главным источником, который использовался в работе, служат ревизские сказки третьей податной ревизии 1763 г. [Устюг Великий, 1883: 201-291].

Административно-правовые нормы, регламентирующие в XVIII в. миграцию податного населения России, сложились в основном в период введения системы подушного обложения [Казанцев, 1970: 23]. Согласно действующим законам, посадский человек мог покинуть на время место своего постоянного проживания, получив у гильдейского старшины печатный паспорт. Для этого ему следовало подтвердить выполнение тяглых

обязательств перед казной и дать заверенную поручителями подписку об исправном внесении податей в период своего отсутствия. Максимальный срок действия паспорта, допускавший отсутствие по месту приписки, не превышал трёх лет. В случае уклонения от тягла и появления недоимок, посадское общество было вправе потребовать через Главный магистрат немедленного возвращения ушедшего тяглеца [Смирнов, 1917: 57]. Указанные нормы регулировали дальние переходы посадских людей на расстояние более 30 вёрст. Отлучки в близлежащей округе не требовали паспорта, и могли совершаться на основе отпускных писем за подписью старост [Кизеветтер, 1903: 56-57]. В противовес бегству, – т.е. нелегальному оставлению своего местожительства без соблюдения предписанных процедур, – временный отход в целях заработка рассматривался правительством как явление не только допустимое, но и полезное для казны [Заозерская, 1958: 179].

Во время проведения третьей податной ревизии 1763 г. посадская община Великого Устюга, по нашим подсчётам, включала 910 дворохозяйств, членами которых являлись 1727 чел. мужского и 2103 чел. женского пола. В 180 дворах (19.78 % от общего количества) были мужчины, находившиеся в период подачи ревизских сказок в отходе. Всего их насчитывалось 222 человека – 11.39 % от численности мужского населения. Среди людей трудоспособного возраста доля отсутствующих составляла 17.44 % [Подсчитано по: Устюг Великий, 1883: 201-291]. Полученные цифры можно сравнить с аналогичными данными, касающимися размеров отходничества крестьян в нечерноземных губерниях страны. Согласно М.Ф. Прохорову, в 1760-е – 1770-е гг. доля крестьян-отходников в уездах Московского и Волго-Окского районов, отличавшихся наиболее активной миграцией, колебалась в интервале от 6 до 24.8 % от общей численности мужчин [Черников, 2013: 217].

Таблица 1. Распределение выбывших в посадской общине Великого Устюга по причинам выбытия в период 1745 – 1763 гг. (ревизские души мужского пола) *

Причины отсутствия во время подачи сказок	Посадские сотни и полусотни**							вновь записанные в посад	Итого:
	1	2	3	4	5	6	7		
Умерли	122	105	62	172	102	56	52	11	682
Вышли по паспорту	32	41	30	45	32	13	12	17	222
Сошли безвестно		1	3		2	1	8		15
Взяты рекрутами	13	15	4	18	13	7	9	3	82
Сосланы		2		1	1	3			7
Приписались к посадам других городов			2	2	5		3		12
Перешли в духовное ведомство	3		4	1	2				10
Всего:	170	164	105	239	157	80	84	31	1030

* Подсчитано по данным: Устюг Великий. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М.: Типография М.Н. Лаврова, 1883. С. 201 – 291.

** 1. – Пречистенская; 2. – Спасская; 3. – Вознесенская; 4. – Георгиевская; 5. – Мироносицкая; 6. – Петропавловская; 7. – Дымковская.

Подсчёты свидетельствуют о том, что отход по паспорту являлся в середине XVIII в. одним из главных факторов движения тяглого населения Великого Устюга (см. табл. 1). При этом нужно учитывать, что показанное в таблице количество отходников отражает число отсутствующих в общине людей только

во время проведения переписи. Т.е. оно не даёт полного представления о размерах отхода в течение всего периода, истекшего с момента предыдущей ревизии. Тем не менее, как видим, и это число ушедших с временным паспортом людей значительно превышает количество тех, кто за все эти годы покинул посад «безвестно» или в ходе рекрутских наборов. Нужно отметить также, что около 1/3 находившихся в отходе посадских людей (76 чел.) имели на руках паспорта с истекшим сроком действия. С точки зрения закона они являлись такими же беглыми, как и лица, оставившие общину самовольно без получения официального разрешения.

Таблица 2. Периоды действия паспортов, выбранных мигрантами в посадской общине Великого Устюга по данным ревизии 1763 г.*

Период действия паспорта	Количество паспортов	
	всего выдано	в т.ч. с истекшим сроком
Один год	27	9
Два года	32	9
Три года	163	58
Всего:	222	76

* Подсчитано по тем же данным, что и предыдущая таблица

По сроку действия выданных документов выбывшие распределялись неравномерно. Подавляющее большинство их (почти $\frac{3}{4}$) имели право находиться в отлучке максимально допустимый законом период – три года (см. табл. 2). Очевидно, это обуславливалось географией отхода и временем, которое предстояло мигранту провести в дороге; за редкими исключениями, как

свидетельствует ревизия, все они направлялись «для заработка в сибирские города».

Таблица 3. Распределение отходников в посадской общине Великого Устюга по возрасту и семейному состоянию. 1763 г.*

Семейное состояние	Возрастные когорты					
	15-19 лет	20-29 лет	30-39 лет	40-49 лет	50 лет и старше	Всего:
женатые	<u>9</u> 30.00**	<u>22</u> 13.25	<u>31</u> 12.20.	11	4	77
холостяки и вдовы	<u>37</u> 17.05	<u>70</u> 50.00	<u>22</u> 53.66	6	10	145
Всего:	<u>46</u> 18.62	<u>92</u> 30.07	<u>53</u> 17.97	<u>17</u> 10.18.	<u>14</u> 5.42	<u>222</u> 17.44

* Подсчитано по тем же данным, что и предыдущая таблица

** в знаменателе показана доля в составе данной когорты

Участвовали в миграции в основном мужчины в возрасте до 40 лет (см. табл. 3). Многие из них впервые покидали свой город, едва достигнув совершеннолетия. Но наиболее активное движение отмечалось среди лиц в возрасте от 20 до 29 лет; в их числе во время подачи ревизских сказок по месту приписки отсутствовал почти каждый третий. Значительную роль при принятии решения об отходе играло семейное состояние посадских людей. Женатые устюжане уходили на заработки обычно гораздо реже холостяков. Исключением здесь является лишь ситуация среди молодых людей 15-19 лет. В старших возрастных когортах необходимость длительного отхода, по-видимому, нередко побуждала посадских откладывать первое вступление в брак.

Таблица 4. Распределение мигрантов в посадской общине Великого Устюга по типу домохозяйств*

Тип домохозяйства	Все домохозяйства		Домохозяйства, члены которых находились в отходе				
	дворов	рев. душ	число дворов	% к итогу	число ревизских душ		
					наличных	в отходе	% выбывших к итогу
Одиночки	101	35	10	9.90	-	10	22.61
Неполные	172	184	40	23.26	14	54	
Простые	319	594	48	15.05	24	51	7.91
Расширенные	181	419	40	22.10	30	48	10.27
Сложные	137	495	42	30.66	65	59	10.65
Всего:	910	1727	180	19.78	133	222	11.39

* Подсчитано по тем же данным, что и предыдущая таблица

Большой интерес при анализе факторов, способствовавших миграции посадского населения, имеют данные, иллюстрирующие участие в этом процессе представителей различных по своей структуре домохозяйств. В основе их группировки в таблице 4 находится традиционный в исторической демографии критерий П. Леслетта, классифицирующий типы семейных форм по числу брачных пар [Носевич, 2011: 18].

Представленная информация свидетельствует о том, что в посадской общине Великого Устюга сложные домохозяйства, включавшие несколько пар супругов, чаще других отпускали своих людей на заработки. Примерно треть из них имела в своем составе мужчин, находившихся во время подачи ревизских сказок в других городах и уездах. Во всей общине данный показатель равнялся 19.78 %. Однако при соотношении количества мигрантов в разных группах домохозяйств с наличной числен-

ностью мужского населения, картина складывается иной. Мы видим, что во дворах, где жили одиночки и неполные семьи, интенсивность отхода была значительно больше, вдвое превышая средний для посада уровень (22.61 и 11.39 %). А во дворах же, где жили только супруги с неженатыми детьми, доля отсутствующих, наоборот, складывалась минимальной (7.91 %).

Объясняя значение полученных показателей, нужно, очевидно, принять во внимание то, что благосостояние посадских дворов в рассматриваемый период существенно зависело от количества имевшихся у них рабочих рук [Лаппо-Данилевский, 1890: 124].

В малолюдных и экономически слабых хозяйствах, которые вели одиночки и неполные семьи, предложение труда и миграция в поисках работы преимущественно обуславливались нехваткой средств для того, чтобы самостоятельно торговать или заниматься ремеслом [Лаппо-Данилевский, 1890: 123].

Мобильность данной категории устюжан выглядит наиболее высокой, и часто не вписывается в установленные законом рамки. Почти половина мигрантов из неполных семей и одиночек (48.44 %) отсутствовали во время составления ревизии, имея просроченные паспорта. В сложных семьях доля не вернувшихся в срок людей равнялась 20.34 % [Подсчитано по: Устюг Великий, 1883: 201-291].

С появлением собственных «торгов и промыслов» в более населенных дворах отход, по-видимому, резко слабел. Дальнейшее участие посадских людей в миграции, очевидно, мотивировалось уже не потреблением, – «для ради черной работы своя головы кормити», – а стремлением поднять хозяйство за счёт доходов, которые нельзя или трудно было получить в пределах своего посада. Такое стремление возникало, прежде всего, в крупных семьях, располагавших большим количеством рабочих рук. Миграция в их среде позволяла использовать на стороне «избыток» рабочей силы двора без ущерба для собственного хозяйства. Подсчитано, что 90.45 % сложных семей, где были ушедшие в отход мигранты, имели в своём хозяйстве хотя бы

одного взрослого мужчину-работника. Среди семей, расширенных тот же показатель, равнялся 74.36 %, во дворах с простыми и неполными семьями – 36.73 и 30.00 % [Подсчитано по: Устюг Великий, 1883: 201 – 291].

Таким образом, в малолюдных посадских дворах уход из дома единственного «кормильца» создавал для оставшихся домоладцев большие трудности. В течение нескольких лет забота о ведении хозяйства в них, в основном, перекладывалась на плечи женщин. При этом, если в неполных и, вероятно, наиболее бедных семьях данное обстоятельство, по-видимому, редко препятствовало отходу, то во дворах, где жила пара супругов обычно удерживало от миграции.

Представить влияние промысловой миграции на величину естественного прироста посадского населения, при помощи данных ревизии, к сожалению, очень трудно. Поскольку речь идёт о переселениях временных, материалы изученного источника не дают возможности подсчитать количество людей, покидавших общину в течение всего периода, истекшего с момента предыдущей переписи. И все же некоторые наблюдения по поводу изменений, вносимых миграцией в брачно-семейные отношения рассматриваемого населения, сделать возможно.

Подсчёты, несомненно, указывают на то, что уходы посадских людей на заработки оказывали существенное влияние на их брачное поведение. Так, среди молодых устюжан в возрасте от 20 до 29 лет доля мужчин, состоящих в браке, равнялась 70.16 % у лиц, учтённых по месту своего жительства, и 23.91 %, - у тех, кого переписчики нашли временно отсутствующим. В следующей возрастной когорте от 30 до 39 лет соотношение аналогичных показателей было 91.71 и 58.49 %. [Подсчитано по: Устюг Великий, 1883: 201 – 291].

Можно, очевидно, предположить, что в молодые годы необходимость длительного отхода часто побуждала посадских людей откладывать вступление в брак; а в зрелом возрасте преждевременное вдовство и распад семьи способствовали тому, что они становились мигрантами.

Таблица 5. Количество детей в семьях посадских людей Великого Устюга по данным ревизии 1763 г. (оба пола) *

Количество детей в семье	Семьи женатых мужчин, не участвующих в отходе				Семьи женатых мужчин – отходников			
	30 – 39 лет		40 – 49 лет		30 – 39 лет		40 – 49 лет	
	семей	всего в них детей	семей	всего в них детей	семей	всего в них детей	семей	всего в них детей
0	32	0	14	0	11	0	5	0
1	52	52	34	34	10	10	5	5
2	43	86	24	48	4	8	3	6
3	50	150	24	72	5	15	1	2
4	21	84	20	80			2	8
5	11	55	16	80			1	5
6	6	36	8	48				
7	2	14						
8			1	8				
9								
всего:	217	<u>477</u> 2.20	141	<u>370</u> 2.62	<u>30</u> 1.10	33	<u>17</u> 1.53	26

* Подсчитано по тем же данным, что и предыдущая таблица

Теперь обратим внимание на то, как различалось количество детей в семьях посадских людей в зависимости от их участия в промысловом отходе в 1763 г. Данные таблицы 5, сгруппированные по возрастным когортам, говорят о том, что воспроизводство населения Великого Устюга в середине XVIII в. происходило с минимальным приростом. Приближаясь к пожилому возрасту, посадские устюжане, как видим, имели в составе своих семей обычно не более двух-трёх детей обоего пола, что вряд ли было достаточно даже для простого замещения поколений. При этом потомство участвовавших в отходе жителей было на 40 – 50 % малочисленней, чем у посадских, которых ревизия

зафиксировала в составе общины. Т.е. ходившие на заработки мужчины, очевидно, оказывались на склоне лет, как правило, главами весьма малолюдных по составу дворов.

Итак, полученная информация даёт основание заключить, что временные отходы в другие города и уезды занимали основное место в миграции посадского населения Великого Устюга в середине XVIII в. Интенсивность данного явления сопоставима с интенсивностью отхода крестьян центральных губерний страны в тот же период времени. В миграции посадских людей преимущественно участвовали неженатые мужчины в возрасте от 20 до 40 лет. В их числе наибольшей активностью отличались лица, семьи которых являлись либо сравнительно крупными и сложными по составу, либо, наоборот, неполными и малолюдными. Первые, согласно указанным в литературе сведениям, обычно принадлежали к зажиточным «верхам» посадского «мира», вторые встречались среди малоимущей, работающей по найму бедноты.

Промысловая миграция оказывала заметное негативное влияние на демографическое положение устюжского посада. Для участвовавших в отходе мужчин было, по-видимому, характерно более позднее вступление в брак. Их семьи отличались меньшим количеством детей, чем семьи других членов посадской общины.

Литература:

1. *Верецагин И.Ф. Минаева Т.С. Молодцова М.С.* Влияние правового статуса субъектов торговой деятельности на развитие торговли Русского Севера в первой четверти XVIII в. // «Вопросы истории», 2019. № 1. С. 6 - 24.

2. В Советской исторической энциклопедии «отходничеством» назывался временный уход крестьян из деревень с целью заработка в городах и других сельскохозяйственных районах. Советская историческая энциклопедия // <https://gufo./dict/history-encyclopedia>.

3. *Заозёрская Е.И.* Бегство и отход крестьян в первой половине XVIII в. (о начальных формах экспроприации сельского и городского населения России) // К вопросу о первоначальном накопления в России (XVII – XVIII вв.). Сб. ст. М.: Изд.-во АН СССР, 1958. С. 144 – 188.

4. *Балуева Д.Д.* Имущественное расслоение и отходничество в коми деревне в середине XVIII в. // К вопросу о первоначальном накопления в России (XVII – XVIII вв.). Сб. ст. М.: Изд.-во АН СССР, 1958. С. 243 – 263.

5. *Власова И.В.* Миграции устюжских крестьян в XVIII – первой половине XIX вв. // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). Сб.ст. М.: Наука, 1973. С. 229 – 248.

6. *Черников С.В.* Крестьянский промысловый отход и развитие крепостнических отношений в российской деревне второй половины XVIII в. // Образы аграрной России IX – XVIII вв. М.: Индрик, 2013. С. 216 – 229.

7. Устюг Великий. Материалы для истории города XVII – XVIII столетий. М.: Типография М.Н. Лаврова, 1883. С. 201 – 291.

8. *Казанцев Б.Н.* Законодательство русского царизма по регулированию крестьянского отхода в XVII – XIX вв. // Вопросы истории, 1970. № 6. С. 21 – 30.

9. В предыдущем XVII столетии отлучившийся с посада тяглец мог неопределенно долгое время жить и вести хозяйство в другом городе при условии платежа податей по прежнему месту жительства. Уклонение от этого рассматривалось как бегство. Смирнов П.П. Города Московского государства в первой половине XVII в. Т. I. Вып. I. Формы землевладения. Киев, Типография А.И. Гросман, 1917. 144 с.

10. *Кизеветтер А.А.* Посадская община в России XVIII в. М.: Университетская типография, 1903. 810 с.

11. *Носевич В.Л.* Ещё раз о Востоке и Западе: структуры семьи и домохозяйства в истории Европы// Крут идей. Историческая информатика в информационном обществе. Труды VII конференции Ассоциации «История и компьютер». М., 2001. С. 15 – 38.

12. *Лаппо-Данилевский А.О.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований. СПб., Типография И.Н. Скороходова, 1890. 557 с.

Evgeniy V. Leontiev

*senior researcher of the
Minusinsk regional lore museum after the name of N.M. Martianov
Minusinsk
e-mail: eu.leontjew2017@yandex.ru*

**Migration of posad population of towns of Russian North
outside the Ural in the middle of 18th century
(according to the documents of the Great Ustug 1763)**

Abstract: in this article, we consider the temporary migration of posad people of the Great Ustug according to the documents of the third tax audit 1763. There are facts which characterize number, age, marital status and structure of migrants' household.

It is considered participation in migration of representatives different in their structure posad families: difficult, extended, simple(nuclear) and incomplete.

With a help of this information we can say that temporary moving in other towns and uyezds were the main kind of migration of posad population of the Great Ustug in the middle of the 18th century. We can compare intensity of this phenomenon with intensity of peasants' moving of central guberniyas of the country at the same period. In the migration of posad people chiefly took part unmarried men at the age from 20 to 40 years old. From them the most active were people who were from large and difficult in structure families or on the contrary from incomplete and poorly populated families. The first ones, according to the documents, usually were from prosperous families of posad "world"; the second ones could be met among employed poor.

Commercial migration influenced badly to demographical status of Ustuzhskiy region. Men, who took part in this migration, married rather late. In their families there were not many children.

Key words: posad people, migration, moving, tax audit, yard, household, family.

УДК 94(571.51)

КАЗАКИ И КРЕСТЬЯНЕ МИНУСИНСКОГО УЕЗДА В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

В.Г. Дацышен

*д.и.н., профессор**Сибирский федеральный университет
Красноярский государственный педагогический
университет им. В.П. Астафьева*

Статья посвящена проблемам истории Гражданской войны в России. В работе рассматриваются события противостояния и войны на территории Минусинского уезда Енисейской губернии в 1918-1919 гг. В центре исследования вопросы противостояния между казачьим и крестьянским населением во время Гражданской войны. В числе основных целей работы является ввод в научный оборот новых исторических источников, в первую очередь архивных документов и материалов периодических изданий.

Ключевые слова: Гражданская война в России, Минусинский уезд, Енисейское казачество, крестьянские восстания.

В 1917 г. в России началась Великая Русская Революция. В феврале-марте 1917 г. была свергнута власть царского правительства не только в столице бывшей Российской империи, но по всей стране, включая Енисейскую губернию. Свержение монархии было поддержано всеми слоями сибирского общества, включая крестьян и енисейских казаков. Более того, большинство населения выразило поддержку левым социалистическим партиям. Однако уже летом 1917 г. население Енисейской губернии, как и всей бывшей Российской империи, раскололось, а после взятия большевиками власти повсюду началась гражданская война. Гражданская война в Сибири, в том числе и на территории Минусинского уезда, приняла крайние формы, привела к огромным жертвам и разрушениям. Важным фактором гражданской войны в регионе стало противостояние между крестьянством и казачеством.

История Гражданской войны в Сибири неизменно привлекала внимание исследователей на протяжении всего советского периода истории России. Однако жесткая политическая и идеологическая заданность исследований, а также узость источниковой базы, ограничивали возможности историков. В постсоветской историографии значительно расширился круг исследовательских вопросов и проблем, историки ввели в научный оборот новые источники. Тем не менее, широкий круг исторических источников ещё не введён в научный оборот. Расширение источниковой базы позволяет создать более полную историческую картину трагических и противоречивых событий Гражданской войны в Енисейской губернии.

Различные слои российского общества, принявшие Великую Русскую Революцию 1917 г., связывали будущее устройство России с созывом Учредительного Собрания. Но и созданные в первые дни Революции народные органы власти – Советы, так же были поддержаны широкими слоями населения, включая казаков. Современники писали: «В то время в Красноярске стоял казачий дивизион, состоявший, главным образом, из Минусинских казаков, в начале революции был полон энтузиазма и выделил в Совет делегатов, быстро примкнувших к большевикам и левым эсерам» [ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 708: Л. 2]. Известный красноярский историк М.Г. Тарасов отмечает: «На общем собрании частей гарнизона Красноярска под председательством урядника Красноярского казачьего дивизиона А.Г. Шахматова и по докладу хорунжего этого же дивизиона А.А. Сотникова казаки и солдаты выразили поддержку действиям революционных властей. На этом же собрании были избраны представители в Совет рабочих, солдатских и казачьих депутатов. Командиром Красноярского казачьего дивизиона взамен есаула А.А. Могилёва, откомандированного в распоряжение штаба Иркутского военного округа, был назначен член партии эсеров хорунжий А.А. Сотников» [Тарасов, 2011: 24]. Хорунжий А.А. Сотников весной 1917 г. вошёл в новые органы власти совместно с лидером местных большевиков уроженцем станицы

Каратуз солдатом И.П. Окуловым. Правда, уже в июле 1917 г. обозначилось противостояние между Советом и казачеством.

Большевики пришли в Красноярске к власти мирным путём. Председателем Исполкома Советов в 1917 г. стал сын минусинского купца-золотопромышленника социал-демократ с 1903 г. А.И. Окулов. Казаки не препятствовали большевикам в захвате власти. Но в конце 1917 г. А.И. Окулов был направлен на работу в Петроград, а строить «новое общество» и «бороться с контрреволюцией» в Енисейской губернии остались в основном приезжие из Одессы и Бессарабии.

Победа большевиков в Красноярске не обозначала широкой их поддержки со стороны всех слоёв населения Енисейской губернии. И в самом Красноярске интеллигенция, поддержанная расквартированным здесь отрядом енисейских казаков, не признавала узурпации власти большевиками и требовала созыва Учредительного Собрания. Поскольку большинство красноярской элиты стояли на позициях Сибирского областничества, то и стоявшее на позициях партии социалистов-революционеров казачество так же признавало политические и программные установки областников. В иркутской газете «Новая Сибирь» в январе 1918 г. был напечатан «Наказ депутату енисейского казачьего войска во врем. сиб. обл. думу». В документе говорилось: «Во исполнение постановления съездов нашего войска, бывших 25 мая и 20 сентября с.г., войсковой совет поручает своему депутату всемерно отстаивать положения вышеуказанных постановлений. Кроме того поручается: 1) настаивать на немедленном открытии всероссийского Учредительного Собрания, ограждать его от всяких нападков... 2) всемерно содействовать Учредительному Собранию в проведении в жизнь: а) прочного истинно демократического мира...б) скорейшего провозглашения формы государственного правления федеративной демократической республики, в) немедленного прекращения гражданской войны и образования федерального правительства... 3) всеми силами содействовать осуществлению полноты власти

временной сибирской областной думы...» [Новая Сибирь. 1918. 23 января].

Красноярские большевики для предотвращения «контрреволюции» выступили против организованного казачества, потребовав их полного разоружения. Газета «Новая Сибирь» сообщала: «Военные лавры иркутских большевиков, расстрелявших сотни мирных граждан, пишет красноярский корреспондент «Сиб. Жизни», не дают спокойно спать красноярским большевикам... Здесь, в Красноярске, начинают разоружать казаков. 17-го января с. г. последовал ультиматум, 18-го числа были расставлены на горе пушки, а по улицам в домах пулемёты, улицы наводнили красногвардейцами. В городе с 17-го вся жизнь замерла... Вдоме Либмана на Бол. улице произвели обыск, между прочим, у Н.Н. Козьмина, искали оружие, которого, конечно, у него не оказалось. Подвергли домашнему аресту...» [Новая Сибирь. 1918. 30 января].

17 января 1918 г. атаман Енисейского казачьего войска А.А. Сотников, вернувшийся накануне из Томска, выпустил «Воззвание к населению Енисейской губернии», в котором, в частности, говорилось: «поставленное поведением Исполнительным комитетом в необходимость или сражаться или лишиться казачьей чести, войсковое правительство Енисейского казачьего войска и Совет дивизиона постановили: покинуть на время город, щадя кровь неповинных безоружных граждан...» [Красноярский, 1996: 26-27]. Казаки ушли из Красноярска в Торгашино, но не нашли там поддержки. После этого казаки Минусинского уезда ушли на родину.

4 (17) февраля 1918 г. дивизион остановился в Каратузе, где местные казаки во главе со станичным атаманом П. Шошиным и представителем дивизиона Г.К. Бологовым в начале февраля 1918 г. разогнали крестьянский сельский совет. В «казачьей столице» станице Каратуз состоялся III съезд Енисейского казачьего войска. На съезде действия А.А. Сотникова по сохранению казачьего дивизиона были одобрены. Но значительная часть казаков не поддержали своих офицеров, а в Моноке даже выда-

ли красногвардейцам каратузского атамана П. Шошина и часть своего оружия.

Власть большевиков в Минусинском уезде продержалась несколько месяцев. Антисоветские силы под сибирским бело-зелёным знаменем пришли к власти в Минусинске после бегства большевиков из Красноярск в июне 1918 г. В «Приказе по войскам Иркутского военного округа от 29 апреля 1919 г. говорилось, что «свержение советской власти в гарнизонах округа произошло: в Канском – 29 мая, Ачинском и Красноярском – 19 июня, Минусинском – 21 июня, Енисейском – 27 июня...» [РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 1763. Л. 265]. Быстрое и относительно бескровное свержение власти Советов в Минусинском уезде было обусловлено тем, что не только казаки, но и крестьяне в основной своей массе были против большевиков.

В сообщении, напечатанном на страницах одной из минусинских газет, утверждалось: «Год назад, 11-24 июня, в Минусинске был свергнут совдеп. С самого октябрьского переворота в городе работала инициативная группа, подготовлявшая крушение советской власти. Их было всего несколько смельчаков, отвергших посулы и заманивания совдепчиков... Их влияние ширилось и росло, завязаны были связи с офицерами и солдатами в городе, с крестьянами в деревнях, но все же не эта организация свергла народных насильников. Сметены они были самим народом, дружно выступившим с разных концов Минусинского уезда» [Минусинский Край. 1919. 24 (11) июня].

Минусинский уезд Енисейской губернии после свержения власти большевиков леволлиберальными сибирскими силами оказался в тылу разворачивающихся событий Гражданской войны. И первое время Сибирское правительство не содержало там каких-либо значительных военных сил. Согласно квартирному расписанию войск Иркутского военного округа на 1 октября 1918 г. на территории Минусинского уезда из числа воинских частей, учреждений и заведений военного ведомства имелись лишь Управление Минусинского уездного воинского начальника и Минусинская местная команда.

18 ноября 1918 г. в столице Сибири случился военный переворот. В Омске произошли массовые аресты членов правительства и политиков леволиберальной ориентации, а Совет Министров утвердил «Положение о временном устройстве государственной власти в России», согласно которому «Осуществление верховной государственной власти временно принадлежит верховному правителю» [Кокоулин, 2017: 42]. В «Журнале заседания Совета министров Временного Всероссийского правительства» за 19 ноября 1918 г. в качестве Верховного правителя был указан А.В. Колчак» [Совет, 2016: 21-23]. Известный алтайский исследователь В.А. Мосеев отмечал: «По приказу Колчака в Омске на берегу Иртыша в декабре 1918 г. были жестоко убиты бежавшие в Сибирь более 40 членов всероссийского Учредительного собрания... Сибирь была превращена в большой концентрационный лагерь...» [Моисеев, 2007: 214].

Минусинск болезненно отреагировал на свержение право-консервативными силами Сибирского правительства и последовавшими после этого репрессиями против представителей лево-либеральных сил. В минусинской газете «Труд» была помещена заметка «Минусинск, 12-го января 1919 года». В ней говорилось: «бывают факты, когда самое притерпевшееся, самое притупившееся нравственное чувство неудержимо протестует и вопиет о возмездии. Ниже читатели найдут подробности о расстреле в Омске без вины виноватых общественных деятелей, испытанных друзей народа... Фомин, член учредительного собрания от Енисейской губернии, организатор свержения большевистской власти в Ново-Николаевске... Маевский, ещё задолго до революции ожесточенно боровшийся с Лениным, привлекавший его к партийному суду... Их девять...» [Труд. 1919. 4 января (22 декабря 1918)].

Позднее в «Декларации Всесибирского Краевого Комитета партии социалистов-революционеров» власть Правительства Колчака получила следующую оценку: «Сибирь, оторванная от остальной России и ставшая добычей воцарившейся реакции, в большей мере, чем какая-нибудь другая часть России,

испытала на себе всю тяжесть иностранного протектората. Правительство Колчака... пыталось найти опору в военной и политической помощи иностранных государств» [Известия Всесибирского Краевого Комитета партии социалистов-революционеров. 1920. 8 марта].

Если выражающие интересы крестьянства политические силы осудили колчаковский переворот, то казачество в большинстве своём недовольства не выражало. В условиях Гражданской войны на всей территории Российской империи демократические левые политические силы Сибири оказались не способными самостоятельно бороться с хорошо организованным противником, опирающимся на людской, экономический и военный потенциал Центральной России. Сибиряки пошли на союз с более консервативными буржуазными политическими силами и вскоре уступили им лидерство. Правительство Колчака видело в казачестве опору. Верховный правитель утвердил распоряжение Совета Министров от 10 июня 1919 г. о признании Иркутских и Енисейских казаков отдельными казачьими войсками [Свободная Сибирь. 1919. 17 (4) августа]. Казачьи части в гражданской войне в Сибири воевали в составе колчаковской армии. Правда, казачьи лидеры так и не стали сторонниками Колчака и его союзников. Это хорошо известно из истории противостояния между А.В. Колчаком и атаманом Г.М. Семёновым. Лидер Енисейских казаков атаман А.А. Сотников так же не стал служить А.В. Колчаку, ушёл в отставку и занялся научными исследованиями [Шекшеев, 2005: 254].

К сторонникам правоконсервативных сил в белом движении не принадлежал и избранный в августе 1919 г. атаманом Енисейского казачьего войска выдающийся исследователь Саян и герой Первой мировой войны генерал В.Л. Попов. Он служил некоторое время красным в 1918 г., и после окончания Гражданской войны служил в Красной Армии.

Жёсткое противостояние между казачеством и крестьянами проявилось в конце осени 1918 г. Крестьяне Минусинского уезда оказали сопротивление выполнявшим полицейские функции

казакам. Конфликт спровоцировал оживление старых противоречий и обид, быстро перерос в массовое восстание.

Официальный орган Енисейского губернского комиссариата сообщал: «столкновение возникло первоначально в с. Дубенском на почве защиты крестьянами самогонщиков, у которых отрядом казаков была уничтожена самогонка и аппараты для её изготовления. Отсюда движение разрослось шире; вспомнилась старая вражда и старые мелкие счёты между крестьянами и казаками, и движение приняло стихийный характер крестьянского движения против казачьих станиц. Этим стихийным движением воспользовались прежние большевистские власти, как местные, так и перекочевавшие в Минусинский уезд из Ачинского после подавления восстания в последнем. Они-то и пытались организовать движение по чисто бунтарскому типу, вдохновляя его анархическими лозунгами... Восставшие крестьяне, совершая невероятные жестокости в «завоеванных» ими селах и деревнях, в то же время не выставляли никаких политической или социальной программы» [Воля Сибири. 1918. 8 декабря].

Восставшие организовали комитет, начавший распространять воззвания с призывами «сбросить казацкое иго» и занять Минусинск. Повстанцы требовали уничтожения казачества как привилегированного сословия, уравнивания земельных наделов крестьян и казаков. Стремясь защитить станицы, казаки начали формировать дружины самообороны. 11 ноября 1918 г. повстанцы заняли центр енисейского казачества – Каратуз, где стали творить насилия и убийства. Благочинный 2-го участка Минусинского уезда священник Иннокентий Шувалов докладывал в Красноярск: «29-го октября на село Каратуз напали восставшие крестьяне соседних деревень, дабы отобрать у казаков оружие, а с некоторыми расправиться. Часть казаков, спасаясь, спрятались в церкви...» [Енисейские Епархиальные Ведомости. 1919. № 3: 9].

Восставшие, проводившие обыск в доме священника местной церкви, на глазах троих детей прямо в доме застрелили священника и его жену. В красноярской газете «Воля Сибири» указывалось: «О событиях в Каратузе ходит много слухов. Достоверно

известно только, что убиты станичный атаман Шошин, священник о. Михаил Щербаков с женою и секретарь станичного комитета Тетюхин, перед смертью подвергавшийся истязаниям» [Воля Сибири. 1918. 1 декабря]. После взятия Каратуза восставшие заняли казачьи селения Нижний Суэтук и Саянская. Восстание охватило более 10 волостей Минусинского уезда, в нём приняли участие до 15 тысяч человек, которые были организованы в несколько «армий» [Тарасов, 2011: 66-67].

Наибольшую известность получил «Северный фронт» этого восстания, сложившийся по реке Туба. В газете «Воля Сибири» печатались материалы о боях за Городок: «В ночь на 20 ноября отряд получил приказание генерала Шильникова выбить противника из с. Городка... Потери отряда один раненый... По дополнительным сведениям, после артиллерийского обстрела Городка наши цепи ворвались в деревню и в рукопашной схватке было убито в деревне и на льду реки Тубы свыше 100 человек мятежников... Абаканские крестьяне и... казаки со своей стороны быстро организовали отряды и занимаются теперь ловлей бегущих в горы противников... Отрядом, выбившим мятежников из Городка, захвачено при преследовании 23 человека пленных. По их словам, они были присоединены к движению силой. Бандою, засевшей в Городке, руководил каратузский разночинец Зуев. По дополнительным сведениям, захвачено ещё 100 человек пленных» [Воля Сибири. 1918. 1 декабря].

Восстание было подавлено правительственными войсками. В Минусинск прибыли 5-я сотня и учебная команда Енисейского казачьего полка под командованием хорунжего В.В. Розанова и отряд генерала И.Ф. Шильникова из Иркутска. В минусинской газете «Труд» сообщалось, что в конце 1918 г. в Минусинской тюрьме содержалось более 200 человек, в том числе «Политических под следствием 222 мужчин и 3 женщины» [Труд. 1919. 2 февраля (20 января)].

При подавлении восстания казаки вновь сформированного Енисейского казачьего полка отличились особой жестокостью. Итоги действий Енисейского казачьего полка в Минусинском

уезде представлены в приказе Командующего войсками Иркутского военного округа генерал-лейтенанта В.В. Артемьева: «Из представленного начальником Минусинского военного района рапорта №1042 и приложенных к нему документов переписок усматриваю, что... как во время подавления мятежа в Минусинском уезде, так и после казаки занимались грабежами и насилиями над женщинами; в широком масштабе применяли порку всех направо и налево, не разбирая, виноват в чём или нет, причём всё это совершалось и продолжает совершаться с ведома казачьих офицеров, которые в мародёрстве у населения участвуют сами, а потому покрывают всячески и подчинённых им казаков, как, например, хорунжий Молочков; 3) в г. Минусинске, где находится войсковое правление, ежедневные пьянства, пьяные дебоши с пусканием в ход оружия не только со стороны рядовых казаков, но и офицеров, и всё это происходит при полнейшем бездействии со стороны казачьего начальства; и 4) первая сотня, уходя из Минусинска в Красноярск, открыла частую стрельбу из винтовок вверх. Всё вышеизложенное указывает на то, что хорунжий Розанов не может командовать полком, а потому отчисляю его от командования полком. Временно командующим полком назначается есаул Муратов» [РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 1763. Л. 169 об.].

Часть повстанцев из Минусинского уезда смогла уйти на юг, в Усинский округ и в Урянхайский край. В связи с этим глава русской власти в Туве А.А. Турчанинов сообщал Временному Сибирскому правительству: «Вернулись в край много большевиков, выпущенных из Минусинской тюрьмы. Их арест и выселение затрудняются нехваткой милиции. Прибывшие из Минусинска крестьянские делегаты, с целью поднять здесь восстание, арестованы и содержатся в заключении. Необходимо немедленно прислать сюда вторую сотню казаков и горную батарею» [Дацышен, 2003: 164]. Часть восставших ушла на север. В газетных сообщениях указывалось: «В середине декабря по реке Мане, Красноярского уезда, организовались большевистские отряды... 10 декабря был отправлен из Красноярска отряд

правительственных войск на ст. Камарчага. В ночь с 20 на 21 декабря посланный отряд имел бой с крупными, правильно организованными силами красноармейцев, по-видимому из числа рассеянных летом большевистских отрядов, а также большевиков, бежавших из Минусинского края и подкреплённых дезертирами и неявившимися новобранцами» [Прибайкальская жизнь. 1919. 29 января].

Восстание в Минусинском уезде и его подавление белыми правительственными войсками показало, что уже в конце 1918 г. противоречия между крестьянством и казачеством приняли крайние формы. Правда, относительно малочисленное казачество стало консолидировать свои силы, а в крестьянской среде проявился раскол, и ставшие на сторону антисоветских властей местные крестьяне действовали против восставших в союзе с енисейскими казаками.

Одним из возможных вариантов смягчения напряжения в сибирской деревне было выселение казачества из крестьянских селений. С этой инициативой выступили сами казаки. В феврале 1919 г. Большой Круг Енисейского казачьего войска в Минусинске принял резолюцию по вопросу о переселении Енисейского казачьего войска в Урянхайский край. В документе говорилось: «5-й Большой круг Енисейского казачьего войска, сознавая необходимость территориального объединения войска, в настоящее время разбросанного на огромных пространствах Енисейской губернии и принимая во внимание невозможность объединения войска в пределах губернии, находит лучшим выходом для войска в виду усиления хозяйственной мощи казачьего населения, а также и для создания войсковой территории и хозяйства, переселение в Урянхайский край, тем более, что Урянхайский край является пограничным округом и должен надлежащим образом охраняться, 5-й же Войсковой Круг Е. К. В. признавая огромную важность Урянхайского края для государства и неотложность ограждения его богатств от притязаний иностранцев, считает необходимым переселение в Урянхайский край Е. К. войска за счёт государства. Проведение в жизнь настояще-

го постановления Круг возлагает на Войсковое Управление и на представителя Е. К. войска в Главном Управлении по делам казачьих войск. Для более полной разработки вопроса о способе, средствах и условиях переселения Круг находит нужным образовать из своего состава комиссию» [Протоколы, 1919: 38]. Планы переселения енисейского казачества в Туву, подальше от густозаселённых крестьянами районов Минусинского уезда, в условиях гражданской войны реализованы не были

Минусинский уезд, как и вся Енисейская губерния, былине только театром военных действий против партизан, но и тылом для фронта с Советской Россией. Будучи тылом, Минусинск обеспечивал фронт людским пополнением и материальными ресурсами. Минусинская газета «Труд» сообщала: «2 февраля, в столовой союза военно-увеченных, городское управление чувствовало обедом отбывающую на фронт 1-ю минусинскую офицерскую роту, на обеде присутствовали офицеры во главе с начальником гарнизона подполковником В.А. Романенко, городской голова П.А. Бахов, гласные городской думы, представители правительственных учреждений и общественности» [Труд. 1919. 5 февраля (23 января)]. Таким образом, в течение Гражданской войны Минусинский уезд постепенно терял силы, способные и готовые противостоять симпатизирующему большевикам местному крестьянству.

Военное время создавало благоприятные условия для злоупотреблений со стороны действующей власти. Газеты сообщали: «1 февраля, вечером, арестован уполномоченный по организации добровольческой хакасской армии М.А. Добрицкий, которому ставится в вину растрата 28000 р. казенных и общественных сумм. По этому же делу арестован бывший бухгалтер минусинского совдепа Савищенко» [Труд. 1919. 4 января (22 декабря 1918)]. В июне 1919 г. за злоупотребления и растраты был арестован «уполномоченный министерства снабжения по Минусинскому уезду, Усинскому округу и Урянхайскому краю Бяков» [Минусинский Край. 1919. 8 июня (26 мая)]. Все эти факты не способствовали росту популярности власти.

На территории Енисейской губернии власти всячески боролись против большевистской агитации. В газетах встречаются такие сообщения: «Начальник милиции 8 участка Минусинского уезда доносит, что им задержаны с оружием в руках два агитатора, ездивших с большевистской пропагандой: Тимофей Насырин и Степан Пахомов» [Труд. 1919. 9 апреля (25 марта)]. Необходимо отметить, если в конце 1918 г. в Минусинской тюрьме содержалось более 200 человек [Труд. 1919. 2 февраля (20 января)], то к лету 1919 г. уже почти 600 человек [Минусинский Край. 1919. 14 (1) июня].

Енисейские казаки приняли активное участие в борьбе с отрядами восставших крестьян. Весной 1919 г. в Минусинском уезде не было крупных восстаний, но на территориях других уездов образовались целые партизанские армии и фронты. Из Минусинского уезда в южные районы Ачинского уезда был направлен отряд под командованием сотника Енисейского казачьего войска Г.К. Бологова. В марте 1919 г. Минусинская газета сообщала: «От начальника отряда, сотника Бологова, получена г. начальником минусинского военного района следующая телеграмма. «Преследование идет успешно; моим отрядом уничтожено красных более ста человек; наши потери: убит один казак. Руководитель банды Перевалов со своим комиссаром скрылись... Сотня разбросана деревням; я навожу порядки в Ужуре»» [Труд. 1919. 27 (14) марта]. Казаков в борьбе с партизанами поддерживали и отряды крестьян из Минусинского уезда. При этом, при подавлении антиколчаковских восстаний казаки и дружинники-крестьяне одинаково проявляли жестокость. Газета сообщала: «Началась поимка бунтовщиков Минусинским отрядом и абаканскою дружиною было расстреляно до 150 чел., та же дружина расстреляла в Ужуре и его окрестностях 18 чел. 30 мужчин и 26 грабительниц женщин были подвергнуты другим наказаниям» [Труд. 1919. 30 (17) марта].

Весной 1919 г. белым войскам удалось разбить крестьянские армии в центральных районах Енисейской губернии, в том числе партизан Баджейской республики. Но это привело к се-

рьёзным проблемам для Минусинского уезда, куда направились остатки армии Кравченко и Щетинкина. П.Е. Щетинкин писал: «15 июня мы вышли с р. Жаймы и углубились в тайгу. Я не буду останавливаться на подробном описании всех перипетий этого ужасного пути... 19-20 июня мы вышли в Минусинский уезд... Плодородный и хлебосольный Минусинский уезд встретил нас радушно, приветливо, к тому же белые почему то не догадались своевременно выставить заслон» [ГАНУ. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 829. Л. 20].

Однако партизанам не удалось переправиться через реку Туба и занять богатые крестьянские районы Минусинского уезда. Местные газеты сообщали: «С полудня 24-го июня красные предприняли ряд попыток перебраться через Тубу. Попытка эта продолжилась и на следующий день. Бой за переправы происходил от Курагина до Шелаболина, но все переправы остались в наших руках. Потери красных, по-видимому, значительны. Наряду с правительственными войсками и городской дружиной много мужества проявляют боевые крестьянские дружины» [Минусинский Край. 1919. 26 (13) июня]. П.Е. Щетинкин вспоминал: «Находящаяся на другой стороне Минусинская дружина под командой поручика Занина, открыла огонь по нашим частям... пришлось идти окружным путём на Верхний Кужебар» [ГАНУ. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 829. Л. 20]. Таким образом, минусинское крестьянство в основной своей массе не поддержало крестьянские партизанские армии из других уездов Енисейской губернии. Партизаны, разбившись на отдельные отряды, отступали на юг через Шушенское, Ермаковское, Григорьевку.

Верные колчаковскому правительству войска, в составе которых были казачьи отряды, успешно боролись с красными партизанами в Енисейской губернии, но оказались не способными сохранить русскую власть в Урянхайском крае. 6 июля 1919 г. войска Белой Сибири потерпели поражение в бою с китайско-монгольско-тувинским отрядом в Туве (Урянхайском крае). После этого главный русский начальник в Туве А.А. Турчанинов объявил эвакуацию русских правительственных учреж-

дений и военных сил из Белоцарска в Минусинск [ГАКК. Ф. Р-1299. Оп.1. Д.171. Л. 8]. В репортажах «Вести из Урянхая», опубликованных в газете «Свободная Сибирь за авторством Герм. Машкина, была представлена следующая картина событий в Туве: «Начиная с ноября спокойная жизнь населения края вообще, и Кемчикского района в особенности, была нарушена... взаимно «снимались» сторожевые посты, происходили мелкие стычки... В феврале произошло сражение при верхнем курэ на реке Джеббан. Нами были захвачены пленные (сойоты и монголы) ... Затем наступило относительное спокойствие... - с апреля начались нападения на наши посты со стороны сойотов... В мае положение русских мирных жителей делается еще более опасным, ввиду появления слухов... к 1 июня н. с. большинство семей Кемчикского района оставались на местах, разбросанное по заимкам и факториям... Согласно объявлению Управляющего краем от середины июня, на Джедоне произошло сражение, в результате которого убитые с нашей стороны хорунжий Делибалт, искренне оплакиваемый дружиной и населением края, а со стороны неприятеля зарегистрировано 9 «захребтинских» трупов (называют китайцев и монгол), помимо убитых сойотов... Началось «беспокойство» не только от появления вооруженных шаек сойотов, но и от равнения русских новоселов Подхребтинского района на сторону своеобразных «советов». Организовав на скорую руку «совдепы» и набрав «гвардию», частью из бывших дружинников, подхребтинцы задумали не более не менее, как измену Родине... Новоявленные «товарищи» порешили в первую очередь заключить «перемирие» с монголами и сойотами и даже вместе с ними идти на Белоцарск...» [Свободная Сибирь. 1919. 5 августа (23 июля)]. 9 июля последовал приказ об эвакуации русских из Белоцарска в Минусинск. 90 человек в течение 4-х дней под обстрелами тувинцев сплавлялись на плотках вниз по Енисею и 16 июля прибыли в Минусинск [Свободная Сибирь. 1919. 6 августа (24 июля)].

Армия Кравченко и Щетинкина летом 1919 г. планировала уйти из Сибири через Монголию и Китай в Туркестан. Причины

этого были в отсутствии массовой поддержки красных партизан со стороны крестьян Минусинского уезда. Начальник Минусинского военного района в своем обращении заявил: «Соприкосновение с бандами Кравченко и Щетинкина показало, что большая половина банд состоит из вековых врагов России, пленных мадьяр, немцев и латышей, всеми силами стремящихся нанести вред русскому народу» [Минусинский Край. 1919. 29 (16) июня]. Красным партизанам удалось пройти через Минусинский уезд на юг, в Урянхайский край. Но войска во главе с атаманом Енисейского казачьего войска преследовали отступавших красных крестьян. Газета «Свободная Сибирь» сообщала: «Остатки разбитых в Степно-Баджейской волости большевистских банд, бегущих по Усинско-Урянхайскому тракту в Урянхай, заняли несколько переправ через реку Ус и выставили здесь сильные заслоны. Энергичным ударом отряда наших войск заслоны были сбиты... Нашим отрядом занято село Туран для дальнейшего наступления на большевиков» [Свободная Сибирь. 1919. 5 августа (23 июля)].

Отряду атамана Г.К. Бологова удалось переправиться через Енисей и даже занять Белоцарск, но затем казаки потерпели сокрушительное поражение от крестьянской армии. Минусинская газета сообщала: «По рассказам очевидцев, участников боя в Белоцарске выясняется следующая картина: 16 августа, вечером, отряд есаула Бологова после непродолжительного сражения занял гор. Белоцарск. Часа через три, во время поднявшейся страшной бури, банды Щетинкина и Кравченко повели наступление на Белоцарск. Подавляемые численностью врага наши части были прижаты к берегу Енисея. Отбиваясь, наши части переправились на тот берег Енисея в лодках частью же вплавь. Оружие, которое наши войска не успели захватить с собой, потоплено, одно артиллерийское орудие утоплено, с другого снят замок. Значительное количество патронов взорвано. Потери с обеих сторон значительны... Из доставленных в Минусинск раненых 24 помещены в приемном покое при местной команде, а

остальные размещены в земской больнице и первой городской лечебнице» [Минусинский Край. 1919. 30 (17) августа].

Поражение белых сил в Белоцарске предопределило поражение антисоветских сил в Минусинске уже осенью 1919 г. В сентябре 1919 г. армия Кравченко и Щетинкина вышла с юга в пределы Минусинского уезда и без боя заняла столицу уезда. В газете «Свободная Сибирь» за 16 сентября было напечатано сообщение: «Преступные банды красных временно захватили Минусинск и пытались переправиться через р. Тубу...» [Свободная Сибирь. 1919. 16 (3) сентября]. П.Е. Щетинкин писал: «через несколько дней Манский полк имел столкновение с противником перед с. Городчанским на реке Тубе, в результате которого было взято 1500 человек пленных, много оружия и запасов. Манцы потеряли в этом бою 13 чел. убитыми. Убитых перевезли в город, и они были торжественно погребены, при чем, хоронили так: впереди шли попы с пением церковных напевов, а сейчас же за ними оркестр и затем бойцы, исполнявшие в свою очередь революционные... песни» [ГАНУ. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 829. Л. 37]. Линия фронта надолго разделила Минусинский уезд на две части, граница установилась по рекам Енисей и Туба.

25-29 сентября 1919 г. в Минусинске состоялся Чрезвычайный Съезд Крестьянских, Армейских и рабочих депутатов Минусинского уезда. На Совете решались вопросы налаживания мирной жизни, восстановления народного хозяйства. В обращении Совета к населению города Минусинска говорилось: «Уездный Совет, благодаря произведенному представителями Временного Сибирского Правительства в г. Минусинска грабежу народного достояния, именуемому эвакуацией... поставлен в продовольственном и финансовом отношениях в чрезвычайно тяжелое положение. Казначейство и все банки... вывезены со всею кассовою наличностью. Громадные запасы... вывезены... Даже избранные ваши: крестьян – Земское Управление, а горожан – Городское Управление, как преступники бежали, оставив без средств на произвол судьбы служащих с их семьями... вывезены все медикаменты и врачебные пособия... уезд в настоящее время в

медицинском отношении в беспомощном состоянии... не смотря на октябрь месяц, ни одно из учебных заведений в городе и уезде не открыто... Кроме этого... на первом месте стоят заботы о Вашей народной Крестьянской армии, растущей в настоящее время со сказочной быстротой...» [АГМ. Ф. 24. Оп.1. Д. 11. Л. 3].

Во время нахождения в Минусинском уезде Крестьянская партизанская армия переживала трудные времена. Руководство армии вынуждено было отвлекать свои силы на борьбу с мародёрством. В приказе Кравченко говорилось: «Из разных волостей Минусинского уезда в Главный Штаб приходят донесения и жалобы, что какие-то вооруженные люди с красными повязками на руках производят конфискации такого рода: одному нужен полушубок, он берет полушубок, тому нужна уздечка, берет уздечку и т.д. Но часто берут и совершенно ненужные солдатам вещи, как дамское пальто, платье обувь и проч. ... Главный Штаб еще раз объявляет, что все те лица, которые учиняют самовольные обыски, аресты, реквизиции и конфискации не солдаты Крестьянской Армии, а ее паразиты...» [ГАНЮ. Ф. П-5. Оп. 9. Д. 947. Л. 54].

Осенью 1919 г. партизаны успешно обороняли Минусинск, бои за Абаканск шли с переменным успехом. Например, 11 октября 1919 г. красные партизаны переправились через Енисей и заняли деревню Подсиняя. За Усть-Абаканское развернулись бои, но казакам удалось отразить наступление красных партизан.

Сообщения о военных действиях регулярно печатались на страницах издания «Сводка Осведомительного Отдела Штаба Иркутского военного округа». В «Сводке» за 29 сентября 1919 г. говорилось: «Район Минусинска. Высланный на левый берег р. Тубы русский разъезд натолкнулся на конный отряд противника, который после короткой перестрелки разбежался, оставив на месте 2-х убитых лошадей» Сводка № 33; в «Сводке» за 9 октября 1919 г. говорилось: «Район Минусинска. Русские катера на р. Енисей разогнали два раза артиллерийским огнем большевистскую конницу в районе д. Бузуново» [Сводка № 43].

В «Оперативной сводке штаба Иркутского Военного Округа

за 20 октября» сообщалось: «Минусинский район. Нашими казачками у переправы через р. Енисей близ д. Очурская разбита сосредоточенная там значительной силы банда красных. Бой длился около 5 часов, после упорного маневра красные бросились на паром. Небольшая часть их успела переправиться, остальные бросились в воду, намереваясь переплыть на правый берег Енисея. Однако благодаря холоду и ширине реки в этом месте, большевики возвращались к нашему берегу и расстреливались нашим огнем. Большое количество красных утонуло. Группа в 40 человек с 2-мя пулеметами была окружена... Части бежавших в панике красных попрятались в стогах сена и вылавливаются. Деревня Очурская в наших руках... Ниже по Енисею красные с потерями выбиты с острова, что против деревни Каменной» [Сводка № 56].

Штаб П.Е. Щетинкина до декабря 1919 г. располагался в Абаканске. Центром белой власти в Енисейской губернии стало волостное село Новосёлово. Газета «Свободная Сибирь» сообщала в октябре 1919 г.: «Здесь помещается много эвакуированных правительственных учреждений. Село и окрестные деревни заняты беженцами. Говорят, что из Минусинска было вывезено 23 тысячи человек» [Свободная Сибирь. 1919. 16 (3) октября]. В заметке «На Щетинкинском фронте», опубликованной в газете «Свободная Сибирь», говорилось, что 9 октября штаб генерала Барановского выехал из деревни Абаканск-Перевозинский в село Усть-Абаканское [Свободная Сибирь. 1919. 23 (10) октября]. В середине октября газета «Свободная Сибирь» сообщила: «Помощник атамана Енисейского казачьего войска – А.П. Кузнецов, прибывший из Омска, выехал 12 октября для доклада войсковому атаману на Минусинский фронт» [Свободная Сибирь. 1919. 14 (1) октября].

Дальнейшие события на «Щетинкинском фронте» в газетных публикациях были представлены следующим образом: «Тальский полк «красных орлов» пытался переправиться через Енисей в верстах в 80 выше Минусинска. Налетели на наших казаков. Те их и потрепали. У казаков 5 убитых, 9 раненых. Сре-

ди убитых – подхорунжий Баранов... Отличились хакасы. Их сотня много поработала в этом бою. Один инородец убил трех красных...»; «В Хакассии... В штаб отряда прибыл атаман Енисейского казачьего войска г. Попов, его помощник А.П. Кузнецов и член войскового правления А.Г. Шахматов. Они приехали осмотреть обстановку, в которой протекает борьба казаков с красными, чтобы потом выехать на совещание хакасских общественных деятелей в улусе Чаркова...» [Свободная Сибирь. 1919. 1 ноября (18 октября)]. Следует отметить. Что в конце 1919 г. 1-й Енисейский казачий полк под командованием полковника Паской-Шарапова размещался в Красноярске.

В декабре 1919 г. красные партизаны перешли в наступление на севере Минусинского уезда. 5 декабря 1919 г. они захватили деревню Абаканское-Перевозинское. Согласно «оперативной сводке чехо-штаба от 17 декабря» по Минусинскому уезду: «Красными занята дер. Аешки и передовые части правительственных войск отошли к дер. Светлолобово» [Сводка № 115]. В сводке за следующий день утверждалось: «Красные пытались наступать со стороны деревни Комское на деревню Новоселовское, но были отбиты» [Сводка № 115].

Несмотря на то, что колчаковская армия терпела поражение на всех фронтах, антисоветские силы в Енисейской губернии продолжали активную борьбу. 10 декабря 1919 г. на внутренний Минусинский фронт убыл 1-й Енисейский казачий полк в составе 21 офицера, трёх чиновников военного времени, одного священника, одного врача, 523 казака и 472 лошадей. Вслед за казачьим полком 11 декабря убыл 2-й батальон 31-го Сибирского стрелкового полка в составе 12 офицеров, одного врача, 583 солдата, четырёх фельдшеров и 32 лошадей. 16 декабря 1919 г. генерал-майор В.П. Гулидов убыл для принятия дел и должности Минусинского отряда. 20 декабря 1919 г. генерал-майор В.П. Гулидов и полковник А.И. Феофилов донесли, что первое командование Минусинским отрядом принял, а второй сдал [РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 1399. Л. 6 об.].

Но к этому времени красные партизаны смогли захватить по-

следний крупный волостной центр Минусинского уезда – село Новосёлово. П.Е. Щетинкин писал: «К концу ноября наши части в общем насчитывали около 18000 бойцов... После трифоновского боя, в котором манцы захватили около 1500 чел. пленных 2 орудия и десятки пулемётов, было предпринято движение в сторону Ачинска и Красноярска. Тут мы двигались, почти не встречая сопротивления со стороны белых. Трифоновский бой – это последний крупный бой партизанской армии... Этот бой закончил эпопею партизанских боёв» [ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 829. Л. 40-41]. В воспоминаниях П.Е. Щетинкина утверждается, что после Трифоновского боя, который, очевидно, состоялся 16 декабря 1919 г., сопротивление колчаковских войск прекратилось [ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 924. Л. 42].

В начале 1920 г. на всей территории Минусинского уезда была установлена власть большевиков. Командование 5-й армии быстро ликвидировало Крестьянскую партизанскую армию. Ещё 3 декабря 1919 г. Сибирское областное бюро РКП(б) приняло решение направить к партизанам армии Кравченко и Щетинкина своего представителя, бывшего левого эсера В.И. Хотимского. 18 января 1920 г. Реввоенсовет 5-й Армии принял решение о роспуске Крестьянской партизанской армии. 23 января 1920 г. в г. Красноярске собрался седьмой армейский съезд Крестьянско-Рабочей армии Минусинского фронта. Кроме делегатов от партизан на съезде присутствовали и представители командования отдельной 5-й армии. На съезде был рассмотрен вопрос «О соединении армии Минусинского фронта с Российской Советской Красной Армией» [Документы, 1959: 421]. В начале февраля из Минусинска телеграфировали на имя П.Е. Щетинкина и А.Д. Кравченко: «пользуясь отсутствием главарей крестьянской армии тёмные элементы путём провокации посеяли смуту среди солдат и населения которые достигли своей цели. Вам известно об этом, самосуд, грабежи и убийства несколько десятков арестованных и мирных жителей создали в городе кошмарное положение» [ГАНО. Ф. П-5. Оп. 9. Д. 947. Л. 96].

30 января был издан приказ о формировании в Ачинске

Енисейской стрелковой дивизии во главе с А.Д. Кравченко. 10 февраля 1920 г. А.Д. Кравченко телеграфировал: «Абаканск Командиру 4 батальона Манского полка. Немедленно двигаться в район Ачинска. Всех отпущенных и самовольно отлучившихся собрать иначе будет с преданы Временно-Революционному суду за самовольство. До формирования дивизии отпуска запрещены...» [ГАО. Ф. П-5. Оп. 9. Д. 947. Л. 99]. Красные партизаны были вытеснены из Минусинского уезда. В телеграмме из Минусинска от 11 февраля 1920 г. говорилось: «Немедленно телеграфируйте должен ли ликвидироваться армейский совет. Какие его органы остаются. Сдать нам запасы продовольствия. Организовалась новая власть. Прибывает завтра 310 полк ждать невозможно» [ГАО. Ф. П-5. Оп. 9. Д. 947. Л. 95].

Но 25 февраля 1920 г. по войскам 5 армии был издан приказ следующего содержания: «В виду контр-революционной агитации в частях Енисейской дивизии, а также грабежей, насилий и всяких притеснений мирного населения со стороны тёмных элементов, принимаемых в дивизию, Реввоенсовет 5 постановил: 1) арестовать руководителей и начальника Енисейской дивизии т. Кравченко и Щетинкина и лиц, составляющих армейский партизанский совет. 2) Разоружить все части названной дивизии...» [ГАКК. Ф. Р-252. Оп. 1. Д. 406. Л. 205].

В Минусинский уезд в феврале 1920 г. была направлена 27-я стрелковая дивизия Витовта Казимировича Путны. Остававшиеся в Минусинском уезде партизаны были разоружены без серьёзного сопротивления. А.Д. Кравченко и П.Е. Щетинкин избежали ареста. Но во всём мире прошла волна слухов о восстании красной крестьянской армии против большевиков. Например, выходившая в Японии русская газета «Дело России» сообщала: «На Востоке началось, по-видимому, серьёзное антибольшевистское движение. Минусинские «бунтари» Щетинкин и Кравченко, воевавшие с Сибирской армией под большевистскими лозунгами, повернулись теперь спиной к Советскому правительству и объявили ему войну» [Дело России. №8. 1920. 9 мая].

Судьбы почти всех активных участников Гражданской войны

на территории Минусинского уезда сложились трагично. Сначала власть расправилась с казаками. В первой половине 1920 г. губернская ЧК «раскрыла» несколько «белоказачьих организаций», сотни казаков во главе с офицерами, были арестованы, часть из них – расстреляны. Был арестован и расстрелян и бывший лидер Енисейского казачества А.А. Сотников. Типичной была судьба енисейского казака И.Н. Соловьёва. Будучи мобилизованным в колчаковскую армию, служил урядником в 1-м Енисейском казачьем полку, а после падения колчаковской власти он вернулся на родину, но 23 февраля 1920 г. был арестован милицией приговорён к году заключения в Первом Красноярском концлагере. Летом 1920 г. следственная комиссия при особом отделе 5-й армии РККА приговорила многих енисейских казаков к заключению в концлагерь до окончания Гражданской войны. Избежавшие репрессий казаки признали Советскую власть и согласились на равные права и земельные наделы с местным крестьянством.

Не пощадила советская власть и активных участников Крестьянской партизанской армии. Уже в 1920-х гг. загадочно погибли все лидеры крестьянской армии – А.Д. Кравченко, П.Е. Щетинкин, С.К. Сургуладзе и другие. Бывшие красные партизаны нередко выступали против произвола Советской власти, поднимали восстания против продразвёрстки или коллективизации, следствием чего они попадали под репрессии. К началу 1930-х гг. именно крестьянство, потерявшее землю и самостоятельность, приняло на себя все тяготы и лишения революционных преобразований большевиков.

Архивы

1. Архив города Минусинск (АГМ)
2. Государственный архив Красноярского края (ГАКК)
3. Государственный архив Новосибирской области (ГАО)
4. Российский государственный военный архив (РГВА)

Периодические издания

1. Воля Сибири

2. Дело России
3. Енисейские Епархиальные Ведомости
4. Известия Всесибирского Краевого Комитета партии социалистов-революционеров
5. Минусинский Край
6. Новая Сибирь
7. Прибайкальская жизнь
8. Свободная Сибирь
9. Сводка № 33 Осведомительного Отдела Штаба Иркутского военного округа
10. Труд

Публикации документов

1. Документы героической борьбы. Сборник документальных материалов, посвящённых борьбе против иностранной интервенции и внутренней контрреволюции на территории Енисейской губернии (1918-1920 гг.). Под ред. Д.Б. Груш. - Красноярск: Кн. изд-во, 1959. – 566 с.
2. Красноярский край в истории Отечества. Кн. 2. Октябрь 1917-1940. Хрестоматия для учащихся старших классов средней школы. – Красноярск: Красноярское книжное изд-во, 1996. – 271 с.
3. Протоколы 5-го Большого Круга Енисейского Казачьего Войска 15-21 февраля 1919 г. в г. Минусинске. – Ачинск, 1919.
4. Совет министров Российского правительства: журналы заседаний (18 ноября 1918 – 3 января 1920 г.). Сборник документов / Составитель и научный редактор В.И. Шишкин. Т. 1. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2016. – 748 с.

Исследования

1. Дацышен В.Г. Ондар Г.А. Саянский узел: Усинско-Урянхайский край и российско-тувинские отношения в 1911-1921 гг. – Кызыл, 2003. – 284 с.
2. Кокоулин В.Г. Белая Сибирь: борьба политических партий и групп (ноябрь 1918 – декабрь 1919 г.). Новосибирск: ООО «Офсет-ТМ», 2017. 528 с.
3. Коняхина И.В. Мятеж Красноярского казачьего дивизиона в 1918 году (по документам Красноярского госархива и опубликованным источникам) // Гражданская война в Сибири / Сборник докладов и статей научной конференции. – Красноярск: Издательский центр Красноярского госуниверситета, 1999. С. 145-154.

4. Мармышев А.В., Елисеенко А.Г. Гражданская война в Енисейской губернии. Красноярск: изд-во ООО «Версо», 2008. 416 с.

5. Моисеев В.А. Династия Анненковых – от революционеров к палачам // Сибирь и Центральная Азия: проблемы этнографии, истории и международных отношений // Третьи научные чтения памяти Е.М. Залкинда. Барнаул: Изд-во «Азбука», 2007. С. 213-232.

6. Паршуков В.А. Роль казачества в подавлении повстанческого и партизанского движения в Енисейской губернии // Гражданская война на востоке России: объективный взгляд сквозь документальное наследие: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Омск: Амфора, 2015. 232. С. 113-118.

7. Тарасов М.Г. Енисейское казачество в период революционных событий 1917 г. и годы Гражданской войны. Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2011. 157 с.

8. Шекшеев А.А. Сотников: трагедия казачьей интеллигенции // Альманах «Белая гвардия», № 8. Казачество России в Белом движении. М.: «Посев», 2005. С. 252-255.

Vladimir G. Datsyshen

*D.Sc. in Historical Sciences, Full Professor
Siberian Federal University
Krasnoyarsk State Pedagogical University
e-mail: dazishen@mail.ru*

Cossacks and peasants of Minusinsk district in the Civil War

Abstract. The article is devoted to the problems of the history of the Civil War in Russia. The paper deals with the events of confrontation and war on the territory of Minusinsk district of the Yenisei province in 1918-1919. The focus of the study is the confrontation between the Cossack and peasant during the Civil War. Among the main objectives of the work is the introduction into the scientific circulation of new historical sources, primarily archival documents and materials of periodicals.

Keywords: Civil war in Russia, Minusinsk district, Yenisei Cossacks, peasant uprisings.

УДК 94(571.51):(092)"1932/1933"

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДЕЯТЕЛЬ Л.Б. КАМЕНЕВ В МИНУСИНСКЕ

А.И. Погребняк

к.и.н.

Минусинск, Красноярский край, Россия

Аннотация. В статье на основе разнообразного исторического материала, большей частью свидетельств и воспоминаний современников, предпринимается попытка выявить основания для политической ссылки Л.Б. Каменева, кратко описать процедуры ареста, осуждения и высылки, показать быт и занятия ссыльного в Минусинске, объяснить причины досрочного окончания срока ссылки.

Ключевые слова: Л.Б. Каменев; профессиональный революционер; государственный, политический и литературный деятель; оппозиционер; арест; политическая ссылка; Минусинск.

Лев Борисович Каменев, он же Градов (это его партийные псевдонимы) – уникальная личность в отечественной истории. Настоящая его фамилия – Розенфельд. Г.С. Кравченко – сноха Л.Б. Каменева – по поводу еврейской фамилии своего «обаятельного» свёкра позже вспоминала: «Нет, он не был евреем, как принято считать. Отец его, инженер-путеец, из обрусевших прибалтийских немцев» [Васильева, 2012: 15]. С 18 лет он – убеждённый российский профессиональный революционер, в дальнейшем – один из создателей и руководителей нашего государства. Каменев родился 6 (18) июля 1883 г. в г. Москва, там же 25 августа 1936 г. по решению военной коллегии Верховного суда СССР расстрелян [Вронская и др., 1994: 231-232; Ноздрин, 2010: 212-213].

После этого его имя было вычеркнуто из советской истории более чем на полвека. В 3-томном «Энциклопедическом словаре» государственного научного издательства «Большая Советская энциклопедия» 1954 г. известий о Л.Б. Каменеве нет [Энциклопедический..., 1954]. Даже перестройка не сразу восстановила

о нём память, хотя в 1988 г. он был реабилитирован. Поэтому о минусинской ссылке Каменева долгое время никому не было известно. В статье о Минусинске, например, в энциклопедическом издании 1994 г. «Города России» [Минусинск..., 1993: 258-259], в «Енисейском энциклопедическом словаре», изданном в 1998 г., продолжает отсутствовать его имя [Енисейский ..., 1998].

Энциклопедический словарь «Отечество. История, люди, регионы России» издания 1999 г. возвращает память о нём, но ограничивается лаконичной фразой «неоднократно подвергался арестам и ссылкам» [Отечество, 1999: 246]. Автор статьи о Л.Б. Каменеве в «Исторической энциклопедии Сибири» кратко описывает только дореволюционную ссылку Льва Борисовича в Енисейскую губернию, о постреволюционной – сведений нет [Ноздрин, 2010: 18], хотя к этому времени уже появились упоминания о минусинской ссылке Льва Борисовича в других энциклопедических изданиях. Так, в «Энциклопедии Красноярского края. Юг», изданной в Красноярске в 2008 г., указывается, что в конце 1920-х – начале 1930-х гг. в регионе отбывали ссылку 140 политических ссыльных, в том числе и член ЦК партии Л.Б. Каменев [Энциклопедия..., 2008: 126, 181].

То есть в течение нескольких десятилетий Каменев считался врагом народа, антисоветчиком. Его имя было восстановлено только в ходе перестройки. Сегодня о Каменеве немало написано, в том числе диссертации, изданы и его работы.

Владимир Львович Глебов – сын – рассказывал об отце: «... Лев Каменев (Розенфельд) был одним из самых близких соратников Ленина. Когда Ленина не было, то его замещал отец. Со Сталиным он сошёлся в ссылке 1912 г., и, судя по всему, он и тянул Сталина наверх» [Шиферсон, 1989]. Потому и доверяли ему самые ответственные посты.

Пик карьеры Л.Б. Каменева пришёлся на 1917-1927 гг. В 1917 г. он был председателем ВЦИКа РСФСР. В сентябре 1918 г., вернувшись в Москву, Каменев стал членом Президиума ВЦИК, а в октябре был избран председателем Моссовета, которым руководил в 1918-1926 гг. В гражданскую войну выезжал на фронт в

качестве чрезвычайного уполномоченного Совета обороны. С 1922 г. в течение трёх лет был заместителем председателя СНК СССР. В 1922-1924 гг. – заместитель председателя и в 1924-1926 гг. председатель СТО СССР. В 1917-1927 гг. он член ЦК партии большевиков, в 1919-1926 гг. – член Политбюро, а затем кандидат в члены Политбюро; член ЦИК и ВЦИК СССР [Вронская и др., 1994: 231; 19; Орлов и др., 2012: 212-213].

Чтобы охарактеризовать Каменева как человека, приведём несколько немаловажных эпизодов из его переполненной событиями жизни. Будучи ярко выраженным сторонником и соратником, он был постоянным открытым полемистом и оппонентом Ленина. Но именно за это его качество, помогающее в спорах и дискуссиях по актуальным и важнейшим вопросам и проблемам жизни и деятельности приблизиться к истине и найти оптимальные решения, Владимир Ильич прощал его даже в самые сложные периоды жизни партии и государства. Поэтому именно ему В.И. Ленин в 1922 г. передал свой личный архив, на базе которого вырос и развернулся Институт Ленина и директором которого в 1923-1926 гг. состоял Каменев [Музыка, 1989: 430].

К нему, как председателю Моссовета, не раз обращались за помощью учёные, писатели; он сумел добиться освобождения из заключения историка А.А. Кизеветтера, литератора И.А. Новикова и других. В свой дом в Коктебеле Каменева приглашал поэт М.А. Волошин. Как ни парадоксально, но это сочеталось с составлением совместно с И.С. Уншлихтом и Д.И. Курским списков «враждебных интеллигентских группировок» для ГПУ, по которым высылали за рубеж или отправляли в тюрьмы [Орлов, 2012: 212-213].

Выступавший против Троцкого, Каменев предложил назначить Сталина Генеральным секретарем ЦК РКП(б). С 1922 по 1925 гг. Зиновьев, Каменев и Сталин считались главными вождями партии. В декабре 1925 г. на XIV съезде ВКП(б) Каменев первым заявил: «...Я пришёл к убеждению, что тов. Сталин не может выполнять роль объединителя большевистского штаба» [42, с. 275], но попытка свергнуть Сталина не удалась. Посколь-

ку его взгляды расходились со взглядами Сталина, впоследствии он стал записным «оппозиционером» (за что его трижды исключали из партии) [19].

Своё политическое влияние Каменев начал терять с 1926 г. Так в январе-августе 1926 г. Л.Б. Каменев – нарком внешней и внутренней торговли СССР. В ноябре 1926 г. его удаляют из страны и отправляют полпредом СССР в Италию, где он оставался до ноября 1927 г. Здесь он сблизился с Горьким. В октябре 1927 г. Каменева исключили из ЦК, а 14 ноября того же года его и Зиновьева – из партии и выслали в Калугу. 22 июня 1928 г., после того как они выступили с признанием своих ошибок, их восстановили в партии. 31 мая 1929 г. постановлением СНК СССР Лев Борисович был назначен председателем Главконцесскома [Музыка, 1989: 430].

Исследователь Балбышкин Ю.А. в своей диссертации обозначает 4 этапа процесса отстранения Л.Б. Каменева от власти. 1-й – 1917-1918 гг. – начало сбора компрометирующего материала. 2-й – 1919-1922 гг. – свершение Л.Б. Каменевым очередных теоретических ошибок при сохранении одного из ведущих мест в партийно-государственных структурах при покровительстве В.И. Ленина. 3-й – 1923-1927 гг. – использование Сталиным интеллекта и организаторских способностей Л.Б. Каменева «в целях свёртывания внутрипартийной бюрократии и установления личного контроля над партийно-государственными органами». 4-й – 1928-1936 гг. – искусственно созданное падение авторитета старой ленинской гвардии и установление единоличной диктатуры Сталина. Л.Б. Каменев, как и другие «старики», сдавали одну позицию за другой в структурах власти. Во многом благодаря их личным амбициям, разобщённости и пассивности, искоренены малейшие возможности для сколько-нибудь серьёзной оппозиции вождю и его методам руководства. Стравливание оппозиционеров друг с другом, а затем всенародное их унижение и массовые репрессии против обязательно «раскаявшихся» стали основным методом борьбы [Балбышкин, 2003: 187-188].

Перед окончательным «уходом со сцены» Лев Каменев неко-

торое время (в 1928-1929 гг.) был начальником научно-технического управления ВСНХ СССР. Любопытно, что эту же самую должность в конце своей политической (и просто жизненной) карьеры занимали и два других соратника В.И. Ленина – Л.Д. Троцкий и Н.И. Бухарин. Что позволяет считать некоторые кабинеты ВСНХ своеобразным «Берёзовом» для устранённых, но ещё живых лидеров «ленинской гвардии». Этому самому Научно-техническому управлению подчинялась и научно-техническая библиотека ВСНХ, директором которой во времена Каменева был известный профессор древней истории, член-корреспондент АН СССР Алексей Иванович Яковлев. Там они и познакомились [Швилкин, 2002: 33-34].

В русской и западной историографии о Каменеве пишут в основном в связи с политикой. Его имя упоминают, как правило, рядом с именем Григория Зиновьева, его друга и политического единомышленника.

Между тем Каменев оставил большой след не только в политике, но и в культуре. Во-первых, как председатель Моссовета в 1918-1926 гг., а затем, с начала 1930-х гг. до своего последнего ареста в декабре 1934 г., как глава издательства «Academia» («Академия») и двух крупных НИИ: Института русской литературы (ИРЛИ, или Пушкинский дом) и с 1934 г. – Института мировой литературы (ИМЛИ, или Институт Горького). Наконец, в течение двух десятилетий (с 1914 по 1936 гг.) Лев Борисович опубликовал целый ряд статей и книг, посвящённых различным мыслителям и политикам XIX в. В настоящее время исследователи получили доступ к архиву Каменева (документы хранятся в РГАСПИ – ф. 323, оп. 1 и 2). Он содержит материалы, касающиеся его политической и научной деятельности, а также переписку и опубликованные и неопубликованные документы, связанные как с его исследовательской работой, так и с руководством двумя институтами и издательством.

Эта сторона жизни Каменева, во многом сопряжённая с мунусинской ссылкой, до сих пор остаётся малоизвестной. После расстрела его работы были отправлены в спецхран, и вплоть до

посмертной реабилитации в 1988 г. исследователи не имели к ним доступа. Из тех изданий, которые оставались доступными, предисловия и комментарии Каменева были вырваны, как и из энциклопедий исчезло его имя.

Как вспоминала Г.С. Кравченко – сноха Л.Б. Каменева, пришедшая в дом Каменевых в 1929 г., – Лев Борисович, в отличие от своей жены Ольги Давидовны (постоянно ожидавшей «большой неминуемой беды» для своей семьи), «очень был оптимистичен. И весь в искусстве. Я не помню, чтобы он когда-нибудь в доме говорил о политике. Он, когда я вошла в их дом, вообще уже отошёл от политики. Весь в книгах. Обожал музыку» [Васильева, 2012: 14].

По мере уменьшения его политического влияния, возрастала роль Льва Борисовича в сфере культуры. По предложению Горького, возвратившегося в СССР в 1932 г. и возглавившего редакционный совет издательства «Academia» («Академия»), в мае 1932 г. его назначили директором этого издательства. Каменев быстро вник в книгоиздательское дело и понял его специфику. 8 сентября 1932 г. М. Горький в письме А.В. Луначарскому отмечал, что Каменев не формально, а энергично руководит работой «Academia» [Архив А.М. Горького, 1964: 44]. Он прилагал много усилий для разработки планов издательства. По его предложению создавались новые серии, уточнялся состав ранее существовавших [Зайцев, 1990]. Каменев активно привлекал к изданию книг видных деятелей науки, литературы и искусства, в том числе находившихся в ссылке.

Каменев, как инициативный руководитель, провёл огромную работу по подготовке к печати русской классики. Лично составлял научные комментарии, писал предисловия, статьи и книги для «Academia». Ещё до начала работы в акционерном обществе 3 февраля 1932 г. Каменев заключил с «Academia» договор на издание книги А.И. Герцена «Былое и думы» (вступительная статья, редактирование, комментирование и указатель – 43 п.л.). Первое её издание выпускалось в 1931-1932 гг. Госхудлитиздатом и печаталось со стереотипов предыдущего издания, частью

с нового набора. Лев Борисович осуществил новаторство: подготовленный им трёхтомник представлял первое, критически проверенное по рукописям и источникам издание. Обширные комментарии, в отличие от первого издания, были сосредоточены не в третьем томе, а распределены по всем томам. Каменев написал два обстоятельных предисловия – «А.И. Герцен. Биографический очерк» и «История создания, содержание и издания «Былое и думы» [Крылов, 1993: 352]. Таким образом, издательство «Academia» заново подготовило к печати эту очень важную работу. Книга была высоко оценена рецензентами.

В том же 1932 г. под редакцией Каменева изданы «Стихи и легенды» М. Горького с замечательными рисунками и офортами Сары Марковны Шор. 20 июня сданы в набор «Стихотворения» А.И. Полежаева, подготовленные к печати В.В. Барановым, также под общей редакцией и с предисловием руководителя издательства (вышла в свет лишь в середине 1933 г.). «Большой, внимательный и проницательный труд, затраченный В.В. Барановым на восстановление биографии и текста А.И. Полежаева, возвращает русской литературе крупного и своеобразного поэта и, одновременно, восстанавливает в нашей памяти одну из самых трагических фигур русской литературы XIX века» – отмечал Каменев в предисловии [Каменев, 1933: 7].

После исключения Президиумом ЦКК из партии во второй раз за недоносительство, 9 октября 1932 г. Каменев был репрессирован и 11 октября 1932 г. освобождён от обязанностей председателя Главконцесскома. В тот же день по постановлению Особого совещания при коллегии ОГПУ осуждён к ссылке на 3 года в связи с делом «Союза марксистов-ленинцев» (Дело Рютина) [Исторический архив, 2006. № 1: 64-94]. 16 октября 1932 г. бывший партийный функционер Л.Б. Каменев отправлен в ссылку в сибирский город Минусинск [Крылов, 2004].

В Енисейской губернии Л.Б. Каменеву уже приходилось бывать в годы Первой мировой войны. В 1914 г. он вместе с представителями большевистской фракции в Государственной думе был арестован в деревне Озерки под Петроградом и выслан в

Туруханск – это глухой север губернии. Затем осуждённых направили в деревню Ялань под Енисейском и, наконец, в город Ачинск. Февральскую революцию Каменев встречал со Сталиным уже в Ачинске на митинге в городском театре. Причём, в отличие от Сталина, он подписал приветственную телеграмму в поддержку Временного правительства. В Петербург они вернулись весной [Музыка, 1989: 429]. А приветствие буржуазного правительства в марте 1917 г. его соратник по революционной борьбе ещё с 1912 г. в Тифлисе, а потом по совместному пребыванию в туруханской ссылке не забыл. Одним из доказательств этого и была минусинская ссылка.

В отличие от Туруханска, Минусинск – самый южный город бывшей Енисейской губернии с достаточно благоприятным климатом. В начале 1930-х гг. Минусинск был центром территории, входившей в состав Западно-Сибирского края, где развито было сельское хозяйство, активно действовали разнообразные кооперативы. Этот самый значимый на названной территории населённый пункт гордился своими храмами, учебными заведениями, театром, музеем и типографией. В Минусинск Л.Б. Каменев прибыл в 1932 г. в отдельном вагоне с женой Татьяной Ивановной Глебовой и сыном Володи, которому было... три года. Их сопровождали караульные. Приехал с ним и Александр (Лютик) – сын от первой жены (Ольги Давидовны – сестры Л.Д. Троцкого), военный авиатор – который помог отцу устроиться на новом месте и сразу же отбыл обратно в Москву [Швилкин, 2002: 35; 26].

Минусинский краевед Ольга Викторовна Шестакова много лет назад встречалась с людьми, которые видели Каменева в Минусинске. По воспоминаниям старожилов, работал он, якобы, в городской типографии. А минусинцу Козловскому, работавшему там же в переплётном цехе, сотрудники НКВД поручили следить за бывшим партийным деятелем, попавшим в ряды неблагонадёжных [Калеменева, 2003а: 5; 16].

Нам удалось выяснить, что в 1932-1933 гг. государственная типография № 6 входила в состав Западно-Сибирского краевого

треста полиграфической промышленности как Минусинский филиал [АГМ. Ф. Р-143. Оп. 1. Д. 2. Л. 13]. В архиве города Минусинска в фонде государственной типографии № 6 сохранились списки рабочих и служащих этой типографии за 1932-1934 гг. В этих документах, действительно, фамилия Козловского присутствует во всех ежемесячных списках рабочих и служащих типографии, даже в списке на обеспечение дровами. Причём Николай Степанович Козловский работал в переплётном цехе с 15 июня 1926 г., поэтому он, как опытный работник, в списке сотрудников цеха упоминается всегда первым как «старший мастер переплётного цеха». А вот фамилия Каменева в этих списках не только по переплётному цеху, но по другим подразделениям и отделам за октябрь 1932 – апрель 1933 гг., к сожалению, не упоминается [АГМ. Ф. Р-325. Оп. 1. Д. 2. Л. 10, 15, 30, 32; АГМ. Ф. Р-325. Оп. 1. Д. 3. Л. 1, 3, 6, 9, 17, 18, 21].

Из этого парадокса можно только предположить, что, хотя Лев Борисович приехал в Минусинск с семьёй, но, не будучи материально стеснённым и обременённый договорными обязательствами с издательством «Academia» (а это требовало достаточно большого количества времени), он в типографии являлся внештатным работником. Либо, для успокоения надзирающих за порядком прохождения срока ссылки и введения их на этот счёт в заблуждение, он только для них числился «работником типографии».

В ссылку Каменев привёз с собой много всякой утвари и, разумеется, книг, занимавших половину вагона. В Минусинске он продолжал заниматься редакционно-издательской деятельностью возглавляемого им в Москве издательства «Academia». Перед самой ссылкой Каменев заключил в Москве с издательством несколько договоров на сумму свыше 40 тыс. руб. и получил значительный гонорар. Есть также сведения о том, что Каменев периодически получал на городской почте какое-то пособие (скорее всего, гонорары) из Москвы. Так что средства «на первое время» были, и он жил в Минусинске в трёхкомнатной квартире. Сюда-то и приходил к Каменевым в гости беспартий-

ный профессор-историк А.И. Яковлев, оказавшийся тоже в минусинской ссылке, но по другому делу. Они часто встречались и говорили по-свойски о многом. В частности, Яковлев как-то усомнился в выдающихся способностях Сталина, но Каменев с ним не согласился, заявив, что Сталин умен и очень хитёр! [Швилкин, 2002: с. 36].

Незадолго до минусинской ссылки Каменев заключил с «Academia» договор о предисловии к полному собранию сочинений Н.А. Некрасова объёмом 5 п.л. (Первый том появился на книжных прилавках в 1934 г., статья же Льва Борисовича предназначалась для второго тома, который увидел свет в 1937 г., когда Каменев уже был расстрелян) [РГАСПИ. Ф. 323. Каменев Лев Борисович. Оп. 1. Д. 5. Л. 21]. В тот же день Каменев заключил договор с «Academia» на написание совместно с Я.Е. Эльсбергом вступительной статьи, комментариев и редактирование воспоминаний русского историка М.М. Ковалевского, на издание книги «Из записок сенатора К.Н. Лебедева», предисловия к роману Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» [РГАСПИ. Ф. 323. Каменев Лев Борисович. Оп. 1. Д. 5. Л. 25-27]. Эти книги, однако, изданы не были.

Находясь в ссылке, Лев Борисович активно и плодотворно работает. Он пишет для серии «Жизнь замечательных людей» Жургиза биографию Н.Г. Чернышевского. Она вышла в свет в апреле 1933 г., когда он ещё был в минусинской ссылке, второе исправленное издание – в 1934 г. [Каменев, 1914; Крылов, 1992]. Далее он создаёт предисловия к «Мертвым душам» Н.В. Гоголя, к книгам А. Белого «Творчество Гоголя» и «Начало века», завершает предисловие к переизданию герценовского «Колокола» (январь 1933) [Архив А.М. Горького, 1964: 173-180]. Опять же будучи в ссылке в Минусинске, Каменев в апреле 1933 г. узнал о выходе в свет другой книги с его предисловием – «Летопись жизни и деятельности Н.Г. Чернышевского». Правда, вместо имени автора предисловия здесь значилось «От издательства» [Архив А.М. Горького, 1964: 44, 173-180].

Один только краткий перечень написанного Каменевым в Ми-

нусинске за полгода свидетельствует о большом интеллектуальном потенциале этого человека. Можно по-разному оценивать политическую и государственную деятельность Каменева, но нельзя игнорировать его вклад в отечественное литературоведение, публицистику и издательское дело. Между прочим, первая литературоведческая статья Каменева «Самый остроумный противник Герцена» была опубликована в журнале «Вестник Европы» в 1914 г. и уже тогда привлекла внимание известного пушкиниста С.А. Венгерова [Каменев, 1914].

Как утверждает уважаемая минусинская краевед и публицист Н.А. Калеменева, четверть века назад коренной житель города «с поразительно цепкой памятью» Г.Х. Исламов (ему было уже под восемьдесят!) в разговоре о прошлом поведал ей о том, что соратник Ленина Лев Борисович Каменев жил в Минусинске. Более того, он вспомнил: «Его дочь училась в нашей школе, я в восьмом классе, она – в девятом» [Калеменева, 2003б; Каменев, 1933]. Если первое свидетельство принимается без возражений и подтверждается, то к последнему отнесёмся критично, с пониманием.

Дело в том, что биографы Каменева однозначно указывают на то, что от первого брака с супругой Ольгой Давидовной Каменевой (Бронштейн), ровесницей мужа, сестрой Л.Д. Троцкого, у него было два мальчика: Александр или, как его ласково звали родители, Лютик (род. 1906 г.) и Юрий (род. 1921 г.). В браке со второй женой Татьяной Ивановной Глебовой (1928-1936 гг.) тоже было два сына: старший – у Глебовой от первого мужа, младший – Владимир Глебов (1929-1994 гг.) – ото Льва Борисовича. Возрастная разница между детьми была такая же, как и в первом браке – 16 лет [Васильева, 2012: 12, 13, 15]. Других детей, тем более девочек, у Льва Борисовича не имелось.

В 1920 г., правда, Каменев пытался взять на воспитание 10-летнюю Ариадну Чернову. Это история давняя: ещё в парижской эмиграции семья Льва Борисовича жила по соседству с семьёй лидера эсеров Виктора Михайловича Чернова; дети большевика Каменева и социалиста-революционера Чернова дружили, игра-

ли вместе. Однако впоследствии бывшие партийные союзники превратились в противников. И, когда в 1920 г. арестовали жену и трёх дочерей Чернова в качестве заложниц, Каменев в обмен на их свободу – и даже, по старой памяти, приём в свою семью их младшей дочки – предложил В.М. Чернову выйти из подполья и предстать перед советским судом. На это Лев Борисович получил не только возмущённый отказ, но даже был заклеймён как «сатрап новой власти». Так ничем завершилась история с вероятностью стать отчимом девочки. Трудно представить, что стало бы, если бы юная Ариадна Чернова всё-таки оказалась его воспитанницей. В 1930-х гг. она была бы уже взрослой девушкой и, как дочь Каменева, пусть приёмная, попала бы либо в ГУЛаг, либо под расстрел. Вероятнее второе, либо дважды оказалась бы дочерью врагов народа: и Чернова, и Каменева [Васильева, 2012: 17-18].

Ну, а по поводу того, что Г.Х. Исламов, якобы, учился с дочерью Каменева, может быть несколько суждений. Во-первых, Каменев – не такая уж редкая фамилия в нашем Отечестве. Поэтому вполне допустимо, что в минусинской школе в начале 1930-х гг. обучалась однофамилица, которую спустя десятилетия можно было по ошибке принять за дочь Льва Борисовича. Во-вторых, за такой продолжительный «срок хранения» не всякая «цепкая память» способна подлинно воспроизвести забытую реальность. В-третьих, вполне допустимо, хотя с наименьшей долей вероятности, что у нынешних исследователей биографии Л.Б. Каменева по каким-то, пока невыясненным, обстоятельствам отсутствуют необходимые доказательства присутствия дочери в семье сначала видного государственного и политического руководителя, а далее – минусинского политического ссыльного.

Известно, что Л.Б. Каменев был осуждён к ссылке на 3 года. Но случилось так, что срок ссылки завершился досрочно. Что же привело к такому радостному для ссыльного результату, какие обстоятельства и кто способствовали досрочному освобождению? В 1933 г. Каменеву было «предложено» написать «покаянное письмо», сделав это непременным условием его воз-

вращения в Москву. Повезла письмо в столицу в марте 1933 г. жена, Татьяна Ивановна, оставив сына с отцом. Яковлев попросил захватить с собой и его письма к родным. В Москве за письмами пришел сын А. Яковлева – Иван. В большой кооперативной квартире, которую Каменев купил после развода с первой женой, Иван застал Татьяну Ивановну одну: она сидела на единственной в квартире кровати и разговаривала по телефону. Другой мебели, даже стульев, в квартире не было [Чуковский, 1992: 36-37].

Татьяна Ивановна рассказала Ивану, что в Ачинске при пересадке с одного поезда на другой с ней произошла странная история. Внезапно её окружила толпа неизвестно откуда взявшихся людей, кто-то вырвал из её рук чемодан, где находилось и покаянное письмо Каменева, – и все исчезли так же неожиданно, как и появились. Жена Каменева заявила о случившемся в милицию. Через несколько часов чемодан со всем содержимым был ей возвращён. С полным основанием можно было считать всю эту «бандитскую акцию» операцией НКВД: очень хотелось покопаться без помех в багаже и поискать «компромат» на Льва Борисовича [Швилкин, 2002: 38].

В апреле 1933 г. минусинская ссылка Каменева завершилась, и он возвратился в Москву. 11 мая И.Ф. Масанов в письме историку и библиографу Ф.И. Витязеву в Ульяновск, где тот находился в ссылке, сообщил о событии, которое очень многих порадовало: «Вернулся в Москву Л.Б. Каменев, которого я три дня тому назад встретил в «Academia», а сегодня услышал весточку, что он уже снова стал во главе этого издательства» [Никитин, 1992: 122; Советская библиография, 1991, №2: 115-126]. К.И. Чуковский также отметил факт возвращения Каменева. 1 июня он записал в дневнике: «По-прежнему добродушный, радостный, но седой. За этот год голова у него совсем поседела... Каменев между прочим сказал: «Хорошо было мне в Минусинске: никто не мешал мне заниматься. Я написал там о Чернышевском (биографию Чернышевского) 12 п.л. Как жаль, что меня вернули в Москву. Там я написал бы о Некрасове, а здесь недосуг». Я ду-

маю, что это – рисовка и что на самом деле он очень рад своему возвращению в Москву» [Чуковский, 1992: 147].

Как нам удалось выяснить, освобождением из ссылки Каменев был обязан А.М. Горькому [Горький, 2002: 234]. Знаток закулисной жизни Кремля 30-х годов Б.И. Николаевский [Каменев, 1933] отмечал: «Горький устроил встречу Сталина с Каменевым, – встречу, во время которой, как тогда рассказывали, произошло нечто вроде объяснения в любви со стороны Каменева». Подробностей этого объяснения, происходившего с глазу на глаз, конечно, никто не знает, но в партийных кругах тогда с одобрением отмечали его результат: Сталин, как он сам заявил почти публично, «поверил Каменеву». Последний, якобы, откровенно рассказал о всей своей оппозиционной деятельности, объяснил, почему он был раньше против Сталина и почему он теперь окончательно перестаёт быть его противником. Тогда же передавали, что Каменев дал Сталину «честное слово» не заниматься больше никакими оппозиционными делами, – и за это не только получил широчайшие полномочия по руководству издательством «Академия», но и обещание в ближайшем же будущем быть снова допущенным к руководящей политической работе» [Николаевский, 1937].

После очередных унижительных покаяний 14 декабря 1933 г. Каменев в третий раз был восстановлен в ВКП(б) и вновь назначен директором издательства «Academia». Лев Борисович сразу же с головой ушёл в работу в акционерном книгоиздательском обществе. Он принял активное участие в хлопотах по изданию «Словаря псевдонимов» И.Ф. Масанова. Словарь предполагалось выпустить в 1933 г., но он вышел в свет лишь осенью 1936 г. Поскольку в нём оказались биографические справки о Н.И. Бухарине, Г.Е. Зиновьеве, Л.Б. Каменеве и других репрессированных партийных деятелях, весь тираж почти сразу был уничтожен. Второй и третий тома так и не вышли [Никитин, 1992; Орлов, 2012: 212-213].

Уже 29 апреля 1933 г. были сданы в набор «Повести и рассказы» А.И. Герцена с большой вступительной статьёй Каменева

«Беллетристика Герцена» (выпущены в свет в декабре 1933 г., на титульном листе – 1934). 15 мая была завершена работа над книгой И.С. Тургенева «Рудин. – Дворянское гнездо». В 1933 г. в серии «Иностранные мемуары» вышли в свет «Воспоминания идеалистки» М. Мейзенбуг в переводе с немецкого Н.А. Макшеевой, а в 1934 г. – «Сочинения» Макиавелли под редакцией А.К. Дживелегова. Все три издания предваряли аналитические предисловия Каменева. Вероятно, последнее из этих предисловий имел в виду прокурор А.Я. Вышинский, называя подсудимого Каменева «лицемерным последователем Макиавелли» [Крылов, 1993: 353].

28 мая 1933 г. Каменев направляет Ф.И. Витязеву в Ульяновск телеграмму с предложением прислать в издательство рукопись книги Е.А. Штакеншнейдер «Дневники и записки», которую предполагалось опубликовать в серии «Русские мемуары, дневники, письма и материалы». Каменев не только помог в издании этой книги, но и поддержал ссыльного учёного материально, выслав ему в счёт аванса 200 рублей [Советская библиография, 1991, № 1: 125-126]. Он поддержал и сосланного в Саратов академика Д.Б. Рязанова, который, по некоторым сведениям, переводил для «Academia» философский и социальный роман Э. Кабе «Путешествие в Икарию» и ряд других произведений [Рокитянский, 1992].

В конце 1933 – начале 1934 гг. Каменев проанализировал деятельность издательства и разработал его перспективный план. Была выдвинута идея выпуска Полного собрания сочинений А.С. Пушкина и начата работа над подготовкой этого грандиозного издания. «Каменев, – отмечает в дневнике К.И. Чуковский 19 февраля 1934 г., – возится с письмами Пушкина под ред. Модзалевского. Говорит, что примечания Модзалевского – это нагромождение такого необъятного количества фактов, что приходится перерабатывать каждую страницу [Чуковский, 1992: 155].

Льву Борисовичу довелось вести практически всю работу по подготовке и реализации мероприятий, посвящённых 100-ле-

тию со дня смерти А.С. Пушкина. К этому событию в 1935 г. был выпущен сборник «Рукою Пушкина: несобранные и неопубликованные тексты». Для решения этих практических вопросов Каменеву в 1933-1936 гг. приходилось неоднократно приезжать в Ленинград, где он установил контакты с Институтом русской литературы АН СССР (Пушкинским домом), а в нём – с заместителем директора – Ю.Г. Оксманом, что в дальнейшем негативно отразилось на его судьбе.

Зимой 1934 г. в своем выступлении на XVII съезде ВКП(б) Л.Б. Каменев заявил: «Если я с этой трибуны беру на себя смелость представить вам эту летопись поражений, эту летопись ошибок и преступлений, то только потому я могу это сделать, что чувствую в себе сознание того, что для меня это – перевернутая страница жизни, прошлое, труп, который я могу так же спокойно, без личных чувств анатомировать, как я анатомировал в былые времена и надеюсь, смогу ещё анатомировать политические трупы врагов рабочего класса, меньшевиков или троцкистов...Новая эпоха войдет в историю как эпоха Сталина, и на каждом из нас лежит обязанность всеми мерами, всеми силами, всей энергией противодействовать малейшему колебанию этого авторитета... Да здравствует наш вождь и командир товарищ Сталин!» [Речь..., 1934: 517, 521-522]

Видимо за это в 1934 г. его «наградили» ещё одним важным постом – директора Института мировой литературы АН СССР имени М. Горького.

В наброске плана мемуаров Ю.Г. Оксман уже в 1960-е гг. указывал: «Обязательно надо записать о моих встречах летом 1934 г. с Л.Б. Каменевым в Ленинграде, о поездке с ним в Михайловское. О встречах с ним же осенью 1934 г. в Москве. Встречи с Зиновьевым, которого Л.Б. сватал на роль автора популярной брошюры о Пушкине к юбилею. Репетицией этой брошюры должна была явиться статья Зиновьева в пушкинском томе «Литературного наследства». Встреча с Зиновьевым в конце ноября в кабинете Каменева. Сюда ввести рассказы Каменева о Сталине и Горьком. У Каменева: Щербаков и Луппол» [Зайцев, 1990: 534-535]. К со-

жалению, эти мемуары так и не увидели свет. Этому помешала смерть Ю.Г. Оксмана в 1970 г.

23 августа 1933 г. в письме М.А. Цявловскому Ю.Г. Оксман сообщал о согласии «самой высокой инстанции» издать Полное собрание сочинений А.С. Пушкина и провести научную конференцию [Зайцев, 1990: 535]. Это решение позволило «Academia» выпустить в 1935-1937 гг. сочинения поэта в шести и девяти томах. Издание было подготовлено А.К. Азадовским, М.А. Цявловским, СМ. Бонди, Ю.Г. Оксманом, Л.Б. Модзалевским, Ю.Н. Тыняновым и другими под общей редакцией Ю.Г. Оксмана и М.А. Цявловского. Рядом с этими именами на титульном листе по праву должно стоять и имя Каменева.

Ещё в январе 1934 г. руководитель издательства высказал идею издать «Бесы» Ф.М. Достоевского. В данном случае речь шла не о противостоянии сложившимся идеологическим установкам, не о «реабилитации» автора и его романа. «Редакционному совету «Academia», – писал Каменев, – казалась достойной мысль попытаться сразиться с Достоевским на его собственной почве, то есть дать его памфлет против революции с таким комментарием, который, стоя на достаточно высоком уровне, попытался бы действительно сломать жало этого романа-памфлета, служащего до сих пор арсеналом аргументов для всех противников социализма» [Издательство «Academia»..., 1934: 32]. Таким комментарием стало его предисловие, а также две статьи – П.П. Парадизова «Классовое лицо Достоевского» и Л.П. Гроссмана «Политический роман Достоевского». С этими страхующими статьями-обличениями книга и была сдана в набор 19 июля 1934 г. Предполагалось подготовить к печати книги стихов М.Л. Михайлова и А. Фета. Но у издательства не хватило ни времени, ни средств для этих изданий [РГАСПИ. Ф. 323. Каменев Лев Борисович. Оп. 1. Д. 5].

14 ноября 1934 г. Л.Б. Каменев в очередной раз приехал в Ленинград. Здесь он встретился с сотрудниками Пушкинского Дома Г.К. Гуковским, В.М. Жирмунским, Б.М. Томашевским, Ю.Н. Тыняновым, Б.М. Эйхенбаумом, К.И. Чуковским, Ю.Г. Окс-

маном, В.М. Саяновым и огласил предложение А.М. Горького написать руководство по технологии творчества. По свидетельству Чуковского оно всех удивило. «Мысль Каменева-Горького, – писал он, – такая: «поменьше марксизма, побольше формалистического анализа!..» Эйхенбаум сказал с большим достоинством: «Мы за эти годы отучились так думать (о приёмах). И по существу, потеряли к этому интерес. Отвлеченно говоря, можно было бы создать такую книгу... но ...» – Это была бы халтура... – подхватил Томашевский. Эйхенбаум: теперь нам пришлось бы пережёвывать либо старые мысли, либо давать новые, не то, не технологию, а другое (т.е. марксизм). Во всех этих ответах слышалось: а зачем, вы, черны вороны, Очи выклевали мне. Каменев понял ситуацию: «Ну что же! Не могу же я вас в концентрационный лагерь запереть» [Чуковский, 1992: 157].

Через месяц, в ночь на 16 декабря 1934 г., самого руководителя издательства «Academia» заперли в концентрационный лагерь. Сталин почувствовал, что авторитет Л.Б. Каменева в среде интеллигенции растёт. Он проявляет всё больше самостоятельности в суждениях и издательских делах. Воспользовавшись убийством Кирова, вождь народов решил устранить давнего конкурента (до этого в августе 1934 г. Каменеву было запрещено выступить на I съезде советских писателей). 20 декабря К.И. Чуковский записал в дневнике: «... В «Academia» носятся слухи, что уже 4 дня как арестован Каменев. Никто ничего определённого не говорит, но по умолчаниям можно заключить, что это так. Неужели он такой негодяй? Неужели он имел какое-нибудь отношение к убийству Кирова? В таком случае он лицемер сверхъестественный, т.к. к гробу Кирова он шёл вместе со мною в глубоком горе, негодуя против гнусного убийцы. И притворялся, что занят исключительно литературой. С утра до ночи сидел с профессорами, академиками – с Оксманом, с Азадовским, толкуя о делах Пушкинского Дома, будущего журнала и проч. Взял у меня статью о Шекспире, которая ему очень понравилась, звонил мне об этой статье ночью – указывал, как переделать её, спрашивал о Радловском переводе «Отелло» – и,

казалось, весь поглощён своей литературной работой. А между тем...» [Чуковский, 1992: 159].

Интересно, что следом за Каменевым разрешили вернуться из минусинской ссылки и А.И. Яковлеву. Тут и родился один совместный издательский проект: Алексей Иванович предложил Льву Борисовичу издать в «Academia» роман В. Скотта «Айвенго», снабдив его специально подобранными иллюстрациями XIII в., которые можно было найти в фондах Ленинской библиотеки. Каменеву предложение Яковлева понравилось, и он включил книгу в план издательства, но предложил в качестве художника своего родного брата Николая. Книга была полностью подготовлена к изданию, но так и не увидела свет – на дворе стоял уже конец 1934 г. ... Как раз в это время А.И. Яковлев пригласил супругов Каменевых к себе в гости. Те обещали прийти, но почему-то не пришли. Впрочем, Лев Борисович успел позвонить Яковлеву и извиниться: не время, мол, по гостям ходить – убит Киров, и это не может остаться без последствий. Последствия не замедлили сказаться: вскоре свинцовая точка завершала карьеру Каменева [Швилкин, 22: 38-39].

16 декабря 1934 г. Л.Б. Каменев был арестован по обвинению в соучастии в убийстве С.М. Кирова. Мягковатый и умный Каменев, близко знавший Сталина, осознал свою будущую участь и ужаснулся. Он, пожалуй, впервые попытался отмежеваться от Зиновьева. Однако это только на время смягчило его участь. Стараниями писателя-следователя Л. Шейнина и прокурора А.Я. Вышинского, Военной коллегией Верховного суда СССР 16 января 1935 г. он был приговорён по делу мифического «Московского центра» как второстепенный участник заговора «лишь» к 5 годам тюремного заключения и отправлен в Челябинск [О деле..., 1989; О так называемом..., 1989].

Через два дня после судебной расправы К.И. Чуковский вновь доверил дневнику свои чувства и мысли: «Очень волнует меня дело Зиновьева, Каменева и других. Вчера читал обвинительный акт. Оказывается, для этих людей литература была дымовая завеса, которой они прикрывали свои убогие политические цели.

А я-то верил, что Каменев и вправду волнуется по поводу переводов Шекспира, озабочен юбилеем Пушкина, хлопочет о журнале Пушкинского Дома и что вся его жизнь у нас на ладони. Мне казалось, что он сам убедился, что в политике он ломаный грош, и вот искренне ушёл в лит-ру – выполняя предначертания партии. Все знали, что в феврале он будет выбран в академики, что Горький наметил его директором Всесоюзного Института Литературы, и казалось, что его честолюбие вполне удовлетворено этими перспективами... Мы, литераторы, ценили Каменева: в последнее время, как литератор, он значительно вырос, его книжка о Чернышевском, редактора «Былого и дум» стоят на довольно высоком уровне. Приятная его манера обращения с каждым писателем (на равной ноге) сделала то, что он расположил к себе: 1. всех литературоведов, гнездящихся в Пушкинском Доме; 2. всех переводчиков, гнездящихся в «Academia» и проч., и проч., и проч. Понемногу он стал пользоваться в литер. среде некоторым моральным авторитетом – и всё это, оказывается, было ширмой для него, как для политического авантюриста, который пытался захватить культурные высоты в стране, дабы вернуть себе утраченный политический лик.

Так ли это? Не знаю. Похоже, что так.

О его политической карьере я не знаю ничего, но как литератор он был мне кое в чём симпатичен (хотя его разговоры о Мандельштаме, его статьи о Полежаеве, Андрее Белом и проч. свидетельствовали о полном непонимании поэзии)» [Чуковский, 1992: 162].

Под давлением следователей НКВД, наркома Ягоды, секретаря ЦК ВПК(б) Ежова и самого Сталина большевик Каменев вынужден был во избежание худшего согласиться с «моральной ответственностью» за убийство Кирова. 27 июля 1935 г. состоялся новый суд над Л.Б. Каменевым, которого осудили уже на 10 лет по так называемому «Кремлёвскому делу» (Кремлевской библиотеки и комендатуры Кремля). Последовал перевод в Верхнеуральский политизолятор. Не сломленный, он продолжает работать над рукописью о Пушкине. «Сейчас, – пишет 24

сентября 1935 г. Лев Борисович в Бийск жене Татьяне Ивановне, сосланной сюда с малолетним сыном, – я дошёл уже до его дуэли и смерти. Это, собственно, тема для трагедии... В сотый раз перечитывая обстоятельства этой смерти, не могу не отдаваться чувствам. Старик Спиноза учил: «не плакать, не радоваться, а понимать». Но глава моего исследования о гибели Пушкина, будет по существу полемикой с ним. Я хочу показать, что можно понять обречённость Пушкина и всё же не признавать его ни в чём виновным» [Максимова, 1990].

Вскоре – 24 августа 1936 г. – Л.Б. Каменева вновь отдали под суд по сфабрикованному делу «Троцкистско-зиновьевского объединённого центра». В застенках НКВД довольно быстро превратили бывших профессиональных революционеров в безвольных и на всё готовых безликих существ. И Зиновьев, и Каменев писали из своих камер жалкие славословия Сталину в надежде расшевелить память тирана о днях совместной борьбы за власть Советов [Лев Борисович Каменев, 1990]. Но Сталину нужен был громкий показательный процесс, который бы запугал, подавил и других возможных его соперников и навёл бы ужас на соратников. Морально и физически сломленные на процессе Каменев и Зиновьев признались в терроризме, вредительстве, шпионаже. 25 августа этого же года они были расстреляны. Льву Борисовичу Каменеву было 53 года. Реабилитирован он был Пленумом Верховного суда СССР 13 июня 1988 г. [Кузменкин, 2016; Орлов и др., 2012: 212-213; Отечество, 1999: 246].

После расправы с Л.Б. Каменевым были расстреляны 2 его сына: старший – 10 мая 1937 г., младший – в 1938 г. Супруга Ольга Давидовна Каменева (Бронштейн) расстреляна осенью 1941 г. Репрессиям подверглась семья старшего сына – сноха Галина Кравченко и внук Виталий. По «Кремлевскому делу» также к 10 годам тюрьмы были приговорены его брат Николай Борисович Розенфельд (1886-1937 гг.) с женой Ниной Александровной, старшим библиотекарем библиотеки Кремля. Брат Каменева Николай – иллюстратор книг «Academia». Среди них «Ярмарка тщеславия» У. Теккерея (1933-1934), «Конёк-Горбунок» П. Ершо-

ва и «Очарованный странник» Н. Лескова (1934), «Сочинения» Г. Бюхнера и «Семеро братьев» А. Киви (1935). Была отправлена в 1935 г. в лагерь и расстреляна в 1937 г. вторая жена Каменева Татьяна Ивановна Глебова-Каменева-Афремова. Она также сотрудничала с «Academia». Жертвами репрессий стали Я.Э. Голосовкер, Ф.И. Витязев, Д.П. Мирский (Святополк-Мирский), Ю.Г. Оксман, Г.Г. Шпет, Б.И. Ярхо, А.М. Эфрос, В.И. Невский, И.Т. Смилга и другие работники издательства. Начались гонения и на книги «Academia», вышедшие в свет за два года (1934-1935) [Васильева, 2012: 17-19; 23, 356].

20 января 1935 г., сразу после окончания первого процесса над Л.Б. Каменевым, «Правда» публикует клеветническую статью Д. Заславского «Литературная гниль», написанную, как предполагают, по приказу Сталина, переданному через Н.И. Ежова [Берберова, 1991: 301]. Автор безапелляционно заявил, что «Бесы» – это грязнейший пасквиль против революции и его издание «нельзя не признать по меньшей мере странным». Горький не только взял под защиту это издание, но даже предложил издать такие ненавистные партийным идеологам книги, как «Взбаламученное море» А.Ф. Писемского, «Некуда» Н. Лескова, «Марево» Клюшникова. Последовала новая статья Заславского. Он, в частности, заявил: «Не следует с благодушной терпимостью открывать шлюзы литературных нечистот» [Крылов, 1993: 355].

Несмотря на столь яростную критику, книга, подписанная в печать 29 декабря 1934 г., всё же вышла в свет. Правда, вместо предисловия Каменева напечатано вступление «От издательства». Однако замысел Горького и Каменева оказался незавершённым. Вышел лишь первый том, тираж которого, как уже отмечалось, осуществлён не был, сохранились отдельные экземпляры (например, в Музее книги РГБ). Такая же участь постигла и перевод книги немецкого социалиста, идейного противника К. Маркса и Ф. Энгельса, С. Борна «Воспоминания деятеля 1848 года» с предисловием Г.Е. Зиновьева [Крылов, 1993: 356].

Но Горький продолжил неравную борьбу. В марте он направляет главному редактору «Правды» Л.З. Мехлису письмо,

в котором обращает внимание на ошибочную, по его мнению, оценку сборника «Песни Первой французской революции (1789-1792)» [Горький, 1955: 386], данную редактором газеты «За коммунистическое просвещение» В. Жебровым в «Правде» 15 марта 1935 г. Горький, как мог, противодействовал назначению на пост заведующего издательством «Academia» П.И. Лебедева-Полянского, вновь вступился за Каменева, когда жизни его угрожала реальная опасность. Один из руководителей партии меньшевиков историк и публицист Б.И. Николаевский отмечал: «Все эти усилия остались безрезультатными. Сталин перестал приходить к Горькому, не подходил к телефону на его вызовы... Горький бунтовался, дошло даже до того, что он потребовал выдачи ему паспорта для выезда за границу. В этом ему было категорически отказано, но до более внушительных мер против него не дошло: всё-таки Горький, это – Горький, с поста его не снимешь, от должности не отставишь...» [Николаевский, 1937: 22]. До самой своей кончины 18 июня 1936 г. Максим Горький старался отстоять Каменева.

Из «Сказок» К.И. Чуковского по указанию А.И. Стецкого был изъят «Крокодил», а тираж книги в оформлении В.М. Конашевича до читателя не дошёл. Но это были отголоски ещё прошлой борьбы с «Чуковщиной». Она была начата Н.К. Крупской, опубликовавшей 1 февраля 1928 г. в «Правде» статью «О «Крокодиле» К. Чуковского» [Чуковский, 1992: 159, 160, 170, 189].

Одной из последних книг «Academia» стали «Избранные стихи» В.В. Маяковского. Они были напечатаны по прямому указанию Сталина и вышли в свет в 1936 г. под редакцией Л.Ю. Брик. В предисловии была приведена известная оценка творчества поэта, начертанная Сталиным на письме Л. Брик. В 1937 г. издательство прекратило научно-просветительскую деятельность. Но ещё два года выходили тома с пометкой «Книга подготовлена издательством «Academia».

За пятнадцать лет существования «Academia» внесла огромный вклад в развитие отечественной культуры. Она выпустила в свет свыше 1000 наименований книг русской и мировой

классики, мемуары, труды по искусству и литературоведению, знакомила читателей с актуальными проблемами науки, техники, общественной мысли. Были напечатаны научные труды Российского института истории искусств, Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом), Философского общества при Петроградском университете, классические произведения утопического социализма. Были разработаны подлинно научные принципы издания литературных памятников. Здесь трудились лучшие переводчики, сделавшие доступными для отечественного читателя произведения мирового уровня. Художникам издательства удалось достигнуть гармонии содержания и оформительского искусства.

В настоящее время книги «Academia» – библиографическая редкость. В крупнейших хранилищах России, в том числе в РГБ, из большей части книг, как основного фонда, так и Музея книги, вырезаны все предисловия Каменева (лишь немногие из них отражены в библиотечных каталогах), а его имя тщательно стёрто (или же замазано черной тушью) с титульных и авантитульных листов, вымарано в оглавлениях. Такая же участь постигла книги с предисловиями Л.Б. Каменева, выпущенные другими издательствами. Среди них: А. Белый «Начало века», Н.В. Гоголь «Мёртвые души», А.И. Герцен «Былое и думы», собрание сочинений А.И. Герцена и др. Ряд изданий, например известный словарь псевдонимов И.Ф. Масанова (1936), сохранился лишь в единичных экземплярах, так как большая часть его тиража, как и тиражей ряда других изданий, была уничтожена [Крылов, 1993: 357]. Но, тем не менее, среди подлинных ценителей книги память об издательстве жива.

На отечественное книжное дело «Academia» оказала большое влияние. Её идеи и традиции реализовались в серии «Литературные памятники», в работе «Науки», «Художественной литературы» и других издательств. При активном участии учёных и специалистов Российской академии наук с 1991 г. вновь выходят из печати книги со знаменитым фирменным знаком «Academia». Одно из лучших отечественных издательств возрождено.

Стоит отметить, что Каменев послужил прототипом главного героя рассказа В. В. Набокова «Истребление тиранов», написанного в 1936 г. в Берлине. Обстоятельства допросов и расправы над Каменевым в 1988 г. описаны в романе А. Рыбакова «Тридцать пятый и другие годы» (продолжение романа «Дети Арбата»).

О Владимире Львовиче Каменеве-Глебове многие знали только как о сыне старого большевика Льва Каменева. Но он и сам был очень интересным человеком с непростой судьбой.

Как уже было упомянуто выше, в ссылке в Минусинске сын Каменева Владимир Львович Глебов оказался, когда ему было... три года, а в шесть лет он уже был в следующей ссылке – в Бийске. Когда арестовали его маму, он оказался сначала в Бийском детприёмнике, а затем шесть лет скитался по разным детским домам Западной Сибири. Тогда и появилась у него другая фамилия. Об этом он рассказывал так: «Однажды в спецдетдоме меня вызвал какой-то дядя и сказал, что на тетрадках я теперь должен писать Каменев-Глебов. Через некоторое время опять вызывают и объясняют, что писать надо: Глебов-Каменев. Ну а потом Каменев исчез вообще... Или так было безопаснее, и администрация себя страховала или это делалось из жалости к нам, потому что понятно было, что означали в те годы эти слишком громкие фамилии» [Кузменкин, 2016].

Владимиру Львовичу, получившему фамилию своей мамы – второй жены Л.Б. Каменева, в 1950 г. дали 10 лет лагерей. Тогда шли зачистки во избежание рецидива «Ленинградского дела»; арестовали его сразу после сдачи зимней сессии на 5-м курсе истфака ЛГУ. Тогда-то и выяснилось, что это его... третий срок и он – профессиональный рецидивист! [Васильева, 2012: 18] Следователь пояснил удивлённому студенту, что его «мелкий» возраст (3 и 6 лет) и следование в ссылки за осуждёнными родителями не снимали с него вины [Швилкин, 2002: 46].

Так он оказался в Волго-Донлаге, потом были Горьковский каютенный централ и Унжлаг. Когда Владимира спрашивали, что он здесь делает, то ответ был такой: «Строю социализм». Претензий к Советской власти не предъявлял: «Она при своём, и я

при своём». О том времени он не оставил воспоминаний: «Не пишу потому, что не хочу быть среди пенкоснимателей». Лишь однажды Владимир Львович рассказал про «Союз студентов, офицеров и бандеровцев»: «Мы, политические, решили держаться вместе против уголовников, и враг у нас был один – Сталин. С полицией, конечно, ничего общего не было, но такой союз давал нам возможность быть независимыми от блатных постоять за себя. Дрались постоянно...» [Кузменкин, 2016]. Освободили и реабилитировали его в июне 1956 г. К этому времени из 27 лет собственной жизни 18 лет Владимир провёл в ссылках и лагерях [Васильева, 2012: 18].

Университет окончил в числе пяти лучших на курсе. Собирался в аспирантуру, но «сказали, что партия, народ и лично Никита Сергеевич просят помочь...». Вот так и оказался в Западной Сибири, работал в сельских школах Тогучинского района. В 1963 г. пришёл в НЭТИ и 31 год преподавал там философию, стал профессором. Каменев-Глебов был одним из известных исследователей-славистов – его всегда интересовала история славян. Написал более полусотни работ по культурологии, философии, истории, печатался в периодике. Но многие будут его помнить, как одного из тех людей, без которых не было бы кафедры истории мировой культуры в НЭТИ (теперь НГТУ). Специально, чтобы его послушать, пообщаться, многие ехали в НЭТИ [Кузменкин, 2016].

Разумеется, когда появилось общество «Мемориал», он оказался в его рядах. А в 1989 г. стал одним из инициаторов создания Новосибирского «Союза репрессированных». Каменев-Глебов и его соратники не митинговали и не занимались политикой. Как вспоминает один из его товарищей: «Нам надо было помогать людям юридическими консультациями, содействием по реабилитации, практическими делами». Он ушёл в марте 1994 г. [Кузменкин, 2016]

Таким образом, власть и её представители всегда играли в России некую сакральную роль. Как и многие другие представители руководящей партийной верхушки первых десятилетий, Л.Б. Каменев прошёл путь от кумира и вождя пролетарских масс до «вре-

дителя» и «врага» социалистического Отечества. Причастность к элите партии предопределила судьбу Л.Б. Каменева. Он был участником и фигурантом всех идеологических разбирательств 1920-х – начала 1930-х гг. Он был среди победителей и побеждённых, осуждавших и раскаявшихся, обласканных вождём и наказанных им. Огромную роль в трудной политической биографии Л.Б. Каменева сыграли его знания и талант. Но его работоспособность, связи и вес в партии, прекрасные ораторские данные, несомненные литературные способности неумолимо вовлекали его во внутрипартийную борьбу. Заметим, что о Л.Б. Каменеве в исторической публицистике написано неоправданно мало. Масштабы его деятельности были гораздо шире, чем сложившееся о нём ещё в доперестроечное время представление, как о «младшем партнёре» Зиновьева [Балбышкин, 2003: 284-285].

Он был одним из наиболее умеренных и образованных большевиков, склонных к социал-демократическим взглядам. Но в пылу борьбы с Троцким он (и Зиновьев), более чем кто-либо другой, способствовал созданию Сталиным его тоталитарной Системы единоличной власти. Репрессивная машина этой Системы уничтожила Каменева одним из первых. «Известно, что когда оппозиция была разгромлена, у Сталина состоялась беседа с отцом. Отец ответил ему, что признаёт победу Сталина, но не признает его право на извращение учения Ленина. Смерть отец принял мужественно» [Швилкин, 2002: 44]. Его трагический уход означал конец целой эпохи.

Амашер Корин (Женевский университет, Швейцария) справедливо заметил, что «в судьбе Каменева отразился «великий перелом», который совершился в Советском Союзе и вследствие которого целый историографический пласт (прежде всего историография либерального направления) был предан забвению вплоть до начала перестройки» [Амашер, 2017: с. 638]. При этом весьма знаменательно, как вспоминал сын: «Отец искренне верил, что выход из тогдашнего российского тупика лежал на путях марксизма». [Швилкин, 2002: 47]. По утверждению сына, в своей жизни Л.Б. Каменев сидел одиннадцать раз: четыре раза

при царе, однажды при Керенском, дважды в Англии, ещё один раз у белофиннов и три раза при Сталине; который, в конце концов, и убил его... [Кузменкин, 2016]. Предпоследним же этапом в жизни этого выдающегося, неординарного человека, государственного, политического и литературного деятеля была минусинская ссылка.

Список литературы и источников

1. АГМ. Ф. Р-143. Оп. 1. Д. 2. Л. 13.
2. АГМ. Ф. Р-325. Оп. 1. Д. 2. Л. 1-35.
3. АГМ. Ф. Р-325. Оп. 1. Д. 3. Л. 1-72.
4. Амашер К. Лев Каменев, исследователь творчества Александра Герцена: интеллигент меж двух берегов // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2017. Т. 14. Вып. 4. С. 625-642.
5. Анфертьев И.А. «Дело М.Н. Рютина» в судьбе Г.Е. Зиновьева и Л.Б. Каменева. Октябрь 1932 г. // Исторический архив. 2006. № 1. С. 64-94; № 2. С. 11-32.; № 3. С. 3-19.
6. Архив А.М. Горького. М.: Наука, 1964. Т. 10. Кн. 1: М. Горький и советская печать. 415 с.
7. Балбышкин Ю.А. Партийно-государственная деятельность Л.Б. Каменева в 1901-1936 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2003. 211 с.
8. Берберова Н.Н. Железная женщина. М.: Политиздат, 1991. 383 с.
9. Васильева Л. Дети Кремля. М.: Изд-во «Бослен», 2012. 504 с.
10. Горький М. Неизданная переписка. М.: Наследие, 2000. 342 с.
11. Горький М. Собрание сочинений: в 30-ти т. / Акад. наук СССР. Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1949-1955. Т. 30: письма, телеграммы, надписи: (1927-1936): 1955. 819 с.
12. Енисейский энциклопедический словарь / Гл. ред. Н.И. Дроздов. Красноярск: КОО Ассоц. «Рус. энцикл.», 1998. 736 с.
13. Зайцев А.Д. «Человек жизнерадостный и жизнедеятельный...» (Набросок портрета Ю.Г. Оксмана по материалам его архива) // Встречи с прошлым. М.: Советская Россия, 1990. Вып. 7.
14. Издательство «Academia» к XVII съезду ВКП(б): задачи, перечень изданий, план. М.; Л.: Academia, 1934. 118 с.
15. Калеменева Н.А. История города – судьбы людей // Хакасия: ежеднев. респ. газета. 2003. № 106 (19963). 10 июня.

16. Калеменева Н.А. Место ссылки – Минусинск // *АиФ на Енисее*. 2003. 9 июля.
17. Каменев Л.Б. Предисловие (О Полежаеве) // Полежаев А.И. Стихотворения. – М.; Л.: Academia, 1933. 704 с. С. 3-35.
18. Каменев Лев Борисович (Розенфельд) // Вронская Д., Чугуев В. Кто есть кто в России и бывшем СССР / пер. с англ. – М.: ТЕРРА, 1994. – 688 с. – С. 231-232.
19. Каменев (Розенфельд) Лев Борисович // Великая Октябрьская социалистическая революция: энциклопедия. – 3-е изд., доп. – М: Сов. энциклопедия, 1987. – 639 с., ил. – С. 219-220.
20. Каменев Ю. Самый остроумный противник Герцена // *Вестник Европы*. 1914. № 448(4). С. 118-160.
21. Каменев Л.Б. Чернышевский. М.: Жургаз, 1933. 196 с. (ЖЗЛ; 13).
22. Крылов В.В. «Живая энциклопедия революционного и освободительного движения» // *Библиография*. 1992. № 5/6. С. 121-137.
23. Крылов В.В. Издательство «Academia» – бесценный вклад в духовную культуру // *Вестник Российской Академии наук*. М.: Изд-во «Academia», 1993. Т. 63. № 4. С. 348-357.
24. Крылов В.В. Л.Б. Каменев – директор Пушкинского Дома (Штрихи к портрету) // *Источниковедение и краеведение в России*. М.: РГГУ, 2000. С. 447-450.
25. Крылов В.В. «Прошу не оставлять литературной работы» (О Л.Б. Каменеве) // *Советская библиография*. 1989. № 2 (март-апрель). С. 63-70.
26. Крылов В.В., Кичатова Е.В. Издательство «Academia», люди и книги: 1921-1938-1991. М.: Academia, 2004. 328 с.
27. Кузменкин В.И. Глебов. Он же Каменев // *Библиотека сибирского краеведения*. 2016. Июнь. Вып. № 65. <http://bsk.nios.ru/content/glebov-zhe-kamenev>.
28. Лев Борисович Каменев: официальная справка члена ЦК // *Известия ЦК КПСС*. 1990. № 7. июль. С. 99: порт.
29. Максимова Э. Квадратура круга. Письма Л.Б. Каменева из тюрьмы // *Известия*. 1990. 22 марта. № 81. С. 3.
30. Минусинск // *Города России: энциклопедия* / гл. ред. Г.М. Лаппо. М.: Бол. Рос. энциклопедия, 1994. 559 с.: ил., карты.
31. Музыка Ф. Каменев Лев Борисович (авторизованная биография) // *Деятели СССР и революционного движения России: энциклопедический словарь Гранат*. Репринтное изд. М.: Сов. энциклопедия, 1989. 832 с., ил. С. 427-430.

32. Никитин Е.Н. К истории создания «Словаря псевдонимов русских писателей, учёных и общественных деятелей» И.Ф. Масанова // Книга: Исследования и материалы. М., 1992. Вып. 64. С. 90-98.

33. Николаевский Б.И. Как готовился московский процесс: из письма старого большевика // Социалистический вестник. Париж. 1937. № 1Д. С. 19-22.

34. Ноздрин Г.А. Каменев Л.Б. // Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. Т. 2. Новосибирск: Изд. дом «Ист. наследие Сибири», Ин-т истории СО РАН, 2010. 807 с.

35. О деле так называемого «московского центра»: справка КПК при ЦК КПСС и ИМЛ при ЦК КПСС // Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 64-85.

36. О так называемом «кремлёвском деле»: справка Прокуратуры СССР и КГБ СССР // Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 86-93.

37. Орлов А.С., Георгиева Н.Г., Георгиев В.А. Исторический словарь. 2-е изд. М.: Проспект, 2012. 592 с.

38. Отечество. История, люди, регионы России: энцикл. словарь. М.: Бол. Рос. энциклопедия, 1999. 799 с.

39. «Поздно мы с Вами познакомились...»: из переписки И.Ф. Масанова и Ф.И. Витязева / публ. подгот. Е.Н. Никитин // Советская библиография. 1991. № 1. С. 125-132; № 2. С. 115-126.

40. РГАСПИ. Ф. 323. Каменев Лев Борисович. Оп. 1. Д. 5.

41. Речь товарища Каменева на XIV съезде ВКП(б) // Стенографический отчёт XIV съезда ВКП(б). М.-Л.: ГИЗ, 1926. С. 274-275.

42. Речь товарища Каменева на XVII съезде ВКП(б) // XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии. 26 января – 10 февраля 1934 г.: стенографический отчёт. М.: Партиздат, 1934. 716 с. С. 516-522.

43. Рокитянский Я.Г. Трагическая судьба академика Д.Б. Рязанова // Новая и новейшая история. 1992. № 2. С. 137-138.

44. Ходасевич В. «Начало века» // Возрождение. 1934. 28 июня, 5 июля; Новый мир. 1990. № 3. 272 с.

45. Черняев В.Ю. Лев Каменев // Работы Л.Б. Каменева в фондах библиотеки Российской Академии наук / сост. Н.Б. Парамонова. СПб.: БАН России, 1992. 39 с., [1] л. портр. С. 13-39.

46. Чуковский К.И. Из дневника / публ., вступл., коммент. Е.Ц. Чуковской // Знамя. 1992. № 11. С. 137-189.

47. Швилкин Б.Н. Рассказы университетского профессора / ред. О.В. Салецкая. М.: Физич. факультет МГУ; отдел оператив. печати, 2002. 52 с.

48. Шиферсон Б. Слово об отце // Ленинградская правда. 1989. 5 нояб.
49. Эльсберг Ж. Новое издание «Былого и дум» А.И. Герцена // Литературное наследство. 1933. Т. 7/8. С. 462-471.
50. Энциклопедический словарь: в 3 т. Т. 2. М.: Гос. науч. изд-во «Большая Советская энциклопедия», 1954. 720 с.
51. Энциклопедия Красноярского края. Юг. Красноярск: Изд-во «Буква С», 2008. 592 с.

Alexander I. Pogrebnyak
Candidate of Sciences in History

Minusinsk, Krasnoyarsk Territory, Russia

Abstract. In article on the basis of a variety of historical material, mostly witnesses and memoirs of contemporaries, an attempts is made to identify the grounds for political exile of L.B. Kamenev, briefly describe the procedures for arrest, conviction and expulsion, to show the life and work of the exile in Minusinsk, to explain the reasons for early termination of the period of political exile.

Keywords: L.B. Kamenev; professional revolutionary; state, political and literary figure; oppositionist; arrest; political exile; Minusinsk.

УДК 94(47). 084. 3

КОМАНДНЫЙ СОСТАВ ПАРТИЗАНСКИХ ЧАСТЕЙ СТЕПНО-БАДЖЕЙСКОГО И МИНУСИНСКОГО ФРОНТОВ

А.П. Шекшеев

к.и.н.

Республика Хакасия, г. Абакан

Данная статья создана с целью выявления и анализа биографических сведений о лицах, которые командовали красными партизанами, сражавшимися во время Гражданской войны с войсками Российского правительства А.В. Колчака на территории Красноярского, Канского и Минусинского уездов Енисейской губернии. Происхождение и жизненный путь 32 человек – руководителей крестьянского повстанчества говорят о том, что оно было сложным социально-политическим явлением. Многие из партизанских вождей участвовали в революционном движении и возглавили восставших крестьян, бежав из заключения или находясь под угрозой репрессий со стороны антибольшевистской администрации, но коммунистами стали лишь с победой Советской власти. В основном они были из крестьян, ядро которых составляли переселенцы. Образовательный уровень партизанских командиров был крайне низким, однако это были лица, авторитетные среди односельчан и знавшие военное дело.

Ключевые слова: белые, большевики, восстания, крестьяне, партизаны, партизанские районы и полки, переселенцы, Советская власть, социалисты-революционеры.

Гражданская война вынесла на историческую сцену множество лиц, ранее неизвестных российскому обывателю. Такими, к примеру, были вожаки крестьянского повстанчества, направленного против власти Российского правительства А.В. Колчака. Названное в советское время «партизанским движением», это явление было окружено мифами, созданными его участниками и историками, а биографии повстанческих вожаков рассказывали о героике борьбы за Советскую власть, но умалчивали о внутренних отношениях в партизанском лагере и о

кончине многих из числа этих исторических персонажей. Одна из попыток объективного освещения их жизни была осуществлена автором на страницах научного издания [Шекшеев, 2006]. Между тем за прошедшее после публикации время информационное поле о данной категории лиц существенно расширилось, что и заставило нас вновь обратиться к этой теме.

Крестьянское восстание в Степно-Баджейской волости Красноярского уезда Енисейской губернии началось в ночь на 2 декабря 1918 г., когда группа лиц, настроенных против существующей власти, захватила волостную управу. 4 декабря созданный ею сельский сход создал совет, ВРШ и вооруженный отряд. Повстанцы заняли с. Кияй, Нарва и Шало. Получив известие о начале восстания, участники собрания, состоявшегося 23 декабря того же года в с. Перово Канского уезда, ликвидировали волостной орган правления. На следующий день созданный сход решил поддержать антиправительственное выступление и объявил мобилизацию фронтовиков. 8 декабря началось восстание в с. Рыбинское, затем появились партизанские группы в Агинской, Ирбейской, Вершино-Рыбинской, Тальской и Уярской волостях, которые влились в перовский отряд.

Под воздействием боевых успехов партизан и по решению крестьянских сходов в Заманском районе Красноярского уезда и в южной части Канского уезда образовался партизанский район. В начале марта 1919 г. в д. Умбаж прошел 1-й армейский съезд, на котором было, согласно воспоминаниям, официально провозглашено создание Степно-Баджейской советской республики и избраны руководящие органы партизанской армии во главе с командующим А.Д. Кравченко. На заключительном заседании съезда был избран высший орган республики – Объединенный совет рабочих, крестьянских и партизанских депутатов под председательством П.П. Петрова. В середине апреля 1919 г. с повстанцами соединился действовавший в северных волостях Ачинского уезда отряд П.Е. Щетинкина численностью от 300 до 600 человек. Численность повстанцев, которые образовали Манский, Канский, Тальский и Северо-Ачинский полки, с де-

кабря 1918 г. по апрель 1919 г. выросла с 2-3 до 5-6 тыс. человек, вооружённых 10 пулемётами. Состоявшийся 25 апреля в с. Вершино-Рыбное 1-й съезд представителей советов Канского, Красноярского, Ачинского уездов и партизанских частей занялся налаживанием внутренней жизни района и подтвердил просоветскую направленность крестьянской борьбы.

С целью ликвидации этого мятежа и восстановления порядка в тыловых районах 14-15 мая 1919 г. правительственные войска численностью в 12-15 тыс. штыков и сабель, среди которых находились чешские, итальянские части и енисейские казаки, с использованием 20-25 орудий и 50 пулемётов начали наступление на Заманье. После тяжелых многодневных боёв партизаны 14 июня покинули с. Степной Баджей, оставив белым 500 трупов и 240 раненых [Шекшеев, 2006 (Крестьянское повстанчество...): 105-106; Шишкин, 2009].

Неожиданно для властей партизаны в составе 1370 штыков и сабель, бойцов пулемётной роты и хозяйственной команды, больных и раненых, а также 3257 беженцев 24-25 июня появились на территории Минусинского уезда. Но попытки их переправиться через р. Тубу с целью овладения Минусинском, богатым продовольственными запасами, оказались неудачными. Лишь 29 июня партизанские части вышли в район с. Каратуз и затем, форсировав р. Амыл, заставили дружинников и казаков оставить позиции. Продолжая наступать в сторону уездного центра, партизаны 4 июля заняли д. Жеблахты. Созданные властями вооруженные силы общей численностью в 2 тыс. штыков и 700 казаков под командованием есаула Г.К. Бологова выдвинулись в район селений Казанцево-Козлово. 6 июля дружинники, выдержав наступление партизан, отбросили их и освободили захваченные селения. 7 июля ударники-казаки и бойцы отряда особого назначения сбили партизан с позиций и заставили их оставить с. Ермаковское. Потерпев поражение в бою у с. Верхний Кебеж, партизаны бежали через д. Григорьевку на Усинский тракт. Отрезанный быстрым продвижением казаков от основных сил, Щетинкин с двумя ротами и эскадроном

был вынужден их догонять таёжными тропами. 18 июля 1919 г. партизанские части вошли в г. Белоцарск, административный центр Урянхайского края [Шекшеев, 2014].

Появление партизан в Урянхае вызвало панику среди краевой администрации и её защитников, которые разбежались, оставив вооружение и боеприпасы. Пришедшая в состоянии полураспада и разбросанная в окрестностях Белоцарска, партизанская армия в ночь на 28 (15) августа 1919 г. неожиданно подверглась нападению правительственного отряда Бологова. Но бой закончился победой красных партизан [Шулдяков, 2008; Шекшеев, 2011]. Потери только 1-го Енисейского казачьего полка составили убитыми 148 станичников и пятеро офицеров (сотник Л.И. Малышев, А.С. Хессин (звание неизвестно), хорунжий К.Н. фон Езерский, прапорщики И.А. Трофимов и К.И. Жданов). Кроме того, погибли 4 и были ранены 8 сибирских казаков, среди пехоты убитыми оказались три офицера и около 200 солдат и дружинников, 100 солдат пропали без вести и 280 лиц рядового состава сдались [Паршуков, 2015; Гражданская война в Сибири].

Победа партизан в этом бою позволила реорганизовать армию и определила судьбу юга Енисейской губернии: состоявшийся после него армейский съезд постановил наступать на Минусинск. 4-8 сентября 1919 г. армия А.Д. Кравченко и П.Е. Щетинкина оставила Белоцарск, выдвигаясь в сторону Минусинского уезда. Отряд белых, созданный полковником Чекировым из казаков и дружинников, не выдержал обходных маневров партизан и отошёл к уездному центру. 7 сентября партизанские части заняли Григорьевку, а 11 – начали бой с отрядом полковника Романенко в районе Думной Горы. 12 сентября партизаны, используя обходной маневр и склонив новобранцев к сдаче в плен, заняли Даниловский завод и заставили остатки белых отойти в с. Городок. С эвакуацией правительственных учреждений, совершённой по приказу начальника Усинско-Урянхайского края генерал-майора В.Л. Попова, партизаны 13 сентября 1919 г. вошли в Минусинск. Сосредоточенные в с. Городок 1-1,5 тыс. белых были вынуждены сдаться.

На Минусинский фронт подтягивались части 8-й Сибирской стрелковой дивизии под командованием генерал-майора И.Е. Барановского. Но разногласия между штабами различных войск мешали осуществлению боевых операций. Так, организованные в Енисейско-Тубинском районе отряды казаков и дружинников под командованием Чекирова пытались в упорных боях отбить у партизан с. Шалаболино, но стрелки Барановского их не поддержали. С подходом же к противнику Тальского и Северо-Ачинского полков белые были вынуждены отступить. Одновременно Манский полк, преодолев длительное сопротивление дружинников и переплавившись у Городка, нанес поражение белым в районе с. Листвягово. С боями и потерями казаки оставили станицы Каратуз и Нижний Суэтух. 3 октября партизаны Щетинкина заняли с. Абаканское, а вслед за ним и все енисейское правобережье [ГАНУ. Ф. 5а. Оп. 1. Д. 297. Л. 38; Соха и молот. 1919. 30 сентября, 2, 5, 21, 24 октября; Щетинкин, 1929: 53; Мармышев, 2011: 334-335].

Некоторое время наступательные амбиции партизан сдерживались деятельностью катеров и кораблей Енисейской речной флотилии. Но вскоре она, не пробившись в верховья Енисея, ушла в Красноярск [Кузнецов, 2001: 52-53].

Доведя численность своих войск до 18-20 тыс. человек, белые 22 октября начали, переправившись у с. Подсинее, наступление на Минусинск. Однако подошедшие из-за Тубы партизанские части заставили их вернуться на исходные позиции. С целью проникновения в район Абаканского завода, 28 октября на енисейское левобережье был переброшен один из батальонов Тальского полка. Заняв с. Очуры и пополнившись местными повстанцами, партизаны отбили первые атаки белых. Однако вскоре их войска прижали партизан к берегу Енисея. Вынужденные переправляться в ночное время, они понесли потери [Рагозин, 1926: 184, 189; Журов, 1972: 148; Попов, 1974: 171].

Занятие правобережья Енисея способствовало расширению повстанчества. К ноябрю 1919 г. в партизанскую армию влились 1 тыс. крестьян - минусинцев. Но население здесь, напуганное

репрессиями белых, не спешило пополнять её ряды. Лишь когда партизаны заняли енисейское правобережье полностью, а их командование объявило мобилизацию бывших фронтовиков, повстанчество охватило 10 тыс. местных жителей. В результате к декабрю 1919 г. партизанская армия, по разным данным, составляла 15-22 тыс. человек и имела 5 орудий и 153 пулемёта [Рагозин, 1926: 199; Ларьков, 2009: 580].

Напротив, противник, ощущая агонию своего режима, стал быстро разлагаться и терять боеспособность. В этой ситуации партизанские части 24 ноября 1919 г. легко прорвали оборону белых и тремя потоками начали развивать наступление на енисейском левобережье. Партизаны, переправившись через Енисей у Подсинего и продвигаясь в направлении с. Усть-Абаканское – Усть-Ерба, пленили до 1,5 тыс. белых. Другая часть партизан, уничтожив наступавший из с. Новосёлово отряд капитана Волкова, форсировала водный рубеж севернее. Они заняли с. Бородино, Сухая Тесь, Большая Ерба, посёлки рудников и ст. Сон, а также разбили белых под Батенями и Сарагашем. Находившийся южнее Тальский полк вышел на енисейское левобережье в районе с. Очуры и занял селения Бейской, Иудинской, Усть-Есинской и Аскизской волостей, посёлок Абаканского завода и казачьи станицы. В начавшихся 16 декабря в районе с. Новосёлово – Кома – Трифоново боях партизаны разбили и пленили остатки белых частей. Выполняя приказ РВС 5-й армии, они двинулись на Ачинск и Красноярск. 4 января 1920 г. в с. Медведское Ужурской волости партизаны встретились с представителями 35-й дивизии Красной армии [ГАКК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 641. Л. 82-83; РГВА. Ф. 1556. Оп. 1. Д. 7. Л. 1; Рагозин, 1926: 198, 200; Очерки истории..., 1963: 58; Замураев, 1970: 214; Попов, 1974: 186-189].

Дезорганизовав тыл белых и оттянув на себя правительственные войска, партизаны своими боевыми действиями облегчили борьбу Красной армии и способствовали её победе над белыми.

Во время существования Степно-Баджейского и Минусинско-

го фронтов партизанское движение возглавлялось следующими лицами:

1. **Александров Михаил Власович** – 1880 или 1882 г. рождения, уроженец с. Агинского одноимённой волости Канского уезда Енисейской губернии, из крестьян-бедняков. Будучи сиротой, батрачил. С 1904 г., обретя семью, проживал в с. Перово того же уезда, работал в хозяйстве тестя и обзавёлся середняцким хозяйством. Длительное время находился на военной службе, фельдфебель. Участник Первой мировой войны, фронтовик. Награждён Георгиевским крестом IV степени. После февраля 1917 г. – большевик. Демобилизовавшись, в 1918 г. был избран председателем Перовского комитета. В ноябре того же года возглавил повстанческий отряд. Командующий Перовским фронтом и командир Канского полка партизанской армии Степного Баджея. По воспоминаниям современников, пользовался среди партизан высоким авторитетом, обладал военными способностями, но конфликтовал с главкомом. Не выполнил его приказ о наступлении на с. Ирбейское. Обвинённый в трусости, совершил неподготовленный налёт на с. Рыбинское, где потерял многих бойцов. 28 или 29 мая 1919 г. в состоянии депрессии застрелился, оставив жену и двоих детей. Похоронен в с. Перово (с. Партизанское Красноярского края) [ГАКК. Ф. 42. Оп. 6. Д. 9. Л. 1; Ф. 64. Оп. 5. Д. 531. Л. 3, 37, 45; ФККМ. В/ф 9166/14; Годы огневые, 1962: 271; Попов, 1974: 38, 90].

2. **Баталов Сергей Тихонович** – 1896 г. рождения, уроженец Пермской губернии, по национальности коми-пермяк, из крестьян-бедняков. Окончил двухклассное училище. Участник Первой мировой войны: будучи мобилизованным в 1915 г., служил унтер-офицером и командиром взвода в 163-м запасном полку, в июне того же года получил ранение. В январе 1917 г. был вновь призван в армию – в 37-й запасной полк. Большевик с 1917 г., председатель ротного и член полкового комитетов. Демобилизовавшись в конце 1917 г., организовал в Кудымкаре коммунистическую ячейку. В мае 1918 г. учился в Юсьве на советских курсах. Был избран членом уездного ко-

митета большевистской организации. Попад в плен, был отправлен в смертном вагоне в Сибирь, но бежал и добрался до ст. Глядень Ачинского уезда. Скрывался у родственников в д. Можарке Имисской волости Минусинского уезда, а затем в тайге. Летом 1919 г. – один из инициаторов местного крестьянского повстанчества. С октября того же года был командиром Кизирского полка в партизанской армии Кравченко-Щетинкина. С октября 1920 г. – на Юго-Западном фронте. Окончив Омскую высшую школу комсостава, командовал 24-м Амурским стрелковым полком, был заместителем комбрига 8-й армии. С августа 1921 г. служил во 2-й Верхнеудинской дивизии. В 1922 г. учился в Академии Генштаба (Москва). Затем служил в Омске в 29-й дивизии, военкомом Славгородского уезда, в политуправлении Западно-Сибирского военного округа. В августе 1923 г. был направлен ЦК РКП(б) на Туркестанский фронт комиссаром полка, военкомом, назначался членом комиссии Средне-Азиатского бюро ЦК РКП(б) Туркмении. В 1925 г. за участие в национальных группировках и по бытовым причинам исключался из партии. Из-за ранения и контузии был демобилизован и до 1928 г. служил в Верхне-Камском окружном исполкоме. Отозван в распоряжение ЦК ВКП(б) и назначен заведующим Секретариата Совнархоза и Экономсовета России. В 1932 г. направлен на учебу в институт Красной профессуры, затем назначен председателем ревизионной Центральной комиссии Осоавиахима СССР. В 1936 г. в связи с проверкой документов был вторично исключён из партии, но восстановлен. Проживая в Москве, служил в Наркомате местной промышленности. Будучи инвалидом, получал персональную пенсию. Награждён двумя орденами Красного Знамени. Арестован в Москве 14 июля 1937 г., обвинялся как член «контрреволюционной, шпионско-повстанческой организации». Виновным себя не признал. Постановлением комиссии УНКВД и прокурора СССР от 17 февраля 1938 г. был приговорён к расстрелу, а 2 марта - казнён. Реабилитирован в октябре 1957 г. [ФМРКМ. Оп. 4. Д. 471. Л. 3, 7-11.]

3. Боган (Боганис-?) Иван Григорьевич – 1880 г. рождения, уроженец Витебской губернии, по национальности, видимо, латыш или украинец. Служил матросом на Балтийском флоте, участник Первой русской революции 1905-1907 гг. на Балтике. К событиям Гражданской войны проживал в д. Грязная Кирза Красноярского уезда Енисейской губернии, имел хуторское середняцкое хозяйство. После антибольшевистского переворота 1918 г. якобы являлся членом Красноярского подпольного большевистского комитета и руководителем деревенской группы. Один из организаторов крестьянского восстания в с. Степной Баджей. Начальник штаба первого повстанческого отряда. В партизанской армии Кравченко-Щетинкина был помощником главкома и членом штаба. Со взятием Степного Баджея правительственными войсками скрывался в местах проживания. С 1920 г. – на службе в милиции, ЧОНе Минусинского уезда. Член ВКП(б) с 1925 г. В дальнейшем работал в советских органах и в системе мест заключения. В 1935 г. арестовывался. Работая начальником принудительного бюро Тайгинского районного отдела НКВД, за непартийное поведение в 1938 г. исключался из ВКП(б), но затем был наказан выговором с предупреждением и занесением в личное дело. Дальнейшая жизнь и судьба неизвестны ГАКК. Ф. П. - 42. Оп. 6. Д. 993. Л. 17, 19, 21 [ГАКК. Ф.П. – 42. Оп. 6. Д. 993. Л. 17, 19, 21; Попов, 1974: 100; ЭЭС, 1998: 76].

4. Боган (Боганис-?) Фёдор Григорьевич – по национальности, видимо, латыш или украинец. Участник Первой русской революции 1905-1907 гг. В 1918 г., вероятно, служил рядовым в Латышском полку, был советским работником. К событиям Гражданской войны проживал в д. Грязная Кирза Красноярского уезда Енисейской губернии, имел хуторское середняцкое хозяйство. Член подпольной организации, один из организаторов крестьянского восстания в Заманье. В партизанской армии Кравченко-Щетинкина – командир Манского полка. В июле 1919 г. в с. Ермаковском Минусинского уезда был убит, а в сентябре того же года – перезахоронен на Минусинском кладбище [ГАНО. Ф. 5 а. Оп. 1. Д. 297. Л. 22; Оп. 6. Д. 270 а. Л. 77, 79; ГАКК. Ф. П. – 42. Оп.

6. Д. 993. Л. 4; Ф. 64. Оп. 5. Д. 531. Л. 24; ФМРКМ. Оп. 4. Д. 148. Л. 53; Эльцин, 1926: 29; Замураев, 1970: 165; Попов, 1974: 113, 116].

5. Грибушин Фёдор Спиридонович – 1886 г. рождения, уроженец Могилёвской губернии, из крестьян-бедняков. С детства батрачил. На Бодайбинских приисках и в Олекме участвовал в экономических стачках рабочих, распространял политическую литературу, был арестован. Мобилизован в армию. Во время февральской революции 1917 г. был ранен, находился в г. Канске. При свержении Советской власти сформировал конный отряд в 360 сабель. Первый командир Тальского полка партизанской армии Кравченко-Щетинкина. В 1920 г. – начальник Ирбейского отдела милиции. Участник подавления Голопуповского крестьянского восстания. Затем находился на хозяйственной работе. Трагически погиб в 1934 г. [ЕЭС, 1998: 147-148].

6. Гусев Василий Осипович – 1896 г. рождения, уроженец Канзанской губернии. В 1908 г. переселился в Сибирь, проживал в с. Нарва Канского уезда Енисейской губернии. Работал на лесозаготовках, лоцманом на сплаве плотов по р. Мане. Участник Первой мировой войны, фронтовик, унтер-офицер, несколько раз был ранен. Большевик с октября 1917 г. В 1918 г. – комиссар на ст. Красноярск, участник боёв на Клюквенском фронте. В партизанском движении возглавлял подрывную команду, провёл ряд железнодорожных диверсий. Заменил на посту командира батальона Манского полка брата Ивана, казнённого властями в июне 1919 г. Во время похода через Саяны был избран командиром Манского полка. Дальнейшая жизнь и судьба неизвестны [Попов, 1974: 12].

7. Евдокимов Пётр Дмитриевич – 1884 г. рождения, уроженец с. Имисское Курагинской волости Минусинского уезда Енисейской губернии, из зажиточной крестьянской семьи. Окончил трёхклассную сельскую школу. Участник Первой мировой войны: с 1914 г. на фронте, унтер-офицер, дважды был ранен, награждён Георгиевским крестом IV и III степеней. В конце 1917 г. демобилизовался. Член партии социалистов-революционеров (ПСР). В 1918 г. организовал партизанскую группу. Нахо-

дился в составе Затубинского ревкома, помощник командира Кизирского полка, примкнувшего в октябре 1919 г. в Минусинске к партизанской армии Кравченко-Щетинкина. В 1920 г. воевал на Юго-Западном фронте с поляками. В 1926 г. – организатор Имисской коммуны. С конца 1920-х гг. – бригадир, председатель колхоза. В 1930 г. осуждён на пять лет тюрьмы. Отбывая этот срок, год находился на принудительных работах в Минусинске. Затем служил товароведом Томского отделения «Сибпушнины». Арестован 20 июня 1936 г., 12 ноября 1937 г. приговорён тройкой УНКВД Красноярского края к расстрелу. Казнён 16 ноября того же года г. в Минусинске. Реабилитирован в августе 1957 г. [ФМРКМ. Оп. 4. Д. 471. Л. 17; Книга памяти... Кн. 3, 2005: 170].

8. **Жалнерчик Мартын Ильич** – 1892 г. рождения, по национальности белорус, проживал в с. Рыбинское Канского уезда, к антибольшевистскому перевороту 1918 г. комиссар Канской городской милиции. С начала 1919 г. – командир эскадрона Канского полка партизанской армии Кравченко-Щетинкина. Во время Саянского похода и занятия партизанами с. Верхне-Усинского был командирован командованием для изъятия продовольствия у зажиточного населения. После Белоцарского боя преследовал остатки правительственного отряда есаула Бологова. В 1920 г. был направлен командиром батальона 2-го добровольческого полка на Юго-Западный фронт, воевал с поляками. Затем учился на курсах высшего комсостава, подавлял Кронштадтское восстание. Демобилизовавшись, служил на хозяйственных и советских постах. В начале 1940-х гг. – заместитель управляющего Новосибирским трамвайным трестом, уполномоченный обкома ВКП(б) на осенних уборочных работах. С ноября 1941 г. – в составе формирующейся Сибирской дивизии. Воевал военным служащим 1234-го полка 370-й стрелковой дивизии 34-й армии, был интендантом 3-го ранга. 13 апреля 1942 г. погиб в бою под Старой Руссой Новгородской области [Чуприков, 2003: 58-61].

9. **Жестиков Карп Артемьевич** – 1884 или 1891 г. рождения, уроженец Могилевской губернии, из крестьян-бедняков.

В 1898 г. переехал с семьей в Сибирь, где поселился в д. Мельничная Ирбейской волости Канского уезда Енисейской губернии. Батрачил. С 1904 г. крестьянствовал в собственном хозяйстве. В 1911 г., как член политического кружка, арестовывался. С 1912 г. – на военной службе, в 1-м Заамурском пограничном конном полку (г. Харбин). После нахождения в учебной команде в 1913 г. откомандирован в специальный взвод штаб-трубачей. Участник Первой мировой войны. С марта 1915 г. – в составе своего полка на Юго-Западном фронте. В 1917 г. – член полкового совета и Военно-революционного комитета. Воевал с петлюровцами. Демобилизовавшись, в марте 1918 г. вернулся домой. Избирался членом Ирбейского волостного совета. После антибольшевистского переворота 1918 г. скрывался. С конца того же года – командир партизанского отряда Тальской и Ирбейской волостей Канского уезда. Участник боёв за д. Приречная и Рязанова, с. Шало и Толстихино. В июне 1919 г. покинул партизанскую армию Кравченко-Щетинкина и отступил в тайгу. Затем освобождал от белых Тальскую, Ирбейскую, Амонашевскую, Усть-Ярульскую и Тинскую волости. С января 1920 г. находился в составе 311-го Агинского полка 30-й дивизии 5-й армии. Вернувшись в Канский уезд, возглавил дружину, ликвидировавшую повстанческие «банды» в Ирбейской волости. Коммунист с марта 1920 г. Работал председателем Ирбейского волостного и членом районного исполкома. С сентября 1924 г. – председатель Шиткинского районного исполкома и секретарь райкома РКП(б). Окончив Иркутскую совпартшколу, с июля 1927 г. находился на партийной работе и возглавлял органы ВКП(б) в Канске и ряде районов Сибирского края. Делегат от Рубцовской партийной организации на XVI съезде ВКП(б) (июнь-июль 1930 г.). С 1940 г. – заворг Томского горкома ВКП(б), с сентября 1944 г. – руководитель одного из отделов областного комитета партии. С декабря 1954 г. – пенсионер союзного значения. Награждён за участие в партизанском движении грамотой РВС СССР. Автор воспоминаний, опубликованных в местных газетах. В 1957 г. за самовосхваление критиковался бывшими пар-

тизанами и партийными органами. Дальнейшая жизнь и судьба неизвестны [ГАКК. Ф. П. – 42. Оп. 6. Д. 313. Л. 1 – 5, 17, 20, 29; ФКККМ. О/ф 3199; Табакаева, Митюшина].

10. Загайный (Грюнберг) Алексей Константинович – 1876 г. рождения, уроженец г. Пензы, из семьи офицера, земского служащего. Учился в кадетском корпусе. В революционном движении с 1902 г., член Костромской организации РСДРП, вероятно, меньшевик, распространял нелегальную литературу. В 1902-1903 гг. четыре раза арестовывался, ссылался в Вологду и Якутскую область, где пробыл до амнистии 1905 г. Затем под псевдонимом «Шаляпин» занимался революционной деятельностью в составе Костромской и Иваново-Вознесенской организаций РСДРП, работал подпольщиком в Перми, Златоусте и Самаре. 9 февраля 1909 г. осуждён Саратовской судебной палатой к ссылке в Сибирь. До 1913 г. находился в Анциферовской волости Енисейской губернии, затем – в Красноярске, а с 1915 г. – в Омске. В 1919 г. возглавлял Минусинское общество потребителей. С сентября того же года – член президиума и секретарь армейского совета партизанской армии Кравченко-Щетинкина. В 1920 г. – член Енисейского губернского комитета РКП(б), председатель губпрофсовета, а в декабре того же года избирался делегатом VIII Всероссийского съезда советов, встречался с В.И. Лениным. Дальнейшая жизнь и судьба неизвестны [ГАНО. Ф. 5 а. Оп. 6. Д. 270. Л. 135; ФМРКМ. Оп. 1. Д. 177. Л. 86; Рагозин, 1926: 195; Политическая каторга..., 1929: 226; Попов, 1974: 64].

11. Загуменный Василий Васильевич – 1894 г. рождения, уроженец Могилевской губернии, из крестьян-бедняков. В 1908 г. переселился в д. Верхняя Кумырка, затем в казачью станицу Покровка Ачинского уезда Енисейской губернии. Плотник, железнодорожник. Участник Первой мировой войны: с 1915 г. служил в 179-м полку, в июне 1917 г. по болезни демобилизовался. С конца 1918 г. находился в партизанском отряде Марудко, в 1919 г. – командир батальона Северо-Ачинского полка. В 1920 г. учился на командирских курсах в Томске, до октября 1922 г. ликвидировал в составе ЧОНа повстанческие «банды». Приказом

РВС СССР от 23 февраля 1928 г. за боевые заслуги и в ознаменование десятилетия РККА награждён орденом Красного Знамени. В 1929-1932 гг. учился в Омском зерновом институте, затем работал в советских учреждениях. В 1942 г. с целью передачи опыта боевых действий был заброшен к витебским партизанам. В послевоенное время работал начальником Государственной инспекции сельскохозяйственных продуктов в Ставропольском крае. Умер в 1948 г. в г. Пятигорске [Замураев, 1970: 61-62].

12. Замураев Яков Семёнович – 1893 г. рождения, уроженец Черниговской губернии, из крестьян. В 1900 г. переехал в д. Изыкчуль Ачинского уезда Енисейской губернии. С 1914 г. – на военной службе, писарь окружного суда в Ачинске и Иркутске. За выступление в защиту солдат был переведён в дисциплинарный батальон, откуда освобожден в феврале 1917 г. Демобилизовавшись в апреле 1918 г., работал в кооперативе железнодорожных рабочих. С конца 1918 г. – участник партизанского движения в северных волостях Ачинского уезда: адъютант Щетинкина, начальник штаба Северо-Ачинского полка. В партизанской армии Кравченко-Щетинкина – помощник командира пулемётного полка. При Советской власти был послан на учёбу в Омскую школу красных командиров. В 1920 г. отозван на работу по восстановлению крестьянских хозяйств в Канском уезде. Добровольцем пошёл служить в Красную армию. Начальником пулемётной команды 237-го Минского полка 27-й дивизии сражался на Юго-Западном фронте, в Кронштадте. С конца 1921 г. служил секретарём Енисейского губернского земельного отдела, учился в сельскохозяйственном техникуме. С 1924 г. работал в Новосибирской государственной инспекции. Во время Великой Отечественной войны в группе И.В. Громова был отправлен для передачи опыта к белорусским партизанам. В послевоенное время – контролёр Новосибирской группы Министерства Госконтроля СССР. Умер в 1959 г. Автор опубликованных воспоминаний [Замураев, 1970: 221].

13. Иванов Арсений Трофимович – уроженец Саратовской губернии, из крестьян. Окончил сельскую школу, много самосто-

ятельно учился, занимался философией и историей, писал стихи. Одновременно крестьянствовал в хозяйстве отца. С 1903 г. за распространение нелегальной литературы и антиправительственные выступления среди крестьян состоял под надзором полиции. В 1907 г. за организацию «разбойных шак», участие в террористических акциях и сопротивление полиции арестовывался и в апреле 1908 г. был сослан в Челябинскую губернию. Вернувшись и примкнув к эсерам-максималистам, организовал отряд, нападавший на помещичьи усадьбы. В 1911 г. был вновь арестован и после пятилетнего заключения сослан в Сибирь. С ноября 1916 г. находился в д. Иннокентьева Перовской волости Канского уезда Енисейской губернии, служил писарем в с. Перовское. После февраля 1917 г. избирался в комитет общественной безопасности и продовольственный комитет. Активно пропагандировал народовластие в лице Учредительного собрания, затем перешел на позиции левых эсеров. В октябре 1917 г. был делегатом Канского уездного продовольственного съезда, выступившего за Советскую власть. Избирался народным судьёй в с. Перово. С ноября 1918 г. – начальник Перовского волостного штаба, в Степном Баджее – председатель ревтрибунала, а в партизанской армии Кравченко-Щетинкина – начальник главного штаба. В конце 1919 г. был снят с должности, но на VII армейском съезде восстановлен. В 1920 г. служил в Енисейской губернской чека, назначался представителем Енисейского губернского комитета РКП(б) на территории Усинско-Урянхайского края. В конце этого же года отбыл на Семёновский фронт, где был членом комиссии внутренней охраны, занимался организацией политического контроля и сбора информации. После лечения выезжал в Урянхай для ликвидации местных «банд». В 1922 г. был отозван в Иркутск, а в 1923 г. выехал в Саратовскую губернию. Затем перебрался в Москву. Дальнейшая жизнь и судьба неизвестны [ГАКК. Ф. П. – 42. Оп. 6. Д. 336. Л. 1-5; Ф. П. – 64. Оп. 5. Д. 531. Л. 3; ГАО. Ф. Р. – 1298. Оп. 1. Д. 16. Л. 27, 42; ФМРКМ. Оп. 4. Д. 177. Л. 99; Петров, 1920: 119; Партизанское движение... Т. 1, 1925: 57].

14. **Колотилкин Пётр Дмитриевич** – 1892 или 1893 г. рождения, уроженец Пермской губернии, из крестьян. Окончил сельскую школу и реальное училище. В 1900 г. переехал в с. Покровское Минусинского уезда Енисейской губернии. Участник Первой мировой войны: с 1914 г. – на военной службе, зачислен в 5-й стрелковый полк, унтер-офицер, затем прапорщик. Участвовал в Брусиловском прорыве, награждён Георгиевским крестом трёх степеней и тремя медалями. Демобилизовавшись в 1918 г., крестьянствовал. Командир Кизирского полка, примкнувшего в октябре 1919 г. в Минусинске к партизанской армии Кравченко-Щетинкина. В 1920 г. воевал на Юго-Западном фронте с поляками, был ранен и в 1921 г. уволен в запас. С 1924 г. работал забойщиком, мастером на Ольховских рудниках. Коммунист с 1930 г. Горный мастер комбината «Минусазолото» в Артёмовске. В 1934 г. избирался народным судьей. Исключён из ВКП(б). Арестован 19 ноября 1937 г., приговорён тройкой УНКВД 9 декабря того же года к десяти годам заключения. Срок отбывал в Норильлаге, где и умер в 1939 г. Реабилитирован в апреле 1957 г. [ФМРКМ. Оп. 4. Д. 471. Л. 3; Д. 470. Л. 2]

15. **Кравченко Александр Диомидович** – 1880 или 1881 г. рождения, уроженец Воронежской губернии, из крестьян-середняков. Окончил сельскую школу и Острогожское городское училище. С 1898 г. – член ПСР. Учился с 1900 г. в Саратовской сельскохозяйственной школе (Мариинское земледельческое училище), из-за арестов специальность агронома получил экстерном. Призванный на военную службу, окончил учебную команду 218-го Борисоглебского стрелкового полка и школу прапорщиков. Во избежание ареста за антиправительственную агитацию в Тамбовском гарнизоне, в начале 1908 г. вышел в отставку и уехал в Сибирь. Работал кондуктором Манского лесничества, агрономом в Ачинском уезде, агрономом и чиновником переселенческого управления в Минусинском уезде. С 1909 г. – владелец хутора в Заманье. В августе 1914 г. призван в армию, служил комендантом железнодорожной станции Ачинск и начальником продовольственного пункта. После февраля 1917 г. избран в совдеп 13-го

Сибирского стрелкового полка и комитет общественной безопасности, а 17 апреля возглавил городскую милицию. Но вскоре сложил с себя служебные и общественные обязанности и перебрался заведовать Нарвским пунктом проката сельхозмашин. Во время антибольшевистского переворота (июнь 1918 г.) находился в г. Красноярске по делам кооперации и оказался в качестве офицера мобилизованным в войска Временного Сибирского правительства, однако в начале сентября дезертировал. Осенью того же года согласился примкнуть к повстанцам в качестве военспеца. В конце января 1919 г. избран главнокомандующим Крестьянской армией Степно-Баджейского партизанского района. Согласно воспоминаниям очевидцев, военные способности имел ограниченные, но являлся хорошим организатором. В личной жизни оставался простым, гостеприимным человеком. Его считали неплохим оратором. Порой был капризен и проявлял «диктаторские» качества. Несколько раз объявлял о сложении с себя обязанностей главкома. Разделял принципы внепартийности партизанского движения и общекрестьянской сущности советов. С декабря 1919 г. – главком Крестьянско-рабочей армии Минусинского партизанского фронта. После воссоединения под г. Красноярском партизан с частями Красной армии был назначен начальником Енисейской стрелковой дивизии 5-й армии, формировавшейся из бывших сослуживцев. 27 февраля 1920 г. оказался арестованным чекистами, которые опасались «сибирской махновщины», а его части под Ачинском были разоружены. Но затем был председателем губернской комиссии по восстановлению разрушенных войной крестьянских хозяйств и организатором добровольческих отрядов из бывших партизан для пополнения Красной армии. На губернском съезде советов (сентябрь 1920 г.) избран членом Енисейского губернского исполкома. Командуя 2-м Восточно-Сибирским полком, осенью 1920 г. отбыл на Западный фронт. С 9 декабря – командир 237-го Минского полка 27-й стрелковой дивизии, воевавшей с поляками. Находясь в Москве, оформил своё членство в РКП(б). Демобилизовавшись, с 13 января 1921 г. работал районным инструктором по коллективиза-

ции сельского хозяйства в Центральном отделе коллективных хозяйств Наркомзема РСФСР по Брянской, Витебской, Гомельской и Смоленской губерниям, с 3 июня – заведующим подотделом по обобществлению крестьянских хозяйств в земельном отделе Сибревкома. В августе 1921 г. сибирские власти направили его на работу в Енисейскую губернию, а в сентябре – членом Чрезвычайного трибунала для производства суда над Унгерном. 11 ноября того же года назначен заместителем заведующего Енисейского губернского земельного отдела. С 23 декабря – председатель губернского транспортного бюро. Находился в сложных отношениях с местным руководством, которое ему не доверяло. Направленный с 10 июня 1922 г. заведующим районного управления по заготовкам леса, не справился с его сплавом на р. Мане. 26 октября того же года откомандирован в распоряжение ЦК РКП(б), с 21 ноября назначен начальником Терского губернского земельного управления. Избирался членом губернского исполкома, комиссии СТО по восстановлению сельского хозяйства Терской губернии и делегатом X Всероссийского съезда советов. В мае 1923 г., будучи уже больным туберкулезом лёгких, направлен заведующим курортным хозяйством г. Пятигорска. Умер 21 ноября 1923 г. в больнице г. Ростова-на-Дону. Урна с прахом перезахоронена в г. Минусинске, установлен памятник скульптора Х. Б. Геворкяна (1993). Его именем названы посёлок в Красноярском крае, станция местной железной дороги и улицы в Красноярске, Абакане, Ачинске и Минусинске. Автор воспоминаний (Камарчагский фронт // Годы огневые. Красноярск, 1962; Белогвардейский переворот. Рукопись // ГАКК. Ф. П. - 64. Оп. 5. Д. 234) [Шекшеев, 2006: 127-138; Шишкин, 2009: 160].

16. **Лабецкий Иван Калистратович** – 1886 г. рождения, уроженец Витебской губернии, из крестьян-бедняков. Окончил волостную школу. В 1900 г. переселился в д. Нагорную Ачинского уезда Енисейской губернии. С восьми лет пас скот. Участник Первой мировой войны. С января 1916 г. – на военной службе в 15-м Сибирском стрелковом запасном полку, писарь полковой канцелярии. Окончив учебную команду, произведён в унтер-

офицеры, но за «нерадивость» разжалован в рядовые. После февраля 1917 г. направлен для революционной пропаганды среди солдат в гарнизон г. Харбина. В июне 1917 г. переведён на фронт в 8-й Сибирский стрелковый полк, где осуществлял агитацию за прекращение войны. Демобилизовавшись в марте 1918 г., вернулся домой, организовал актив сельской бедноты. Осенью 1918 г. после расправы белыми над крестьянами-сторонниками Советской власти создал Нагорновскую группу, примкнувшую к отряду Щетинкина. В партизанской армии Кравченко-Щетинкина был командиром роты, батальона Северо-Ачинского полка. При Советской власти уполномоченный по восстановлению разрушенных крестьянских хозяйств Ачинского уезда. В 1921 г. – командир особого отряда 2-го Енисейского коммунистического полка, ликвидировавшего повстанческие «банды». Затем работал начальником дорожного отдела Ачинского уездного исполкома. С сентября 1923 по август 1931 г. – член волостного исполкома, председатель Ачинского районного исполкома, ряда советских учреждений Алтайского края и Ачинского городского совета. В 1925 г. вступил в РКП(б), приказом РВС СССР от 23 февраля 1928 г. за боевые заслуги и в ознаменование десятилетия РККА награждён орденом Красного Знамени. Переехав в г. Томск, с 1931 г. руководил созданием Сибирского отделения Всесоюзного научно-исследовательского института озёрного и рыбного хозяйства, работал его директором. С 1946 г. – персональный пенсионер республиканского значения. Умер в 1972 г. в г. Красноярске [Замураев, 1970: 76-78].

17. **Логвинов Кузьма Михайлович** – 1879 г. рождения, уроженец Тульской губернии, из крестьян-середняков. До 1897 г. работал в хозяйстве отца, затем батрачил. С 1906 г. – на службе в армии, фельдфебель. В 1907-1909 гг. служил в Иркутской пожарной команде. Затем был рабочим на строительстве Забайкальской железной дороги, работал в хозяйстве брата. В 1915 г. переехал в с. Перово Канского уезда Енисейской губернии. В тот же год был вновь призван в армию. Служил фельдфебелем запасного полка в г. Канске. Демобилизовавшись в начале 1918 г.,

работал счетоводом в Перовском кредитном товариществе. В начале марта 1919 г. избран в члены главного штаба партизанской армии Кравченко-Щетинкина. Во время Саянского похода был командиром Канского полка. После Белоцарского боя назначался начальником гарнизона и Заенисейского района. 9 декабря 1919 г. был ранен в бою под с. Сухая Тесь Минусинского уезда. В сентябре 1920 г. добровольцем зачислен в 20-й Сибирский полк, в составе которого командовал батальоном и воевал с войсками Врангеля. Уволенный с военной службы, в 1922-1924 гг. работал председателем Перовского волостного исполкома, кредитного товарищества. С 1925 г. – коммунист, председатель Перовского общества потребителей, счетовод кредитного товарищества. Приказом РВС СССР от 23 февраля 1928 г. за боевые заслуги и в ознаменование десятилетия РККА награждён орденом Красного Знамени. В 1937 г. был инструктором райкома ВКП(б) в Рыбинском районе Красноярского края. Умер в 1952 г. [ГАКК. Ф. П. – 42. Оп. 6. Д. 491. Л. 2, 5; Ф. 64. Оп. 5. Д. 531. Л. 3; АУ ФСБ. Д. П. – 4946. Т. II. Л. 133; Попов, 1974: 121, 186; ЕЭС, 1998: 361].

18. Малышева Варвара Александровна – окончив гимназию, примерно, с 1909 г. учительствовала в глухой деревне Канского уезда, затем преподавала в Вершино-Рыбинском училище. Член ПСР. Во время революционных событий 1917 г. избиралась членом Канского Объединённого Совета и Красноярского уездного исполкома. С конца 1918 г. перешла в партию большевиков. Призывала крестьян Агинской и Тальской волостей к восстанию. В январе 1919 г. организовала отряд. В партизанской армии Кравченко-Щетинкина работала в агитационном отделе. Осуществляя связь с красноярским подпольем, 12 марта 1919 г. была арестована. Военно-полевой суд приговорил её к смертной казни, заменённой каторгой. По отбытию девяти месяцев заключения в красноярской тюрьме обратилась с письмом к Верховному правителю, в котором отрицала свою принадлежность к большевикам и просила о помиловании. Была освобождена восставшими рабочими и солдатами, которых склоняла к признанию власти Политцентра. Осудив её поведение, партийный

суд 31 января 1920 г. перевел её в группу сочувствующих. Затем была восстановлена в РКП(б), но замечалась в антисоветской агитации среди крестьян Агинской волости. В 1924 г. заведовала в с. Абаканском Минусинского уезда детским домом. С конца 1920-х гг. принимала участие в групповом соперничестве бывших партизан. Дальнейшая жизнь и судьба неизвестны [Шекшеев, 2006: 428-429].

19. **Марудко Евстафий Тимофеевич** – 1881 г. рождения, уроженец Витебской губернии, из крестьян-бедняков, по национальности белорус. С 1896 г. – рабочий заводов Санкт-Петербурга. В 1902 г. был призван на военную службу в ратное ополчение по 2-му разряду. Дезертировал, работал на промышленных предприятиях г. Царицына и в Донецкой области. Участник Первой русской революции 1905-1907 гг. За распространение антиправительственной литературы арестовывался и заключался в тюрьму. Переселившись в 1909-1911 гг. в д. Устюг-Ольховка Ачинского уезда Енисейской губернии, служил сельским писарем. Призванный на военную службу, проходил её в 31-м Сибирском запасном полку (г. Ачинск). В 1917 г. дезертировал и работал котельщиком в красноярском депо. Избирался в штаб Красной гвардии. Большевик с ноября 1917 г. В мае-июне 1918 г. – на Мариинском фронте. С победой белых скрывался, затем устроился матросом на баржу. В ноябре того же года Красноярским подпольным комитетом был направлен для организации восстания в Ачинский уезд. Организовал в д. Лапшиха группу из 60 вооружённых крестьян. В созданном Щетинкиным отряде был избран начальником по административно-хозяйственной части. Затем являлся помощником командира Северо-Ачинского полка. При Советской власти учился в партийной школе при политотделе 5-й армии, служил политруком в 6-м запасном полку. Демобилизовавшись, в 1921 г. перешёл на хозяйственную работу в детский трудовой дом «Кемчуг». С ноября 1924 по 1929 г. – продовольственный заготовитель и кладовщик Ачинского отделения «Сибторга», заведующий Больше-Улуйским и Ачинским заготовительными пунктами. Окончив курсы в г. Новоси-

бирске, служил инструктором и управляющим ряда отделений «Запсибпушнины». С 1935 г. – заведующий Ачинским отделом «Запсибторга», управляющий Асиновским райлесхозом, начальник погрузочно-разгрузочных работ и помощник директора по административно-хозяйственной работе. В мае 1940 г. был уволен по сокращению штатов. Умер в 1942 г. [ТАКК. Ф.П. – 42. Оп. 6. Д. 519. Л. 3, 6-8, 12; Годы огневые, 1962: 171; Бойцы революции, 1982: 137-139; Борцы революции, 1990: 90; ЕЭС, 1998: 376].

20. Марченко Александр Михайлович – 1886 г. рождения, уроженец Курской губернии, из крестьян-бедняков. Образование низшее. С 10-летнего возраста батрачил, работал в шахте на Донбассе. В 1906 г. переехал в с. Тесь Минусинского уезда Енисейской губернии. С 1908 г. – рабочий Абаканского железодельного завода. В 1911 г. переехал в с. Унер Канского уезда, трудился на паровой мельнице. Участник Первой мировой войны: в 1915 г. был призван в армию, служил в г. Канске в 16-м запасном батальоне, затем в Петрограде в запасной автомобильной роте; фронтовик, находился в 3-м тяжёлом Осовецком дивизионе. Заболев тифом, в конце 1916 г. демобилизовался. В 1918 г. организовал подпольную группу из 30 человек. Командир кавалерийского эскадрона Канского и Тальского полков и член главного штаба партизанской армии Степного Баджея. Коммунист с 1920 г., организатор коммунистической ячейки в с. Унер и председатель местного волостного исполкома. Принимал участие в ликвидации крестьянского повстанчества на юге Канского уезда. В 1920-е гг. работал председателем правления Агинского потребительского общества, Тайшетского районного исполкома, заведующим Канским окружным отделом социального обеспечения и директором спиртоводочного завода. Избирался секретарём и членом бюро партийных ячеек и районных комитетов, пленума окружного исполкома. В 1928 г. приказом РВС СССР награждён орденом Красного Знамени. В 1930-е гг. – директор совхоза и начальник секторов в Енисейском пароходстве. С 1933 г. – персональный пенсионер республиканского значения. С окончанием в 1935 г. московских курсов направлен

во Владивосток заместителем управляющего агентства «Золотопродснаб». В августе 1936 г. переброшен на работу его управляющим на Ивановский прииск (Манский район Красноярского края). 23 или 26 апреля 1937 г. был арестован. 30 октября того же года приговорён Военной Коллегией Верховного Суда СССР к расстрелу. Умер 3 мая 1941 г. в г. Мытищи под Москвой. Реабилитирован в августе 1957 г. [АУ ФСБ. Д. П. – 4946. Т. III. Л. 67; Т. IV. Л. 13; ГА КК. Ф. 42. Оп. 6. Д. 522. Л.1; ФКККМ. Д. Марченко А.М.; Попов, 1974: 118-119].

21. Низовцев Андрей Константинович (Вредный, А. Саянский) – 1898 г. рождения, левый социалист-революционер. В 1919 г. – член Объединённого совета Заманья и армейского совета партизанской армии Кравченко-Щетинкина. В Минусинске – заместитель редактора партизанской газеты «Соха и молот». При Советской власти окончил Иркутский университет, ученик этнографа и фольклориста М.К. Азадовского. Затем преподавал, был первым деканом литературного факультета Магнитогорского государственного педагогического института. Историк литературы, критик и педагог. Арестован в 1930-х гг., срок отбывал на Урале. В 1943 г. добился отправки на фронт, погиб 18 апреля 1944 г. [ЕЭС, 1998: 425].

22. Петров Пётр Поликарпович – 1892 г. рождения, уроженец с. Перовское Канского уезда Енисейской губернии, из крестьян-середняков. Окончил сельскую и Рыбинскую сельскохозяйственную школу. С 1913 г. занимался революционной пропагандой и агитацией. В октябре 1915 г. был призван на военную службу, рядовой и младший писарь канцелярии запасного полка в г. Канске. В марте 1917 г. избран членом Канского Объединённого совета, в октябре – делегатом на Всесибирский съезд советов (г. Иркутск). 25 октября того же года фракцией большевиков и левых социалистов-революционеров был выдвинут в Центральный Сибирский исполком (Центросибирь). В декабре 1917 г. участвовал в подавлении Иркутского юнкерского мятежа. Был контужен. 25 января 1918 г. его полномочия были подтверждены 2-м Всесибирским съездом советов. В Центросибири

работал в контрольной комиссии и крестьянском отделе. Левый социалист-революционер. После антибольшевистского переворота 1918 г. скрывался в Перовской волости, где был одним из руководителей подпольной организации. В декабре 1918 г. – начальник штаба Перовского отряда. С марта 1919 г. – председатель Объединённого совета Степно-Баджейского партизанского района. Находясь в Минусинске и будучи членом армейского совета, заведующим агитационным отделом и редактором газеты «Соха и молот», выступал за внепартийность партизанского движения и всесословные крестьянские советы. При Советской власти член агитационного отдела 5-й армии. Поправившись после тифа, летом 1920 г. служил инспектором Енисейского губернского управления милиции. Коммунист с 1920 г. Направлен учиться в Томский университет, переведён в Красноярский институт народного образования. С его окончанием (1924) работал методистом в Енисейском союзе кооперации, завучем красноярского детдома водников. За участие в партизанском движении награжден Почётной грамотой РВС СССР. С 1925 г. работал над написанием историко-документальной повести «Лесные ветры». В 1927-1928 гг. опубликовал поэму «Партизаны» и роман «Борель». С 1929 г. проживал в г. Иркутске. Автор романов «Золото» (1934), «Шайтан-поле» (1935), «Половодье» (1936), повестей «Саяны шумят», «Крутые перевалы», «Кровь на мостовых» и «Памятная скала». Творчество его получило высокую оценку у А. М. Горького. Делегат I Всесоюзного съезда писателей (август 1934 г.), некоторое время проживал в Москве, сотрудничая с журналом «Колхозник». Один из инициаторов создания писательских организаций в Красноярске и Иркутске. Член редколлегии журнала «Будущая Сибирь» (Иркутск), правления Восточно-Сибирского отделения писателей и литературный консультант при краевом издательстве. 9 апреля 1937 г. был по доносу арестован. Обвинялся как участник «контрреволюционной организации правых», «воспевающий» эсеров, анархистов и меньшевиков. После четырёхлетнего заключения в иркутской тюрьме был 17 апреля 1940 г. приговорён Особым совещанием при НКВД СССР

к восьми годам исправительно-трудовых лагерей. С июля 1940 г. находился на Колыме. Совершив 31 мая 1941 г. групповой побег из лагеря, был задержан и 26 августа того же года приговорён Военным трибуналом войск МВД Дальстроя к расстрелу. Казнен 23 октября 1941 г. Реабилитирован в марте и июле 1957 г. Именем его названы школа в с. Партизанском Красноярского края, улица и Дом литераторов в Иркутске, установлена мемориальная доска на доме, где он жил и работал [ГАНО. Ф. 5 а. Оп. 6. Д. 270. Л. 90, 136, 146; ГАКК. Ф. П. – 42. Оп. 6. Д. 656. Л. 6-6 об.; ФМРКМ. Оп. 1. Д. 555/558. Л. 8, 14, 18; Липинская, 1959; Годы огневые, 1962: 182; Трушкин, 1965; Попов, 1974:182, 196; Бойцы революции, 1982: 184-187; ЕЭС, 1998: 470; Попов, 2001; Толстова; Лаптев, 2016].

23. Пуляев (Лидин) Константин Прохорович – 1893 г. рождения, уроженец Тульской губернии, из крестьян. Проживал в д. Толюп Канского уезда Енисейской губернии. Участник Первой мировой войны, прапорщик. В 1918 г. – командир Уярского отряда Красной гвардии, во время антибольшевистского переворота находился на Клюквенском фронте. Член Степнобаджейской подпольной большевистской группы. Организатор и первый командир Манского полка. По воспоминаниям очевидцев, был дерзок, даже драчлив. Под его командованием партизаны 18 декабря 1918 г. одержали первую победу. Был ранен и заменён в командовании полком. Вторым помощником главнокомандующего партизанской армией Степного Баджея. Неудачно действовал 22 мая 1919 г. при защите с. Вершино-Рыбное. Осенью того же года в г. Минусинске – командир пулемётного полка. При Советской власти и после окончания пехотной школы – начальник разведывательного отдела штаба Восточно-Сибирского сектора войск ВОХР. В 1920-е гг. служил в войсках охраны Томской железной дороги, начальником штаба отряда по охране Северо-Кавказской железной дороги. В 1927 г. – член комиссии Сибирского краевого исполкома по организации похорон Щетинкина. Приказом РВС СССР от 23 февраля 1928 г. за боевые заслуги и в ознаменование десятилетия РККА награждён орденом Красного Знамени. Окончил ветеринарный институт. В 1930-е гг. работал

директором биофабрики в Омске. В 1941-1945 гг. – начальник ветеринарных пунктов ряда фронтов и 2-й Польской армии. Умер в 1956 г. в г. Симферополе [ФМРКМ. Оп. 4. Д.78/81. Л.22; Д. 364/5. Л. 3; Соха и молот. 1919. 26 ноября; Партизанское движение... Т. I, 1925: 57; Рагозин, 1926: 35; Попов, 1974: 93-94, 194; Кашуткин, 1977: 137; Бугаев, 1993. Кн. 1. Ч. 1: 77; Кн. 1. Ч. 2: 208; Бугаев, Жалимов, 1995. Кн. 2. Ч. 1: 110-111; ЭЭС, 1998: 356].

24. **Савицкий Михаил Тимофеевич** – 1897 г. рождения, уроженец г. Ставрополье (Ворошиловск). С девяти лет батрачил, работал токарем на заводе. Окончил экстерном гимназию. В 1913 г. был призван на Балтийский флот, окончил Кронштадтскую школу корабельных юнг, учебные курсы машинистов. С декабря 1916 г. служил в Гельсингфорском полуэкипаже, затем – механиком в минной дивизии. Участник Первой мировой войны. Большевик с марта 1917 г. В 1918 г. участвовал в боях с белофиннами, в переходе Балтийского флота из Финляндии в Кронштадт. Демобилизовавшись в июне 1918 г., служил машинным старшиной на ледокольном транспорте «Вайгач», избирался председателем судового комитета. С августа того же года находился в полярной экспедиции гидрографа-геодезиста Б. А. Вилькицкого, завершавшей в Карском море прокладку Северного морского пути. С гибелью корабля в Енисейском заливе добрался до г. Красноярска. Оттуда бежал в Канский уезд и в с. Агинском организовал партизанский отряд. Участник боёв с наступавшими правительственными войсками. 18 мая 1919 г. у с. Верхне-Рыбинское был тяжело ранен, пытался покончить с собой. Во время Саянского похода находился на излечении в лазарете. В Минусинске был назначен командиром полка, стал членом главного штаба. В конце 1919 г. командовал Канским полком. При Советской власти – начальник отряда по ликвидации «банд» в Красноярском уезде. С осени 1920 г. находился в Ставрополье, где лечился в военном госпитале и на курортах, работал механиком в коммунхозе, заведовал тракторной базой, мельницами, служил в исполкоме г. Пятигорска, избирался членом Ставропольского городского совета. Механически выбыв из РКП(б), был восстановлен в ней

коммунистами г. Минусинска. В 1925 г. переехал в Москву, где, работая инструктором Краснопресненского райкома ВКП(б), оформился на персональную пенсию. В связи с юбилеем РККА приказом РВС СССР от 23 февраля 1928 г. награждён орденом Красного Знамени. В 1927-1933 гг. – учился на операторском факультете Института кинематографии. Будучи в экспедиции в Туве, работал культпропагандистом среди населения. Являлся инициатором попытки создания бывшими партизанами Хакасского округа окружного партизанского бюро, организатором партизанских слётов в Канском округе. По его инициативе в Музее революции была собрана коллекция экспонатов и организована специальная выставка о сибирских красных партизанах. Участник групповой борьбы между партизанами за признание заслуг перед Советской властью. В 1933 г. участвовал в трёхмесячном автопробеге советских грузовиков по пустыне Каракум. Арестованный 30 апреля 1937 г., находился под следствием в Бутырской тюрьме. В 1938 г. приговорён Московским военным трибуналом к 10-летнему заключению и 5-летнему поражению в правах. Находился без права переписки в лагерях Республики Коми. 14 октября 1941 г. Верховный суд Коми АССР приговорил его к расстрелу, казнь была совершена 3 декабря того же года. Реабилитирован в апреле 1956 г. [ГАНО. Ф. П. – 2. Оп. 1. Д. 688. Л. 357; ГАКК. Ф.П. – 42. Оп. 6. Д. 746. Л. 2-3, 11, 14, 16, 20, 24-25; Ф. 64. Оп. 11. Д. 720. Л. 1, 2, 4, 18-22; ГКУ РХ НА. Ф. 16. Оп. 3 с. Д. 1. Л. 35; Рагозин, 1926: 84; Попов, 1974: 187].

25. **Семишев Семён Георгиевич** – 1897 г. рождения, уроженец д. Солонечно-Талая Вершино-Рыбинской волости Канского уезда Енисейской губернии, из крестьян. В 1915-1918 гг. – на военной службе. С ноября 1918 по март 1920 г. находился в партизанской армии Кравченко-Щетинкина, комбат, помощник командира Канского отряда, командир Тальского полка. Коммунист с 1920 г. При Советской власти проживал в с. Богград Хакасского уезда, округа. Окончил Коммунистический университет трудящихся Востока им. И. В. Сталина (1930). С 1931 г. работал в Усть-Абаканской совпартишколе (Хакасская

автономная область). В 1934 г. в честь 15-летия освобождения Сибири от колчаковщины был награждён именными часами. В 1935-1937 гг. – инструктор Красноярского горкома ВКП(б), заведующий кафедрой социально-экономических дисциплин Восточно-Сибирского института повышения квалификации руководящих хозяйственных и инженерно-технических кадров Наркомата лесной промышленности. Арестован 15 мая 1937 г., обвинялся как член «контрреволюционной организации правых». 16 июля 1938 г. приговорён выездной сессией Военной Коллегии Верховного Суда СССР к расстрелу, казнён в тот же день [АУ ФСБ. Д. П. – 14809. Л. 53; ГА КК. Ф. П. – 42. Оп. 6. Д. 768. Л. 2-3, 5; Книга Памяти... Кн. 2, 2005: 33].

26. **Сургуладзе Сергей Константинович** – 1879 г. рождения, уроженец Кутаисской губернии, из семьи крестьянина-бедняка, по национальности грузин. Окончил Озургетское городское училище. Работал переписчиком в сельском правлении. Революционную деятельность начал с 1902-1903 гг. В 1905 г. – участник крестьянского восстания и создания Гурийской Народной Республики, член одной из организаций РСДРП(б). Доставляя оружие восставшим, в феврале 1906 г. на Черноморском побережье был арестован и заключён в Батумскую, затем Метехскую тюрьму (Тифлис). В октябре 1908 г. Одесская судебная палата приговорила его к пожизненной ссылке и поселению в Сибирь. В марте 1909 г. прибыл в Красноярск, в июле – в с. Кежма. Трудился молотобойцем в кузнице. 15 ноября 1912 г. при попытке бежать был арестован. С конца 1915 г., когда ссылкой было разрешено свободное перемещение по территории губернии, перешёл на поселение в д. Сушенку Уярской волости. Служил писарем, работал на Балайских угольных коях. После февраля 1917 г. занимался формированием Красной гвардии в Канске, а с октября – был назначен комиссаром Больше-Уринского участка Канской уездной милиции. В начале 1918 г. избирался председателем исполкома Уярского волостного совета, комиссаром на ст. Камала. Во время антибольшевистского переворота ушёл с отрядом милиции на Клюквенский фронт, был назначен комиссаром Красной гвар-

дии, затем командиром заградительного отряда. Участвовал в боях у разъезда Громадский и в с. Уяр. С июля 1918 г. находился на нелегальном положении, в начале ноября организовал группу крестьян и рабочих, с которой ушёл к партизанам Заманья. В партизанской армии Кравченко-Щетинкина был председателем армейского совета. С восстановлением Советской власти назначался председателем Минусинского уездного ревкома, возглавлял продовольственный отдел. Являясь неформальным лидером местных партизан-«сепаратистов», был переведён в Красноярск уполномоченным продовольственного комитета. По просьбе Минусинского уездного комитета РКП(б) возглавил ревтрибунал и провёл судебный процесс над повстанческими вожаками. В июне 1921 г. был переведён в Грузию. В Москве имел двухчасовую беседу с В.И. Лениным. Затем работал председателем Тианетского уездного ревкома и исполкома, а также в органах ВЧК. Избирался членом местных ЦК партии большевиков и ЦИК. В августе 1922 г., возвращаясь из поездки по деревням, попал с отрядом милиции в засаду, устроенную повстанцами. Его спасли коммунисты-хевсуры, которые пригрозили нападшим кровной местью. Во время конфликта между пшавами и хевсурами участвовал в их примирении. При ликвидации одной из «банд» был тяжело ранен и 16 июля 1923 г. скончался. В 1984 г. его прах из Тбилиси был перезахоронен в Минусинске [ТАКК. Ф. П. – 42. Оп. 6. Д. 828. Л. 1-5, 8, 10, 16; ФМРКМ. Оп. 4. Д. 467. Л. 2, 3; Годы огневые, 1962: 400; Журов, 1972: 109; Попов, 1974: 64, 67-68, 195; Бойцы революции, 1982: 227-230; Борцы революции, 1990: 149-150; ЕЭС, 1998: 595; Мосунов, 2004].

27. **Темеров Никита Иванович** – 1893 г. рождения, уроженец с. Даурское Красноярского уезда Енисейской губернии, из крестьян-середняков. Окончил приходское училище (1907). Работал в хозяйстве отца, матросом на пароходе Енисейского акционерного общества. Участник Первой мировой войны: на военной службе с 1915 г., служил пулемётчиком 166-го Розенского полка. За чтение солдатам революционной литературы арестовывался и помещался на гарнизонную гауптвахту. В июне 1916 г. был ра-

нен и контужен, лечился в военном госпитале. С января 1917 г. – большевик, после февраля – председатель полкового комитета 13-го Сибирского запасного полка и член военного совета Ачинского гарнизона. Создав группу из солдат-большевиков, в октябре 1917 г. руководил захватом в Ачинске почты-телеграфа. Был избран членом местного совета рабочих и солдатских депутатов, председателем его военного отдела. В начале 1918 г. – участник подавления юнкерского мятежа в Иркутске и сотниковского – в Красноярске. В июне того же года командовал ротой на Мариинском фронте, организовал в д. Александровке Даурской волости партизанский отряд, но потерпел поражение и был заключён в Ачинскую тюрьму. В июле 1919 г., бежав из неё, вновь создал партизанский отряд, который объединился с партизанской армией Кравченко-Щетинкина, служил начальником штаба. При Советской власти назначался военным комиссаром Ачинского эвакуационного пункта и госпиталей. С августа 1920 г. занимался пополнением Красной армии бывшими партизанами, в качестве комиссара 19-го полка Иркутской дивизии им. ВЦИКа сражался на Южном фронте с врангелевцами. Назначенный полковым комиссаром в Казанскую дивизию, участвовал в боях с повстанцами Махно. Затем состоял комиссаром эвакуационного пункта г. Симферополя. С августа 1921 г. служил в сибирских частях особого назначения и участвовал в ликвидации «банд». Избирался членом Красноярского уездного комитета РКП(б). С ноября 1922 г. – председатель выездной сессии губернского ревтрибунала, с февраля 1923 г. – заведующий судебно-гражданским отделом Енисейского губернского суда. В феврале 1924 г. переведён в Иркутский губернский суд. С августа 1926 г. – заместитель председателя Иркутского окружного суда, с июня 1928 г. – начальник отдела Красноярского окружного суда, помощник окружного прокурора. В 1930-е гг. – прокурор Туруханского края, прокурор водного транспорта на Енисее, в Сталинграде, помощник прокурора Черноморского бассейна. Окончив высшие курсы при Всесоюзной правовой академии, в 1936 г. был назначен на прокурорскую работу в водном бассейне Астрахани, затем Красноярска. С июня 1943 г. служил в каче-

стве майора юстиции в Красной армии и военным прокурором в Ярославле, Туапсе и Сочи. В марте 1948 г. демобилизовался и проживал в г. Ярославле. Дальнейшая жизнь и судьба неизвестны [ФКККМ. В/ф 3570-1. Автобиография].

28. Уланов Василий Алексеевич – 1896 г. рождения, уроженец Пензенской губернии, из крестьян-бедняков. С 1906 г. работал в Красноярских железнодорожных мастерских помощником слесаря, а после окончания училища – техником. С августа 1915 г. – на военной службе, фельдфебель. В январе 1916 - ноябре 1917 г. – участник Первой мировой войны. Награждён Георгиевским крестом трёх степеней. Отравленный газами и отправленный в отпуск, приехал в Красноярск, где и был демобилизован. С февраля 1917 г. – вновь на работе в железнодорожных мастерских, большевик и инструктор военного дела в Красной гвардии. В 1918 г. – командовал отрядом красногвардейцев на Ключевском фронте. В ноябре 1918 г. для подготовки крестьянского восстания и по поручению красноярских большевиков выехал в Ачинский уезд. Один из организаторов партизанского отряда. С апреля 1919 г. – в партизанской армии Степного Баджея: командир кавалерии, помощник Щетинкина, командир Северо-Ачинского полка. В феврале 1920 г. – командир 1-го полка 1-й бригады Енисейской стрелковой дивизии. С марта того же года находился на высших стрелковых курсах. В мае был командирован Центральной комиссией по восстановлению крестьянских хозяйств Сибири на работу в Енисейскую губернию. В июле того же года – участник I Ачинского уездного съезда советов. В сентябре 1920 г. был отозван из Ачинска и в должности командира батальона 2-го добровольческого полка послан на Южный фронт. Участник штурма Перекопа, награждён орденом Красного Знамени. Служил в 27-й стрелковой дивизии, воевавшей на Западном фронте. В марте 1921 г. – участник подавления восстания в Кронштадте, был ранен. После излечения – комбат 2-го и 3-го Ачинских коммунистических полков. С июня 1922 г., будучи начальником 2-го участка Ачинско-Минусинского боевого района, занимался ликвидацией повстанчества. В январе 1923 г. переведён в штаб ЧОН

и назначен командиром батальона в Иркутской губернии. С марта того же года – в составе войск ГПУ, командовал 2-м Тулунским ОН отдельным батальоном. В июне 1923 – июле 1924 г. – командир 80-го Отдельного Якутского дивизиона, военком г. Якутска. Участвовал во 2-м Всеякутском съезде советов. Переброшен в Красноярск, где с октября 1924 г. командовал 76-м дивизионом войск ОГПУ Сибири. Награждён Почётным именовым оружием. В конце 1920-х гг. – секретарь Красноярского горкома ВКП(б). Умер в июне 1930 г. Похоронен в Красноярске [ГАНО. Ф. 5 а. Оп. 1. Д. 394. Л. 1-2, 4, 7, 10; Ф. 302. Оп. 1. Д. 289. Л. 59; ГАКК. Ф. П. – 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 9; Ф. П. – 42. Оп. 6. Д. 870. Л. 1, 5, 11, 14, 16, 24, 28, 36; Годы огневые, 1962: 400; Замураев, 1970: 219; Бойцы революции, 1982: 243-246; Борцы революции, 1990: 155; ЕЭС, 1998: 642].

29. Фролов Иван Иванович – 1884 г. рождения, уроженец с. Курагино Минусинского уезда Енисейской губернии, из крестьян-бедняков. Окончил 4-классную школу. Проживал на Ольховском руднике, затем в с. Покровском Курагинской волости, крестьянствовал. Участник Первой мировой войны: с 1914 г. воевал на Юго-Западном фронте, награждён Георгиевским крестом всех четырёх степеней, именной шашкой, трижды был ранен. В 1919 г. – командир эскадрона Кизирского полка. При Советской власти воевал на Юго-Западном фронте с поляками, затем участвовал в подавлении Кронштадтского восстания. Член РКП(б) с 1921 г. Демобилизовавшись, в апреле 1921 г. вернулся домой, жил крестьянским трудом. В 1925-1927 гг. был проводником геологической партии, работавшей в Восточных Саянах. Постановлением Президиума ЦИК СССР от 22 февраля 1928 г. награждён орденом Красного Знамени. В том же году избирался председателем Покровского сельсовета. За выступление против обложения крестьян «твердым заданием» и раскулачивания середняков его исключили из партии, а затем осудили на семь лет заключения. Благодаря вмешательству со стороны высших властей был в 1931 г. реабилитирован и направлен инструктором по обучению допризывников. С 1933 г. – организатор колхоза и бригадир одного из хозяйств Курагинского района. На торжественном

заседании 6 ноября 1937 г. по доносу вновь подвергся аресту, но был освобождён. Летом 1941 г. был в очередной раз оговорен и арестован. 19 июня 1942 г. осуждён военным трибуналом Сибирского военного округа к пяти годам лагерных работ и пяти – поражения в правах. Срок отбывал, работая на пристани под г. Абаканом. Умер 12 сентября 1943 г. Реабилитирован в декабре 1962 г.

30. Шаклейн Григорий Васильевич – 1890 г. рождения, уроженец Вятской губернии. Участник Первой мировой войны. Председатель Агинского волостного Совета в Канском уезде и организатор партизанского отряда в д. Вознесенка. Заместитель председателя армейского совета партизанской армии Кравченко-Щетинкина, член главного штаба. Был ранен в бою у с. Рыбинского. Коммунист с 1920 г. В ноябре 1920 г. в составе ЧОНа участвовал в подавлении Голопуповского восстания. С 1922 г. служил начальником милиции в Канске, Красноярске и Хакасии. В 1924-1925 гг. – начальник подотдела Енисейского губернского, Красноярского окружного административных отделов. В 1930 г. – председатель Минусинского районного колхозсоюза. Привлекался за якобы обнаруженную Минусинским оперативным сектором ОГПУ связь с «правыми оппортунистами» Сырцовым и Каврайским к партийной ответственности. Управляющий трестом «Главсахар» в г. Новосибирске. Арестован 26 июля 1937 г. по коллективному делу Н.М. Буды. 19 июля 1938 г. осуждён Военной Коллегией Верховного суда СССР к расстрелу. Казнён в тот же день. Реабилитирован в декабре 1956 г. [ГА КК. Ф. П. – 42. Оп. 8. Д. 199. Л.1; Ф. П. – 60. Оп. 1. Д. 1071. Л. 52; Агалаков, 1978: 196; Бугаев, Жалимов, 1995. Кн. 2. Ч. 1: 6; ЕЭС, 1998: 687; Гавриленко, 2000: 199; Красноярское общество «Мемориал»].

31. Щетинкин Пётр Ефимович – 1884 г. рождения, уроженец Рязанской губернии, из крестьян-бедняков. После смерти матери воспитывался сестрой. С 10-12 лет работал в кузнице, подпаском у мельника. Два года учился в церковно-приходской школе. Плотничал с отцом на стройках Москвы. В конце 1906 г. призван на военную службу, которую проходил в 29-м Сибирском стрелковом полку (г. Ачинск). Демобилизовавшись, с декабря 1909 г.

проживал, занимаясь плотничьим и столярным ремеслом, в д. Красновка Ачинского уезда. В августе 1911 г. вернулся на сверхсрочную военную службу в ту же часть, в 1913 г. произведён в фельдфебели. С началом Первой мировой войны находился на фронте: в августе 1915 г. произведён в прапорщики и назначен командиром роты, награждён Георгиевским крестом всех четырёх степеней, тремя георгиевскими и французской медалями. В декабре 1916 г. назначен начальником учебной команды 59-го Сибирского стрелкового полка. В ноябре 1917 г. – поручик. Затем за выслугу лет был произведён в штабс-капитаны и награждён орденами Св. Станислава 2 и 3-й степени и Св. Анны 3-й степени. Демобилизовавшись, с марта 1918 г. возглавил Ачинский уголовный розыск и оперативный отдел совета. Во время антибольшевистского переворота 1918 г. являлся начальником штаба Красной гвардии и командиром отряда на Мариинском фронте. Затем скрывался на территории северных волостей Ачинского уезда, присоединился в д. Лапшиха к подпольной организации. В декабре 1918 г. создал повстанческий отряд, который вскоре занял с. Большой Улуй и др. селения. С марта 1919 г. – командующий Северо-Ачинской партизанской армией. В боях с правительственными войсками с 18 по 29 марта потерпел поражение и организовал переход партизан в Степной Баджей, где они соединились с манскими и канскими повстанцами. На армейском съезде и на митинге в с. Жайма был избран заместителем главнокомандующего. Расходился с ним во взглядах на перспективы партизанского движения. Имея военный и боевой опыт, проявил его в командовании партизанскими частями. В народных низах был популярен, отличался храбростью, добродушием, мужественностью, отсутствием властолюбия. Но не обладал широким кругозором и был сторонником жёсткого отношения к интеллигенции. При Советской власти командовал 1-й бригадой в Енисейской стрелковой дивизии. С её расформированием являлся членом Чрезвычайного Сибирского революционного трибунала при Сибревкоме, осудившего в мае 1920 г. бывших колчаковских министров, с июня – уполномоченным Центральной комиссии

по восстановлению разрушенных крестьянских хозяйств, а с июля – товарищем (заместителем) председателя Ачинского уездного исполкома и членом уездного комитета РКП(б). Назначался уполномоченным для записи добровольцев из бывших партизан в Красную армию по Ачинскому уезду. На губернском съезде советов (сентябрь 1920 г.) избран членом Енисейского губернского исполкома. В сентябре-октябре 1920 г. в качестве комбата и командира 21-го полка 51-й дивизии находился на Южном фронте. Демобилизовавшись в декабре 1920 г. и будучи в Москве, оформил членство в РКП(б), которое некоторые сослуживцы ошибочно отсчитывали с марта 1918 г. Принимал участие в работе VIII Всероссийского съезда советов. С марта 1921 г. – командир эскадрона экспедиционных войск, направленных по просьбе Сухэ-Батора и указанию В.И. Ленина на помощь революционной Монголии. В мае-августе того же года вместе с Чойбалсаном командовал Особой западной армией, сражавшейся с вторгнувшейся в Забайкалье Азиатской Конной дивизией генерал-лейтенанта и барона Р. Ф. Унгерна-Штернберга. Преследуя её остатки, захватил Унгерна. За ликвидацию белого воинства приказом по 5-й армии и Восточно-Сибирскому военному округу от 22 сентября 1921 г. награждён орденом Красного Знамени. Монгольский народ даровал ему имя «Тимур Батор Джань Джунь» («Железный командир-богатырь»). В Ачинске коммунисты постановили назвать его именем одну из улиц. В октябре 1921 г., находясь с докладом Главкому о событиях в Монголии, был оставлен учиться на военно-академических курсах. С марта 1922 г. – командир полка войск ГПУ, с октября того же года – помощник и начальник штаба войск Сибирского пограничного округа. С реорганизацией войск ГПУ служил начальником, помощником начальника штаба пограничного отдела, помощником старшего инспектора по строевой части в инспекции войск ОГПУ Сибири. В январе 1925 г. назначен командиром и военкомом 9-го полка, а в октябре – зачислен вновь слушателем Высших академических курсов усовершенствования командного состава РККА им. М. В. Фрунзе, которые окончил в июле 1926 г. Награждён знаком «По-

четный чекист войск ОГПУ Сибирского пограничного округа». С августа 1926 г. по приглашению правительства МНР служил инструктором военно-пограничного отдела Государственной внутренней охраны (ГВО) в Урге или Улан-Баторе, избирался секретарем её партийной организации. По официальной советской версии, умер от паралича сердца. В действительности погиб, вероятно, в результате интриг 30 сентября 1927 г. Похоронен на центральной площади г. Новосибирска. Его именем названы селение в Красноярском крае, улицы в Омске, Новосибирске, Кемерово, Иркутске, Красноярске, Ачинске и Абакане, а также пароход. В Минусинске установлены два памятника и в Новосибирске – бюст. Автор опубликованных мемуаров (Воспоминания из прошлого // Сб. истпарта. № 1. Новониколаевск, 1923; Борьба с колчаковщиной. Очерк партизанской борьбы на Минусинском фронте. Новосибирск, 1929) [Пешкин, 1970; Кашуткин, 1977; Шекшеев, 2006: 138-146; Симонов, 2009: 555].

32. Якушков Николай Петрович – 1889 г. рождения, уроженец Вятской губернии. Образование – три класса сельской школы. В 1905 г. переехал к родственникам в п. Черемхово Иркутской губернии, где работал на шахте. Затем крестьянствовал в д. Михайловке Имисской волости Минусинского уезда Енисейской губернии. С 1913 г. – на строительстве тоннелей Байкальской железной дороги, работал горнымрабочим. В 1917 г. вернулся в д. Михайловку, где вскоре организовал группу бывших фронтовиков. В 1919 г. – член Затубинского ревкома, начальник штаба Кизирского полка, соединившегося с партизанской армией Кравченко-Щетинкина. При Советской власти по состоянию здоровья был демобилизован, служил секретарем Михайловского сельсовета, работал буровым мастером на Ольховском прииске. 12 ноября 1937 г. арестован и приговорён тройкой УНКВД Красноярского края к расстрелу. Казнён в г. Минусинске 27 ноября того же года. Реабилитирован в августе 1957 г.

Судя по данному перечню, многие из партизанских вождей ещё до Гражданской войны участвовали в революционном движении, служили в органах первой Советской власти и возглав-

вили восставших крестьян, бежав из заключения или находясь под угрозой репрессий со стороны антибольшевистской администрации. Но большинство из них стали коммунистами лишь с победой Советской власти. Рабочих было немного, командный состав партизан рекрутировался в основном из крестьян, ядро которых составляли переселенцы. Образовательный уровень партизанских командиров был крайне низким. В то же время крестьянство выдвигало в военные руководители авторитетных в деревне односельчан, знающих ратное дело.

С воцарением Советской власти бывшие партизанские командиры продолжали воевать, защищая её, с белополяками и врангелевцами, служили в партийно-советских, правоохранительных органах, учебных заведениях и народном хозяйстве. В дальнейшем писателем стал П.П. Петров. За заслуги перед Советской властью некоторые из них были награждены орденами. Эти лица оставались надёжной опорой советского режима в деревне и приняли активное участие в ликвидации крестьянских мятежей. Одновременно бывшие партизанские вожди, недовольные засильем во власти коммунистов-«назначенцев», мечтали о «Варфоломеевской ночи», чтобы «передавить чуждый элемент», а затем выступить на защиту советов, как внепартийных органов. Склонные к сепаратизму и красному бандитизму, они зачастую оказывались под наблюдением чекистов.

Коллективизация окончательно расколола эту категорию людей. Некоторые из них стали участниками крестьянского выступления за советы, но без коммунистов, другие – активно поддерживали сталинскую политику в деревне и способствовали гибели своих товарищей. В 1937-1938 гг. новые сталинские кадры расправились с бывшими партизанскими вождями, склонными к конфронтации между собой и властью.

Исходя из биографических сведений, можно сказать, что крестьянское повстанчество, существовавшее в условиях сибирской периферии, было сложным социально-политическим явлением. Автор надеется, что представленный здесь перечень

будет способствовать углублению познаний о Гражданской войне и очеловечиванию истории.

Библиографический справочник

1. *Агалаков В.Т.* Советы Сибири. 1917-1918 гг. Новосибирск: Наука, 1978. 255 с.
2. Биографические данные на Баталова Сергея Тихоновича // Красноярское общество «Мемориал». Мартиролог. http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/People/_Lists/Frolova/2/900001.htm
3. Биографические данные на Фролова Ивана Ивановича // Красноярское общество «Мемориал». Мартиролог. http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/People/_Lists/Frolova/2/900006.htm
4. Биографические данные на Якушкова Николая Петровича // Красноярское общество «Мемориал». Мартиролог. http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/People/_Lists/Frolova/2/900007.htm
5. Бойцы революции. Красноярск: Кн. изд-во, 1982. 277 с.
6. Борцы революции: Библиограф. указатель. Красноярск: Кн. изд-во, 1990. 191 с.
7. *Бугаев Д.А.* На службе милицейской. Кн. 1. Ч. 1. Красноярск: Кн. изд-во, 1993. 349 с.
8. *Бугаев Д.А.* На службе милицейской. Кн. 1. Ч. 2. Красноярск: Кн. изд-во, 1993. 335 с.
9. *Бугаев Д.А., Жалимов Л.С.* На службе милицейской. Кн. 2. Ч. 1. Красноярск: Кн. изд-во, 1995. 224 с.
10. *Гавриленко В.К.* Казнь прокурора: Документальное повествование. Абакан: АОЗТ «Хакасинтерсервис», 2000. 240 с.
11. Годы огневые: Сб. воспоминаний участников красноярского большевистского подполья и партизанского движения Енисейской губернии в борьбе за власть Советов (1918-1920 гг.). Красноярск: Кн. изд-во, 1962. 407 с.
12. Гражданская война в Сибири // <http://siberia.forum24.ru/>
13. Енисейский энциклопедический словарь (ЕЭС) / гл. ред. Н.И. Дроздов. Красноярск: Русская энциклопедия, 1998. 735 с.
14. *Журов Ю.В.* Енисейское крестьянство в годы гражданской войны. Красноярск, 1972. 250 с.
15. *Замураев Я.С.* Енисейские партизаны. Воспоминания участника партизанской армии П.Е. Щетинкина и А.Д. Кравченко. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1970. 224 с.

16. Кашуткин П.В. Революцией мобилизованный и призванный... Очерк жизни и деятельности П.Е. Щетинкина. М.: Политиздат, 1977. 240 с.
17. Книга Памяти жертв политических репрессий Красноярского края. Кн. 2. Красноярск: Издательские проекты, 2005. 448 с.
18. Книга Памяти жертв политических репрессий Красноярского края. Кн. 3. Красноярск: Издательские проекты, 2005. 448 с.
19. Красноярское общество «Мемориал». Мартиролог. // <http://www.memorial.krsk.ru/>
20. Кузнецов Н.А. Андреевский флаг над Енисеем // Белая гвардия. № 5. Белое движение на востоке России. М.: Изд-во «Посев», 2001. С. 48-54.
21. Лантев А. Армань. Документально-художественное повествование // Сибирские огни. 2016. № 9. С. 3-54; № 10. С. 3-61.
22. Ларьков Н.С. Партизанское движение // Историческая энциклопедия Сибири (ИЭС). Т. 2. К-Р. Новосибирск, 2009. С. 578-582.
23. Липинская К. Заметки о писателе-партизане // Енисей. 1959. Кн. 24. С. 111-114.
24. Мармышев А.В. Атаман Енисейского казачьего войска Виктор Попов // Сибирский исторический альманах. Т. 2. Сибирь на переломе эпох. Начало XX века. Красноярск: Знак, 2011. С. 330-335.
25. Мосунов Г. Сибирский грузин Сергей Сургуладзе // Красноярская газета. 2004. 15 декабря.
26. Очерки истории Хакасии советского периода. 1917 - 1961 годы. Абакан: Хак. кн. изд-во, 1963. 419 с.
27. Память народа // <https://pamyat-naroda.ru/>
28. Партизанское движение в Сибири. Т. I. Приенисейский край. М.; Л.: ГИЗ, 1925. 313 с.
29. Паршуков В.А. Роль казачества в подавлении повстанческого партизанского движения в Енисейской губернии // Гражданская война на востоке России: объективный взгляд сквозь документальное наследие: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 12–13 ноября 2014 года). Омск: Амфора, 2015. С. 113-118.
30. Петров П. Партизанское движение в Сибири // Три года борьбы за диктатуру пролетариата (1917 – 1920). Омск: Сиб. гос. изд-во, 1920. С. 108-124.
31. Пешкин Ф.Н. Пётр Щетинкин. Красноярск: Кн. изд-во, 1970. 155 с.
32. Политическая каторга и ссылка: Биографический справочник

членов общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. М.: Всесоюз. о-во полит. каторжан и ссыльнопоселенцев, 1929. 686 с.

33. *Попов Г.Н.* Партизаны Заманья: Воспоминания политработника партизанской армии А.Д. Кравченко и П.Е. Щетинкина. Красноярск: Кн. изд-во, 1974. 199 с.

34. *Попов К.Ф.* «Не допахал я начатое поле» // Виновным себя не признаю. Красноярск: Амальгама, 2001. 167 с. – [Http://www.memorial.krsk.ru](http://www.memorial.krsk.ru).

35. *Рагозин Т.Г.* Партизаны Степного Баджея. М.: Новая Москва, 1926. 208 с.

36. *Симонов Д.Г.* Щетинкин Пётр Ефимович // ИЭС. Т. 3. С – Я. С. 555.

37. Соха и молот. 1919. 30 сентября.

38. Соха и молот. 1919. 2 октября.

39. Соха и молот. 1919. 5 октября.

40. Соха и молот. 1919. 21 октября.

41. Соха и молот. 1919. 24 октября.

42. Соха и молот. 1919. 26 ноября.

43. *Табакаева К.В., Митюшина Е.В.* Завязалась кровавая битва (Партизанское движение в Прикунгусье) // <http://www.memorial.krsk.ru/>

44. *Толстова Г.А.* «Не допахал я начатое поле» // <http://www.memorial.krsk.ru/>

45. *Трушкин В.* Сибирский партизан и писатель П.П. Петров (повесть героической жизни). Иркутск: Вост.- Сиб. кн. изд-во, 1965. 252 с.

46. *Чуприков Г.Е.* О партизане Заманья М.И. Жалнерчике // Люди и судьбы. XX век: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. Красноярск, 30 окт. 2003 г. Красноярск, 2003. С. 58-61.

47. *Шекшеев А.П.* Белоцарский бой. Трагическая страница в истории казачества // Тобольск и вся Сибирь: Альманах. Номер четырнадцатый. Сибирское казачье войско. Тобольск: Возрождение Тобольска, 2011. С. 273-286.

48. *Шекшеев А.П.* Гражданская смута на Енисее: победители и побежденные. Абакан: Хак. кн. изд-во, 2006. 594 с.

49. *Шекшеев А.П.* Крестьянское повстанчество на Енисее. 1918-1932 гг. // Вопросы истории. 2006. № 2. С. 103-112.

50. *Шекшеев А.П.* Саянский поход енисейских красных партизан // Халхин-Гол 1939 г. в мировой истории и международных отношениях: история, историография, концепция: Мат-лы междунаро. науч.

конф. 23 мая 2014 г. // Вестник Международного центра азиатских исследований. 19/2014. Иркутск: Изд-во ВСГАО, 2014. С. 212-220.

51. Шишкин В.И. Кравченко Александр Диомидович // ИЭС. Т. 2. К-Р. Новосибирск, 2009. С. 160.

52. Шишкин В.И. Степно-Баджейская (Заманская) партизанская республика // ИЭС. Т. 3. С-Я. Новосибирск, 2009. С. 187-189.

53. Шулдяков В.А. Сибирские казаки в Урянхайском крае (1918-1919): неизвестная страница Гражданской войны // Современные научные исследования: теория, методология, практика: Сб. науч. тр. Вып. 2. Омск: Изд-во АНО ВПО «Омский экономический институт», 2008. Т. 3. С. 114-132.

54. Щетинкин П.Е. Борьба с колчаковщиной. Очерк партизанской борьбы на Минусинском фронте. Новосибирск: Сибкрайиздат, 1929. 98 с.

55. Эльцин В. Крестьянское движение в Сибири в период Колчака // Пролетарская революция. 1926. № 2 (49). С. 5-48.

Alexander P. Sheksheev

*Candidate of Sciences in History
Republic of Khakassia, Abakan*

This article was created with the aim of identification and analysis of biographical information about persons who were in command of the red guerrillas, who fought during the Civil war with the troops of the Russian government, A.V. Kolchak on the territory of Krasnoyarsk, Kansk and Minusinsk districts of the Yenisei province. The origin and way of life of 32 people - the leaders of the peasant insurgency say that it was a complex socio-political phenomenon. Many of the guerrilla leaders participated in the revolutionary movement and led the rebellious peasants, fleeing from prison or under threat of repression by the anti-Bolshevik administration, but the Communists were only with the victory of Soviet power. They were mostly peasants, the core of whom were immigrants. The educational level of partisan commanders was extremely low, but they were persons of authority among the villagers and who knew military Affairs.

Keywords: white, Bolsheviks, insurrection, the peasants, the guerrillas, the guerrilla areas and shelves, settlers, Soviet power, socialist-revolutionaries.

УДК 001(091) (571,513)

К 75-ЛЕТИЮ ХАКАССКОГО НИИЯЛИ (1944-2019 ГГ.)

В.Н. Тугужекова
д. и. н., профессор

Хакасский Научно-Исследовательский Институт
языка, литературы и истории (ХакНИИЯЛИ)

Статья посвящена истории создания и развития Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, который осенью этого года отмечает свой очередной юбилей – 75 лет со дня основания. В работе представлена деятельность подразделений института, приоритетные направления научных исследований и основные достижения его научной деятельности.

Ключевые слова: Хакасия, институт, научные сотрудники, история, язык, литература, научные исследования, публикации.

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории был организован исполкомом Хакасского областного Совета депутатов трудящихся в октябре 1944 г. на основании распоряжения Совета Народных Комиссаров РСФСР №1786-р от 31 июля 1944 г. и приказа Народного Комиссара просвещения РСФСР № 572 от 23 августа 1944 г.

Первым его директором стал Николай Георгиевич Доможаков, который тогда обучался на подготовительных курсах при аспирантуре языка и письменности Академии наук СССР. В связи с образованием ХакНИИЯЛИ обком партии отозвал его из Москвы и назначил директором. Здесь проявились организаторские способности Николая Георгиевича. Институт пришлось создавать на пустом месте: не было ни научной, ни материальной базы. Учёным секретарем института был назначен старший научный сотрудник сектора языка и письменности, кандидат филологических наук Церен-Доржи Номинханов. Одна из его работ «Хакасская топонимика как источник истории хакасского народа» считается основополагающей в изучении топонимики Хакасии [Алябьева, 1961: 135-150].

В составе института были первый директор института Н.Г. Доможаков, научные сотрудники и члены учёного совета Ф.Г. Исхаков, П.И. Каралькин, Ц.-Д. Номинханов, А.Т. Казанаков, М.А. Унгвицкая, В.П. Левашова, В.И. Доможаков, А.А. Кенель и др. Большую помощь в организации научных исследований, подготовке первых изданий института оказали учёные Академии наук СССР: член-корреспондент АН СССР, профессор С.В. Киселёв, доктор исторических наук Л.П. Потапов, кандидат исторических наук Л.Н. Евтюхова и др. [Артамонова, 1999: 115-121]. Уже в первые годы существования Хакасский НИИЯЛИ совместно с центральными научными учреждениями проводил археологические, этнографические, фольклорные и лингвистические экспедиции. Следует отметить сотрудничество института с членом-корреспондентом АН СССР Борисом Клементьевичем Пашковым, с которым с 1946 г. было проведено несколько совместных этнографических экспедиций по изучению фольклорного наследия хакасов. С начала организации ХакНИИЯЛИ в институте работали три сектора: языка и письменности, литературы и фольклора, истории и этнографии.

Сектор языка и письменности возглавил известный тюрколог Фазил Гарипович Исхаков. Он автор 35 научных трудов и учебных пособий. При содействии Ф.Г. Исхакова были открыты национальная школа, отделения хакасского языка и литературы при Абаканском учительском институте. Впоследствии заведующими сектором были Ц.-Д. Номинханов, А.И. Инкижекова, У.Н. Кирбижекова, Д.Ф. Патачакова, Д.И. Чайков, М.И. Боргояков, О.П. Анжиганова. С 1995 г. по 2014 г. сектор возглавляли О.В. Субракова и Р.Д. Сунчугашев [Асочаков, 1986 а: 9-15].

Сектор языка провёл большую работу по унификации норм хакасского литературного языка. Сотрудниками сектора был подготовлен ряд научных работ, имевших большое практическое значение, в том числе «Орфография хакасского литературного языка», в написании которой принимали участие Ф.Г. Исхаков, Н.Г. Доможаков, А.Т. Казанаков и др. Большая заслуга в разработке вопросов орфографии принадлежала Дарье

Фёдоровне Патачаковой [Асочаков, 1986 б: 133-142]. Для школ были изданы «Грамматика хакасского языка» (автор Н.Г. Доможаков), «Хакасско-русский словарь» (автор Д.Ф. Патачакова) и «Русско-хакасский словарь» (автор Ц.-Д. Номинханов), а также сборники произведений хакасских поэтов, сборники песен, героических сказаний.

Темой многих кандидатских диссертаций стали диалекты и говоры хакасского языка. Диалектам хакасского языка было посвящено также несколько сборников (1973, 1992 гг.). В изучение бельтырского говора внесла значительный вклад кандидат филологических наук О.В. Субракова. Сектор принял участие в составлении Диалектологического атласа тюркских языков СССР и Диалектологического атласа тюркских языков Сибири.

Важным достижением, итогом многолетних исследований является создание первой научной грамматики хакасского языка (Москва, 1975 г.), в работе над которой приняли участие Н.А. Баскаков, Г.Ф. Бабушкин, М.И. Боргояков, Г.И. Донидзе, А.И. Грекул, В.Г. Карпов, Д.Ф. Патачакова, Д.И. Чанков.

Продолжительное время сектором хакасского языка руководил известный тюрколог, доктор филологических наук Михаил Иванович Боргояков, внёсший большой вклад в развитие хакасского языкознания [Ултургашев, 1970]. Он опубликовал более 60 научных трудов, в том числе монографии «Развитие падежных форм и их значение в хакасском языке» (Абакан, 1976), «Источники и история изучения хакасского языка» (Абакан, 1981).

В настоящее время в секторе продолжается изучение актуальных вопросов современного хакасского языка. Руководит сектором Артём Самуилович Кызласов, кандидат филологических наук. Кроме теоретических работ сектор хакасского языка занимается практикой, так в последние годы издано ряд словарей: «Хакасско-русский словарь» (2006) и «Русско-хакасский словарь лингвистических терминов» (2012) под редакцией О.В. Субраковой; 3.Е. Каскараковой подготовлены «Словарь омонимов хакасского языка» (2009) и «Русско-хакасский словарь общественно-политических терминов» (2012), переиздано пособие

Д.Ф. Патачаковой «Кызыльский диалект хакасского языка» (2013), подготовлен русско-хакасский словарь для школьников (2013), завершена работа над толковым словарём.

В 2013 г. при поддержке гранта РГНФ реализован проект «Кызыльский диалект хакасского языка: современное состояние, проблемы, перспективы», состоялась экспедиция в места компактного проживания кызыльцев (руководитель Р.Д. Сунчугашев). В 2014 г. поддержан грант РГНФ по изучению состояния качинского диалекта хакасского языка (руководитель Р.Д. Сунчугашев).

В ходе проведения экспедиционных работ по изучению современного состояния кызыльского диалекта выявилось устойчивое противоречие между тем, что люди говорят в отношении своего этнического диалекта и реальной практикой использования этого диалекта. Исследователи пришли к выводу, что рынок диктует свои правила не только в экономике, но и в выборе языка. Большинство носителей кызыльского диалекта сегодня позитивно относится к своему этническому диалекту, родители выражают желание, чтобы их дети говорили на языке предков. В то же время языком, на котором родители говорят сегодня со своими детьми даже в моноэтнических семьях, за редким исключением оказывается русский. Если знание этнического языка рассматривается как желательное, знание русского языка считается обязательным. И именно это знание родители стараются дать своим детям, чтобы облегчить им учёбу в школе.

В июле 2019 года сектор совершил экспедицию в северные районы Хакасии, где он был в 2013-2014 гг., для сопоставительного анализа состояния хакасского языка в настоящее время.

Весьма плодотворно работает институт в области хакасской фольклористики и литературоведения. Известно, что в фольклоре отражается историческое прошлое народа, хранится его мудрость, накопленная веками, шлифуется его художественный опыт. Поэтому с самого начала институт уделил особое внимание сбору фольклорных произведений; были выявлены и взяты на учёт все сказители, их репертуар. Созданный коллективны-

ми усилиями хакасской национальной интеллигенции рукописный фонд института по фольклору насчитывает в настоящее время сотни томов оригинальных текстов, донесённых до нас из глубины веков. Среди собирателей, внёсших наибольший вклад в создание фольклорного фонда, надо назвать В.Е. Майногашеву, Д.И. Чанкова, П.А. Троякова, Т.Г. Тачееву, В.И. Доможакова, русскоязычных исследователей М.А. Унгвицкую, А.А. Кенеля, А.К. Стоянова и др.

Большую работу по сбору и изучению фольклора проводит кандидат филологических наук В.Е. Майногашева. За годы работы в институте она организовала семь фольклорных экспедиций, записала 25 героических сказаний. Работая как собиратель, аналитик, текстолог и переводчик, она написала более 100 научных и научно-методических работ, в том числе монографию (в соавторстве с М.А. Унгвицкой) «Хакасское народное поэтическое творчество», в которой впервые дана характеристика, классификация и периодизация жанров фольклора [О работе, 1971].

Но основное направление в работе В.Е. Майногашевой – подготовка к публикации произведений героического эпоса, которая требует глубоких знаний, кропотливой исследовательской работы. Вышедший в 1988 г. в издательстве «Наука» (серия «Эпос народов СССР») «Алтын-Арыг» является фундаментальным научным трудом, которым пользуются в научных кругах многих стран мира. В.Е. Майногашевой подготовлен и издан в 1997 г. героический эпос «Ай-Хуучин» в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока».

Определённый вклад в изучение хакаского фольклора внёс заведующий сектором литературы, кандидат филологических наук П.А. Трояков. Им подготовлено более 30 работ, в том числе ряд теоретических статей, изданных в центральных академических журналах, а также книги «Героический эпос хакасов» (Абакан, 1991); «Истоки чудесного вымысла. Сравнительное изучение сказочного творчества хакасов» (Абакан, 1991).

Кроме этого, сектором за последние годы подготовлено ряд книг, это В.Е. Майногашевой «Алтын Сейзен на Бело-игренем

коне (алыптыгныхмах). Сказывал, записал, сказитель П.В. Курбижеков» (2010); «Личность сказителя в истории культуры народа (К 100-летию со дня рождения великого хакасского сказителя Петра Васильевича Курбижекова) (2010); Ю.И. Чаптыковой «Этно-поэтическое своеобразие прозы И. Костякова» (2013) и др.

В настоящее время заведующим сектором фольклора является кандидат филологических наук Н.С. Чистобаева, в секторе работают В.Е. Майногашева, Ю.И. Чаптыкова, Е.С. Торокова.

В секторе фольклора совместно с Сектором фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН подготовлены и изданы 2 тома хакасского фольклора серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»:

1. Хакаские народные сказки (к.ф.н. Е.С. Торокова) – 2014 г.

2. Несказочная проза хакасов (к.ф.н. В.В. Миндибекова, Л.К. Ачитаева, С.К. Кулумаева). – 2016 г.

Кроме этого, в 2018 г. вышли «Образцы народной литературы тюркских племён, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи», собранные В.В. Радловым в 1863 г. Книгу к изданию подготовила Е.С. Торокова. В целом работы фольклористов свидетельствуют о том, что у хакасов в прошлом была собственная, самобытная духовная культура, и они делают эту культуру достоянием широкой общественности.

Литературоведами института (М.А. Унгвицкой, П.А. Троякова, К.Ф. Антошина, Т.Г. Тачеевой, У.Н. Кирбижековой, А.Г. Кызласовой и др.) исследовались закономерности развития хакасской литературы, её жанров, проблемы становления реализма, вопросы взаимосвязи устного поэтического творчества и современной хакасской литературы, творчество отдельных писателей. Сотрудники сектора принимали участие в подготовке разделов пятитомной «Истории советской литературы».

Накопленный в результате исследований материал позволил подготовить и издать коллективную обобщающую работу «Очерки истории советской хакасской литературы».

В настоящее время работу сектора литературы возглавляет доктор филологических наук, профессор А.Л. Кошелева, которая ра-

ботает заведующей с 1999 г. В секторе работают кандидаты филологических наук Н.С. Майнагашева и Л.В. Челтыгмашева. В 2011 г. вышла коллективная монография «История хакасской литературы». Сектор плодотворно работает по теме «Жанрово-стилистическое своеобразие хакасской литературы: типология, поэтика. Хакасская литература и современный литературный процесс».

Одной из актуальных тем сектора литературы является «Хакасская проза и проза народов Саяно-Алтая в культурно-этническом аспекте» (с.н.с., к.ф.н. Л.В. Челтыгмашева). В процессе работы над темой исследования выявлены типологически сходные, а также своеобразные традиции, образы, мотивы, художественно-эстетические особенности, позволяющие раскрыть национальную самобытность мышления и видения алтайского, тувинского и хакаского народов, их типологические сходения с общечеловеческими ценностями.

За последние годы сектором литературы издано ряд монографий: А.Л. Кошелева «Лирический мир хакасской поэзии в контексте духовных памятников евразийской культуры: генезис, поэтика, типология» (2008); она же «Михаил Еремеевич Кильчичаков: жизни и творчество» (2012); она же «Писатели Хакасии» (2017); Л.В. Челтыгмашева «Фольклоризм хакасской прозы. 1930-1990-е гг.» (2010); Н.С. Майнагашева «Жизнь и творчество Александра Михайловича Топанова» (2013) и др.

С начала существования ХакНИИЯЛИ в нём действует сектор истории и этнографии. Уникальным и своеобразным человеком был первый заведующий сектором, проработавший в этом качестве более года, кандидат биологических наук Альберт Николаевич Липский. В 1943 г. он приехал в Хакасию по рекомендации профессора Е.Ф. Дебеца с целью проведения палеонтологических исследований на Среднем Енисее. Тогда ему было 53 года. Почти 30 лет жизни на земле Хакасии А.Н. Липский посвятил изучению её древнего прошлого. Огромное внимание он уделял и развитию краеведческого музея.

Заведующими сектором были П.И. Каралькин, Н.С. Марты-

нов, К.Г. Чаптыков, К.М. Патачаков, В.А. Асочаков, Я.И. Сунчугашев, Д.М. Карачаков, В.К. Чертыков.

В секторе истории института работал В.Я. Бутанаев, доктор исторических наук, профессор Института истории и права ХГУ им. Н.Ф. Катанова.

В настоящее время сектор возглавляет кандидат исторических наук Т.А. Кискидосова, В секторе на постоянной основе работают 5 историков – это А.А. Бурнаков, Е.В. Самрина, В.А. Печерский и В.К. Чертыков. В течение последних лет сектор привлекал к сотрудничеству историков А.П. Шекшеева, М.Г. Степанова.

С самого начала своей деятельности сектор истории проводил исследования совместно с ведущими научными центрами страны, в том числе Сибири. Особенно ярко это проявилось в этнографическом и археологическом изучении Сибири и Хакасии.

С 1946 г. с ХакНИИЯЛИ сотрудничал член-корреспондент АН СССР, профессор Борис Клементьевич Пашков, в частности было проведено несколько совместных этнографических экспедиций по изучению фольклорного наследия коренного населения Хакасии.

В 1954-1956 гг. научные сотрудники ХакНИИЯЛИ занимались раскопками Салбыкского кургана, которые возглавлял член-корреспондент Академии наук СССР, профессор Сергей Владимирович Киселёв. Он в течение 20 лет руководил также Саяно-Алтайской экспедицией материальной культуры АН СССР и Государственного Исторического музея.

С сектором истории в течение многих лет сотрудничал профессор Московского государственного университета, первый доктор исторических наук из хакасов Леонид Романович Кызласов. Под его руководством в 1960-1980-е гг. на территории Хакасии активно работала археологическая экспедиция МГУ. В результате были сделаны важные открытия, касающиеся эпохи камня, бронзы, древнехакасской государственности, средневековой культуры хакасов. Материалы этой экспедиции (наряду с данными других археологических экспедиций) стали одним

из основных источников для «Истории Хакасии с древнейших времён до 1917 года».

Сотрудничал с институтом ведущий археолог России, начальник Хакасской археологической экспедиции, доктор исторических наук, профессор Игорь Леонидович Кызласов.

С 1960 г. сектор истории работает в тесном контакте с Объединённым институтом истории, филологии и философии СО РАН. Под руководством таких известных учёных, как А.И. Окладников, А.П. Деревянко, В.В. Алексеев, В.Л. Соскин, Н.Я. Гущин, И.И. Комогорцев, В.А. Ламин и многих других, в секторе готовились кандидатские и докторские диссертации, издавались крупные обобщающие исследования, проводились научные конференции.

С февраля 2008 г. из сектора истории был выделен сектор археологии, который возглавляет кандидат исторических наук Ю.Н. Есин. Сектор ведёт следующие научно-исследовательские темы: «Антропоморфные изображения окуневской культуры» (зав. сектором, к.и.н. Ю.Н. Есин). По теме разработана новая классификация росписей в окуневском наскальном искусстве. Впервые изучены и реконструированы бихромные композиции, существование которых в окуневском искусстве ранее не было известно. В результате лабораторного изучения проб краски установлено, что главным пигментом красного цвета являлся гематит, реже использовалась охра, а чёрная краска состоит из древесного угля. Проведена классификация изображений повозок. В рамках международного сотрудничества ХакНИИ-ЯЛИ Ю.Н. Есин принимает участие в работе археологической экспедиции Музея доисторической антропологии Княжества Монако в Монголии под эгидой ЮНЕСКО. В настоящее время темой НИР Ю.Н. Есина является «Колёсные повозки в культуре населения Минусинской котловины (с древности до XIX в.)»

В рамках сотрудничества ХакНИИЯЛИ и ИИМК РАН О.В. Ковалева и П.Б. Амзараков принимали участие в археологических полевых исследованиях в зоне строительства железной дороги Курагино-Кызыл, в раскопках в зоне Бейского угольного ме-

сторождения. Благодаря сотрудничеству ХакНИИЯЛИ с Научно-исследовательским центром по изучению древних культур железного века Восточной Азии (Япония) проводятся полевые исследования памятников древней металлургии, выявленных ранее Я.И. Сунчугашевым на территории Хакасии и Тувы.

Археолог А.И. Поселянин занимается исследованием темы «Погребальный комплекс эпохи поздней бронзы Белый Яр 5».

С целью проведения исследований по проблемам экономики, промышленности, сельского хозяйства, производственной и социальной инфраструктуры, повышения уровня жизни населения Хакасии и юга Красноярского края в 1974 г. был образован сектор экономики (ныне сектор экономики и социологии). Первый его заведующий Виктор Львович Бобровник имел большой опыт хозяйственной и партийной работы.

Сектор работал в тесном взаимодействии с обл- и крайпланом, крайстатуправлением, другими ведомствами Хакасии и Красноярского края. Значительный вклад внесли его сотрудники в решение вопросов рационального формирования Саянского территориально-производственного комплекса.

С начала образования сектора экономики велась активная работа по повышению профессионального уровня научных сотрудников. Налаживались тесные связи с ведущими научными учреждениями страны, в том числе с Советом по изучению производительных сил при Госплане СССР, Институтом экономики и организации промышленного производства СО АН СССР, Сибирским научно-исследовательским институтом экономики сельского хозяйства СО ВАСХНИЛ и др.

За годы деятельности сектора получили учёные степени следующие научные сотрудники: Владимир Алексеевич Кышпанакоев – кандидат экономических наук и доктор исторических наук, Лариса Викторовна Анжиганова – доктор философских наук, Пётр Петрович Бурнаков – кандидат экономических наук, Георгий Михайлович Шапошников – кандидат экономических наук, Валерий Константинович Шулбаев – кандидат экономических наук.

наук, Трошкина Ирина Николаевна – кандидат философских наук, ныне заведующий сектором экономики и социологии.

Кроме этого в секторе работают молодые научные сотрудники О.Л. Лушникова и Е.В. Прищепа, которые занимаются темами исследования соответственно «Родовые отношения как социокультурный феномен на примере Хакасии», «Потенциал социального развития сельских территорий (на примере РХ)» и «Малое и среднее предпринимательство Республики Хакасия на современном этапе». Благодаря инициативам сектора за последние годы проведены конференции в сёлах Доможаково, Аршаново, Новомарьясово, Целинное, Бельтырское, Очуры и в июне 2019 г. прошла конференция, посвящённая 100-летию Есинского сельского Совета в аале Полтаков.

С 1 сентября 1999 г. на базе ХакНИИЯЛИ функционирует лаборатория этнопсихологии, которую возглавлял Валерий Степанович Топоев – кандидат психологических наук. Цель создания лаборатории – изучение психологии коренного этноса Хакасии в условиях современной экономической и политической ситуации.

Сейчас во главе лаборатории молодой психолог Н.Г. Канзычакова, в секторе работает опытный психолог-практик Т.Н. Капичникова.

В сентябре 2010 г. в институте создан отдел международных отношений, который возглавляет Борис Устинович Амзараков. Достаточно сказать, что за эти годы сектор подготовил для института ряд проектов с нашими партнёрами, такие как:

- Монголо-монакская археологическая экспедиция с участием зав. сектора археологии института Ю.Н. Есина по приглашению Музея доисторической антропологии Княжества Монако. Монголия (2013 г. по настоящее время).

- В рамках сотрудничества ХакНИИЯЛИ и Научно-исследовательского центра по изучению древних культур железного века Восточной Азии (Япония) проводятся полевые исследования памятников древней металлургии (с 2013 г.).

- Японско-хакасская экспедиция по изучению памятников рукописной письменности на территории Хакасии (с 2013 г.).

– В рамках сотрудничества с Культурным фондом Гималайских исследований (Университет г. Нью-Дели, Индия) опубликованы три сборника на английском языке статей сотрудников ХакНИИЯЛИ, посвящённые Н.Ф. Катанову, И.М. Штыгашеву и В.Е. Ларичеву.

Развитие партнёрских отношений осуществляется с более, чем с 40 зарубежными и российскими научными и образовательными центрами.

Институт имеет уникальную научную библиотеку (зав. библиотекой С.А. Чебодаева) и рукописный фонд (с 2000 г.), последний возглавляет кандидат филологических наук А.С. Чочиева.

В разное время во главе ХакНИИЯЛИ стояли директора, внёсшие огромный вклад в развитие хакасской науки и культуры – Николай Георгиевич Доможаков (1944-1955), Степан Павлович Ултургашев (1956-1959; 1969-1970), Дмитрий Иванович Чанков (1960-1969), Валентин Абрамович Асочаков (1970-1992), Яков Иванович Сунчугашев (1992-1995), Гавриил Гаврилович Котожеков (1995-1998).

С мая 1998 г. возглавляет институт Валентина Николаевна Тугужекова, доктор исторических наук, профессор. Все эти годы с ней работают учёный секретарь института, кандидат исторических наук Н.А. Данькина, и заместитель по административно-хозяйственной части Е.И. Таштандинова.

В настоящее время структура института представлена 10 научными подразделениями: сектором археологии (зав. сектором, к.и.н. Ю.Н. Есин), сектором истории (зав. сектором, к.и.н. Т.А. Кискидосова), сектором хакасского языка (зав. сектором, кфн А.С. Кызласов), сектором литературы (зав. сектором д.ф.н. А.Л. Кошелева, сектором фольклора (зав. сектором к. филол.н. Н.С. Чистобаева), сектором экономики и социологии (зав. сектором, к.э.н. Г.М. Шапошников), лабораторией этнопсихологии (зав. лабораторией Н.Г. Канзычакова), научной библиотекой (зав. библиотекой С.А. Чебодаева), рукописным фондом (зав. рукописным фондом А.С. Чочиева), лабораторией генеологических исследований (зав. лабораторией А.С. Нилогов), отделом

по международным и межрегиональным связям (начальник отдела Б.У. Амзараков.)

В последние годы институт проводит комплексное исследование по теме «Хакасия в контексте истории и культуры Южной Сибири и Центральной Азии» по 5 фундаментальным направлениям научно-исследовательской работы:

1. Археологические исследования Южной Сибири и сопредельных территорий;
2. История и культура Хакасии и сопредельных территорий в древности, средневековье, новое время и современности;
3. Экономика, население и общественное сознание народов Южной Сибири;
4. Современный хакасский язык;
5. Культурное наследие народов Южной Сибири.

Научно-исследовательская деятельность института осуществляется под методическим руководством Сибирского отделения Российской академии наук (с 1999 г.). Институт активно сотрудничает с Институтом востоковедения РАН, Институтом этнологии и этнографии им. М.М. Миклухо-Маклая РАН, Институтом истории СО РАН, Институтом филологии СО РАН, Институтом философии и права СО РАН, Институтом археологии и этнографии СО РАН.

Институт является коллективным членом Общества востоковедов РАН (с 2002 г.), Сибирской Ассоциации Исследователей Первобытного искусства (с 2002 г.).

Установлено международное сотрудничество института с Венским, Познанским, Краковским, Стамбульским, Бишкекским, Кокшетауским, Финским обществом по изучению первобытного искусства, Культурным фондом гималайских исследований (Индия), Университетом Осаки (Япония), Центром исследования древней культуры железа Восточной Азии (Япония), Музеем доисторической антропологии Княжества Монако, Институтом археологии Университета Оксфорда (Великобритания) и др.

Литература:

1. Алябьева Л.А. Работа института // Зап. ХакНИИЯЛИ. 1961. Вып. 2. С. 135-150.
2. Артамонова Н.Я. К истории создания Хакасского научноисследовательского института языка, литературы и истории // Ежегод. Интасаяно-алтайской тюркологии. 1999. Вып. 3. С. 115-121.
3. Асочаков В.А. Научные исследования в Хакасском НИИЯЛИ и пути их развития // Изв. СО АН СССР. Сер. истории, филологии и философии. 1986 а. Вып. 3, № 14. С. 9-15.
4. Асочаков В.А. 40 лет Хакасскому НИИЯЛИ // Из истории советской Хакасии. Абакан, 1986 б. С. 133-142.
5. Ултургашев С.П. Научный центр Хакасской автономной области // Учёные, зап. ХакНИИЯЛИ. 1970. Вып. 15. С. 6-19.
6. О работе ХакНИИЯЛИ в 1969 г. // Учён. зап. ХакНИИЯЛИ. 1971. Вып. 16. С. 226-232.

ValentinaN. Tuguzhekova

*D.Sc. in Historical Sciences, Full Professor
Khakass Scientific Research Institute
of Language, Literature and History*

Abstract: The article covers the history of the creation and development of the Khakas Scientific Institute of Language, Literature and History, which this autumn celebrates an important date – 75th anniversary since its foundation. The work speaks of the departments of the Institute, leading areas of research and the main achievements in its academic activity.

Keywords: Khakasia, Institute, scientific workers, history, language, literature, scientific researches, publications.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГМ – Муниципальное казённое учреждение города Минусинска «Архив города Минусинска»

АИАиЭТ СО РАН – Архив Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук

АУ ФСБ – Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю

ВСНХ – Высший совет народного хозяйства

ВЦИК – Всероссийский (Всесоюзный) Центральный Исполнительный комитет

ГАКК – Государственный архив Красноярского края

ГАНО – Государственный архив Новосибирской области

ГКУ РХ НА – Государственно-казённое управление Республики Хакасия «Национальный архив»

Главконцеском – Главный концессионный комитет при Совете Народных Комиссаров СССР (ГКК; Главконцесск) – ведомство при правительстве СССР, занимавшееся предоставлением концессий иностранным физическим и юридическим лицам для торговой и производственной деятельности с 21 августа 1923 г. по 14 декабря 1937 г.

Госхудлитиздат – Государственное издательство художественной литературы

ЖЗЛ – книжная серия «Жизнь замечательных людей»

Жургаз – Журнально-газетное объединение

Изв. ВСОРГО – Известия Восточно-Сибирского отделения русского географического общества;

Изв. РКСИВА – Известия Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях;

КГПУ – Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;

КККМ – Красноярский краевой краеведческий музей;

МКМ – Минусинский краеведческий музей

МРКМ – Минусинский региональный краеведческий музей им.

Н.М. Мартянова;

НГТУ – Новосибирский государственный технический университет

НИИ – научно-исследовательский институт

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел

НЭТИ – Новосибирский электротехнический институт

ОГПУ – Объединённое государственное политическое управление (в 1923 г. в него преобразовано ГПУ)

РГАСПИ – Российский государственный архив социальной и политической истории

РГБ – Российская государственная библиотека

Сб. МАЭ – Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР.

СНК – Совнарком, Совет Народных Комиссаров РСФСР (СССР)

СО РАН – Сибирское отделение Российской Академии наук

СТО – Совет труда и обороны СССР

ФКККМ – Фонды КГБУК «Красноярский краевой краеведческий музей»

ФМРКМ – Фонды Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартянова

ЦКК – Центральная контрольная комиссия

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БУТАНАЕВ Виктор Яковлевич, д.и.н., профессор, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова
ул. Ленина, 90, г. Абакан, Республика Хакасия, 655000, Россия
e-mail: astai@khakasnet.ru, astaibeg@mail.ru

VIKTOR Y. BUTANAEV

D.Sc. in Historical Sciences, Full Professor; Professor of the Russian history Department of History of institute of KatanovKhakass State University

st. Lenin, 90, Abakan, Republic of Khakassia, 655000, Russia

e-mail: astai@khakasnet.ru, astaibeg@mail.ru

ВДОВИН Александр Сергеевич, к.и.н., профессор кафедры отечественной истории КГПУ им. В.П. Астафьева, Красноярский краевой краеведческий музей

ул. Дубровинского, 84, Красноярск, 660049, Россия

ALEXANDER S. VDOVIN

Candidate of Sciences in History

Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore

St. Dubrovinsky, 84, Krasnoyarsk, 660049, Russia

ДАЦЫШЕН Владимир Григорьевич, д.и.н., профессор, Сибирский федеральный университет

пр. Свободный, 79, г. Красноярск, 660041, Россия

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

ул. Ады Лебедевой, 89, г. Красноярск, 660049, Россия

VLADIMIR G. DATSYSHEN

D.Sc. in Historical Sciences, Full Professor

Siberian Federal University

79 Svobodny Ave., Krasnoyarsk, 660041, Russia
Krasnoyarsk State Pedagogical University
AdyLebedeva, 89, Krasnoyarsk, 660049, Russia
e-mail: dazishen@mail.ru

ЕРМИЛОВА Валентина Васильевна, научный сотрудник,
Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М.
Мартьянова

ул. Ленина, 60, Минусинск, Красноярский край, Россия
e-mail: martianov-muzey@mail.ru

VALENTINA V. ERMILOVA

research fellow of the Minusinsk regional museum after the name of
N.M. Martianov. 662608 Minusinsk town, Leninastreet
e-mail: martianov-musey@mail.ru

ЗАЙКА Александр Леонидович, к.и.н., зав. музеем археологии
и этнографии, Красноярский государственный педагогический
университет им. В.П. Астафьева

ул. Ады Лебедевой, 89, г. Красноярск, 660049, Россия

ALEXANDER L. ZAIKA

Candidate of Sciences in History
Krasnoyarsk State Pedagogical University
AdyLebedeva, 89, Krasnoyarsk, 660049, Russia
e-mail: zaika_al@mail.ru

ЛЕОНТЬЕВ Евгений Викторович, старший научный сотруд-
ник, Минусинский региональный краеведческий музей им.
Н.М. Мартьянова

ул. Ленина, 60, г. Минусинск, Красноярский край, 662608, Россия
e-mail: eu.leontjew2017@yandex.ru

EVGENIY V. LEONTIEV

senior researcher
Minusinsk regional lore museum after the name of N.M. Martianov
st. Lenin, 60, Minusinsk, Krasnoyarsk Territory, 662608, Russia
e-mail: eu.leontjew2017@yandex.ru

МАЙЗИК Елена Игоревна, старший преподаватель, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

ул. Ады Лебедевой, 89, г. Красноярск, 660049, Россия
заведующий сектором музейной педагогики
Красноярский краевой краеведческий музей
ул. Дубровинского, 84, Красноярск, 660049, Россия

ELENA I. MAIZIK

Senior Lecturer, Krasnoyarsk State Pedagogical University
AdyLebedeva, 89, Krasnoyarsk, 660049, Russia
Head of the Museum Education Sector
Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore
St. Dubrovinsky, 84, Krasnoyarsk, 660049, Russia
e-mail: lena.k.elena@mail.ru

МАКАРОВ Николай Поликарпович, к.и.н., зав. отделом археологии и этнографии, Красноярский краевой краеведческий музей

ул. Дубровинского, 84, Красноярск, 660049, Россия

NIKOLAI P. MAKAROV

Candidate of Sciences in History
Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore
St. Dubrovinsky, 84, Krasnoyarsk, 660049, Russia

ПОГРЕБНЯК Александр Иванович, к.и.н.

Минусинск, Красноярский край, Россия

e-mail: alek.pogrebniack@yandex.ru

ALEXANDER I. POGREBNYAK

Candidate of Sciences in History
Minusinsk, Krasnoyarsk Territory, Russia
e-mail: alek.pogrebniack@yandex.ru

ТУГУЖЕКОВА Валентина Николаевна, д.и.н., профессор, Хакасский Научно-Исследовательский Институт языка, литературы и истории

Абакан, Российская Федерация
ул. Щетинкина, д. 23, г. Абакан, Республика Хакасия, 655017,
Россия

e-mail: khaknauka@yandex.ru

VALENTINA N. TUGUZHEKOVA

D.Sc. in Historical Sciences, Full Professor

Khakass Scientific Research Institute

of Language, Literature and History

st.Schetinkina, d. 23, Abakan, Republic of Khakassia, 655017, Russia

e-mail:khaknauka@yandex.ru

ШЕКШЕЕВ Александр Петрович, к.и.н., член
правления Хакасской республиканской орга-
низации «Общество Мемориал», Красноярской
Епархиальной комиссии по канонизации святых и церковно-
историческому наследию.

г. Абакан Республика Хакасия, Россия

e-mail: turan47@yandex.ru

ALEXANDER P. SHEKSHEEV

Candidate of Sciences in History

Republic of Khakassia, Abakan

e-mail: turan47@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

История, археология, этнография

<i>Ермилова В.В.</i> Н.М. Мартьянов – основатель музеев Сибири	4
<i>Майзик Е.И.</i> Международные научные связи Н.М. Мартьянова в области естественных наук	10
<i>Макаров Н.П., Вдовин А.С.</i> «Перспектива работать в Минусинске меня крайне прельщает»: письма В.Г. Карцова к Н.К. Ауэрбаху	34
<i>Бутанаев В.Я.</i> Каменные идолы Енисея	64
<i>Заика А.Л.</i> О стратиграфии антропоморфных образов в окуневском искусстве	82
<i>Леонтьев Е.В.</i> Миграция посадского населения городов Русского Севера за Урал в середине XVIII в. (по материалам Великого Устюга 1763 г.)	97
<i>Дацышен В.Г.</i> Казаки и крестьяне Минусинского уезда в Гражданской войне	110
<i>Погребняк А.И.</i> Государственный, политический и литературный деятель Л.Б. Каменев в Минусинске	135
<i>Шекшеев А.П.</i> Командный состав партизанских частей Степно-Баджейского и Минусинского фронтов	166
<i>Тугужекова В.Н.</i> К 75-летию Хакасского НИИЯЛИ (1944-2019 гг.) ...	207

**УЧЁНЫЕ ЗАПИСКИ
МИНУСИНСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО
МУЗЕЯ ИМ. Н.М.МАРТЬЯНОВА**
(научное издание)
Выпуск № 1

Оригинал-макет: О.В. Войда

Подписано в печать:
Формат: 60х84^{1/16} Гарнитура: Minion Pro
Тираж 206 экземпляров

Отпечатано в интеллектуальной системе Ridero

Минусинск, 2019